

Антропология

Р. Р. Маретт

Anthropology

R. R. Marett



The Project Gutenberg eBook of Anthropology

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, вам придется ознакомиться с законодательством страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Антропология

Автор: R. R. Marett

Дата выхода: 11 декабря 2005 [eBook #17280].

Последнее обновление: 13 декабря 2020 г.

Язык: Английский

Кредиты: Продюсер: Рон Суонсон

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА АНТРОПОЛОГИЯ ***

ДОМАШНЯЯ УНИВЕРСИТЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА СОВРЕМЕННЫХ ЗНАНИЙ

№ 37

Редакторы:

ГЕРБЕРТ ФИШЕР, М.А., Ф.Б.А.

ПРОФ. ГИЛБЕРТ МЮРРЕЙ, ЛИТТ.Д., ЛЛ.Д., Ф.Б.А.

ПРОФЕССОР ДЖ. АРТУР ТОМСОН, М.А.

ПРОФЕССОР УИЛЬЯМ Т. БРЮСТЕР, М.А.

Полный классифицированный список томов

БИБЛИОТЕКИ ДОМАШНЕГО УНИВЕРСИТЕТА

уже опубликованных томов можно найти в конце этой книги.

АНТРОПОЛОГИЯ

R.R. MARETT, M.A.

ЧИТАТЕЛЬ КАФЕДРЫ СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ ОКСФОРДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
АВТОР КНИГИ "ПОРОГ РЕЛИГИИ" И ДР.

НЬЮ-ЙОРК
ГЕНРИ ХОЛТ И КОМПАНИЯ
ЛОНДОН
УИЛЬЯМС И НОРГЕЙТ

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА.

- I СФЕРА ПРИМЕНЕНИЯ АНТРОПОЛОГИИ
- II ДРЕВНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА
- III РАСА
- IV ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА
- V ЯЗЫК
- VI СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
- VII ЗАКОН
- VIII РЕЛИГИЯ
- IX МОРАЛЬ

Х ЧЕЛОВЕК КАК ЛИЧНОСТЬ

БИБЛИОГРАФИЯ

ИНДЕКС

"Кость от кости и плоть от плоти - эти полужверинные доисторические братья. Охваченные, как и мы, необъятной тьмой этой загадочной вселенной, они рождались и умирали, страдали и боролись. Отдаваясь страшным преступлениям и страстям, погружаясь в чернейшее невежество, подвергаясь отвратительным и гротескным заблуждениям, но неуклонно служа глубочайшим идеалам в своей твердой вере в то, что существование в любой форме лучше, чем небытие, они вечно триумфально спасали из пасти неминуемого разрушения факел жизни, который благодаря им теперь освещает мир для нас. Какими мелкими кажутся индивидуальные различия, когда мы оглядываемся на эти огромные массы человеческих существ, пыхтящих и напрягающихся под давлением этой жизненной потребности! И каким ничтожным в глазах Бога должен быть небольшой избыток заслуг отдельного человека, затопленный в огромном океане общих заслуг человечества, безмолвно и неустрашимо выполняющего основной долг и живущего героической жизнью! Мы становимся смиренными и благоговейными, созерцая это потрясающее зрелище".

УИЛЬЯМ ДЖЕЙМС, в книге *"Бессмертие человека"*.

АНТРОПОЛОГИЯ

ГЛАВА I

СФЕРА ПРИМЕНЕНИЯ АНТРОПОЛОГИИ

В этой главе я предлагаю сказать кое-что, во-первых, об идеальных рамках антропологии; во-вторых, о ее идеальных ограничениях; и, в-третьих и в-последних, о ее реальных отношениях с существующими исследованиями. Другими словами, я рассмотрю степень ее притязаний, а затем перейду к рассмотрению того, как эти притязания в современных условиях науки и образования должны быть реализованы.

Прежде всего, какова идеальная сфера применения антропологии? Что она должна включать в себя в самом полном и лучшем виде?

Антропология - это вся история человека, охваченная и пронизанная идеей эволюции. Человек в эволюции - вот предмет в его полном охвате. Антропология изучает человека в том виде, в каком он существует во все известные времена. Она изучает его в том виде, в каком он встречается во всех известных частях света. Она изучает его тело и душу вместе - как телесный организм, подверженный условиям, действующим во времени и пространстве, который находится в тесной связи с душой-жизнью, также подверженной тем же условиям. Рассматривая эти условия от начала до конца, она стремится наметить общий ряд изменений, телесных и душевных вместе, которым подвергся человек в ходе своей истории. Ее задача - просто описать. Но, не выходя за пределы своей сферы, она может и должна идти от частного к общему, стремясь не к чему иному, как к описательной формуле, которая должна подытожить весь ряд изменений, в которых состоит эволюция человека.

Этого будет достаточно, чтобы кратко описать идеальные рамки антропологии. Будучи коротким, он будет довольно формальным и бесцветным. Однако для того, чтобы придать ему некую телесность, необходимо вдохнуть всего одно слово. Это слово - Дарвин.

Антропология - дитя Дарвина. Дарвинизм делает ее возможной. Отвергните дарвиновскую точку зрения, и вы должны отвергнуть и антропологию. Что же такое дарвинизм? Не доктрина. Не догма. Дарвинизм - это рабочая гипотеза. Вы предполагаете, что нечто истинно, и пытаетесь понять, согласуются ли в свете этой предполагаемой истины определенные факты лучше, чем при любом другом предположении. Какую истину предполагает дарвинизм? Просто в том, что все формы жизни в мире связаны между собой; и что отношения, проявляющиеся во времени и пространстве между различными видами жизни, достаточно однородны, чтобы их можно было описать общей формулой, или законом эволюции.

Это означает, что для определенных целей науки человек должен встать в один ряд с остальными живыми существами. И поначалу, что вполне естественно, человеку это не нравилось. Он был слишком властолюбив. Поэтому долгое время он делал вид, что борется

за Библию, в то время как на самом деле он боролся за собственное достоинство. Это было довольно тяжело для Библии, которая не имеет ничего общего с аристотелевской теорией неподвижности видов, хотя, казалось бы, можно было бы заложить нечто подобное в первобытную историю сотворения мира, сохранившуюся в Бытие. Однако сегодня мы уже в основном преодолели первый шок, нанесенный нашей семейной гордостью. Мы все дарвинисты в пассивном смысле. Но нам нужно активно дарвинизироваться. В науках, связанных с растениями и остальными животными, помимо человека, натуралисты так активно занимаются дарвинизацией, что додарвиновские наработки раз и навсегда отложены на полку. Когда же человек, однако, занимается этой темой своего благородного "я", тенденция по-прежнему такова: Мы принимаем дарвинизм до тех пор, пока с ним не считаются, пока мы можем продолжать верить в то же самое, что и раньше, тем же самым способом.

Как мы, антропологи, предлагаем бороться с этой тенденцией? Работая над своим предметом и убеждая людей взглянуть на наши результаты. Если люди однажды возьмутся за антропологию, можно быть уверенным, что они не бросят ее снова. Это все равно что научиться спать с открытым окном. Что может быть более одурманивающим, чем закрыться в чулане и глотать собственные газы? Но разве менее одурманивающе закрыться в пределах последних нескольких тысяч лет истории своего уголка мира и вдыхать затхлую атмосферу его собственных предрассудков? Или, если разнообразить метафору, антропология похожа на путешествие. Каждый начинает с того, что считает, что нет ничего более совершенного, чем его собственный приход. Но пусть человек отправится на корабле в чужие края, и, вернувшись домой, он заставит этот приход проснуться.

Вместе с Дарвином мы, антропологи, говорим: Пусть каждый отрезок человеческой истории изучается в свете всей истории человечества и на фоне истории живых существ в целом. Именно дарвиновское мировоззрение имеет значение. Ни одна из конкретных доктрин Дарвина не выдержит проверки временем и испытаниями. Они должны отправляться в плавильный котел так часто, как только научный человек сочтет нужным. Но дарвинизм как прикосновение природы, делающее весь мир родным, вряд ли может исчезнуть. Во всяком случае, антропология стоит или падает на рабочей гипотезе, вытекающей из дарвинизма, о фундаментальном родстве и преемственности среди изменений между всеми формами человеческой жизни.

Остается добавить, что до сих пор антропология уделяла большую часть своего внимания народам грубой, то есть простой, культуры, которые вульгарно известны нам как "дикари". Основная причина этого, я полагаю, в том, что никто особо не возражает, пока дарвинистская история ограничивается чужаками. Только когда она применяется к себе и друзьям, это вызывает возмущение как дерзость. Но, хотя антропология всегда и до сих пор шла по линии наименьшего сопротивления, она ни на йоту не ослабляет своих притязаний на то, чтобы быть целостной наукой, в смысле целостной истории, о человеке. Что касается слова, назовите его наукой, или историей, или антропологией, или чем-либо еще - какая разница? А вот в том, что касается сути, компромиссов быть не может. Мы, антропологи, добиваемся того, чтобы не было одной истории для дикарей и другой для нас, а была одна и та же история, с одним и тем же эволюционным принципом, проходящим через нее, для всех людей, цивилизованных и дикарей, настоящих и прошлых.

Вот вам и идеальные рамки антропологии. Теперь, во вторую очередь, о ее идеальных ограничениях. Здесь, боюсь, мы должны на мгновение коснуться очень глубоких и сложных вопросов. Но стоит во что бы то ни стало попытаться твердо усвоить тот факт, что антропология, хотя и является большой вещью, но не всем.

Достаточно вкратце остановиться на следующих моментах: антропология - это наука в той мере, в какой история является наукой; она не философия, хотя и должна соответствовать ее потребностям; и она не политика, хотя и может служить ее целям.

Антропология - это наука в смысле специализированного исследования, нацеленного на истину ради истины. Познание по частям - это наука, познание целого как целого - это философия. Каждая из них поддерживает другую, и нет смысла спрашивать, какая из них должна быть первой. Человек осознает вселенную как единое целое, сколько бы он ни решался изучать ее детали по отдельности. Научное настроение, однако, преобладает, когда человек говорит: "Вот определенное множество вещей, которые, кажется, связаны друг с другом определенным образом; давайте попытаемся получить общее представление о том, что это за способ. Антропология, таким образом, специализируется на конкретной группе человеческих существ, которая сама является частью более крупной конкретной группы живых существ. Поскольку она заимствует эволюционный принцип у науки, занимающейся более крупной группой, а именно биологии, антропологию можно рассматривать как отрасль биологии. Однако следует добавить, что из всех отраслей биологии именно она способна приблизить нас к истинному смыслу жизни, поскольку жизнь человеческих существ всегда должна быть ближе к человеческим представлениям о жизни, чем, скажем, жизнь растений.

Но, возможно, вы возразите, что раньше антропология отождествлялась с историей, а теперь ее отождествляют с наукой, а именно с разделом биологии? Является ли история наукой? Ответ: да. Я знаю, что многие люди, называющие себя историками, утверждают, что нет, видимо, на том основании, что, когда речь идет о написании истории, правда ради правды может привести к неправильным результатам. Что ж, подделанная история - это не наука и не антропология, готов признать я. Но теперь давайте послушаем другое, более серьезное возражение против претензий истории на роль науки. Наука, скажут многие искренние ученые, нацелена на открытие законов, которые не подвластны времени. История же нацелена не более чем на обобщенное описание той или иной фазы временного процесса. На это можно ответить, что физика, и только физика, отвечает этому слишком узкому представлению о науке. Законы движения материи являются или кажутся вневременными или математическими. Однако, как только мы переходим к биологии, законы такого рода не могут быть открыты или, во всяком случае, не открываются. Биология имеет дело с жизнью, или, если хотите, с материей как жизнью. Материя движется. Жизнь эволюционирует. Мы вступили в новое измерение бытия. Законы движения материи не отменяются по той простой причине, что в физике от жизни абстрагируются, или, другими словами, оставляют без внимания ее специфические эффекты. Но они трансцендируются. Они умножаются на x , неизвестную величину. Если с точки зрения чистой физики это так, то биология берется за дело заново и придумывает собственные средства для описания особых способов, с помощью которых вещи соединяются друг с другом в силу того, что они живые. И биология обнаруживает, что она не может удобно абстрагироваться от ссылки на время. Она не может относиться к живым существам как к машинам. Что же тогда она делает, ? Она принимает форму истории. Она констатирует, что определенные вещи изменились определенным образом, и далее показывает, насколько это возможно, что эти изменения в

целом происходят в определенном направлении. Короче говоря, она формулирует тенденции, и это ее единственные законы. Некоторые тенденции, конечно, оказываются более устойчивыми, чем другие, и поэтому можно считать, что они более близки к законам вневременного типа. Но x , неизвестная величина, то или иное, что не является физическим, проходит через них все, как бы много или мало они ни казались устойчивыми. Во всяком случае, для науки, которая децентрализует мир и изучает его по кусочкам, невозможно преодолеть тот факт, что живые существа в целом и человек в частности подвержены эволюции, которая является простым делом истории.

А что же теперь с философией? Я не собираюсь затрагивать здесь философские вопросы. По этой причине я не собираюсь описывать биологию как естественную историю или антропологию как естественную историю человека. Пусть философы обсуждают, что для них значит "природа". В науке есть такое слово, как вопрошание; и единственное разумное правило в науке - задавать как можно меньше философских вопросов. Все в мире естественно, конечно, в том смысле, что вещи каким-то образом сродни друг другу. Мы просто обязаны воспринимать части как части целого, и именно этот факт делает философию не только возможной, но и неизбежной. Тем не менее, этот факт не мешает частям иметь свою собственную специфическую природу и особые способы поведения. Люди, отождествляющие природное с физическим, делают ставку на один конкретный вид природы или поведения, который можно найти в мире. В случае с человеком они ставят не на ту лошадь. Лошадь, которую нужно поддерживать, - это лошадь, которая идет. Однако антропология, как часть эволюционной биологии, является историей жизненных тенденций, которые не являются естественными в смысле просто физическими.

Каковы функции философии в отличие от науки? Две. Во-первых, она должна быть критической. Она должна охранять город наук, не позволяя им вмешиваться в права и свободное развитие друг друга. Сотрудничество, конечно, возможно, как, например, между антропологией и биологией. Но не набрасываться на чужие претензии и устанавливать закон для всех, как, например, когда физика навязывает наукам о развивающейся жизни метод, применимый к машинам. Во-вторых, философия должна быть синтетической. Она должна собрать воедино все способы познания и также собрать их воедино со всеми способами чувствования и действия, чтобы в результате возникла теория реальности и хорошей жизни, в той органической взаимозависимости этих двух вещей, которую наша попытка собрать все воедино предполагает в качестве своего объекта.

Каковы же должны быть отношения между антропологией и философией? С одной стороны, вопрос о том, может ли антропология помочь философии, нас здесь не касается. Это должен определить сам философ. С другой стороны, философия может помочь антропологии двумя способами: в ее критическом качестве, помогая ей защищать свои собственные притязания и свободно развиваться без вмешательства посторонних; и в ее синтетическом качестве, возможно, предлагая правило, что из двух типов объяснения, например, физического и биологического, более абстрактное, скорее всего, будет дальше от истины, тогда как, наоборот, чем больше вы вникаете, тем больше шансов действительно понять.

Осталось поговорить о политике. Я использую этот термин для обозначения любого практического использования результатов науки. Иногда, правда, трудно сказать, где кончается наука и начинается политика, как мы видели в случае с теми джентльменами, которые хотели доказать свою историю, потому что на практике это стоит того, чтобы иметь хорошее самомнение о себе и верить, что наша сторона всегда выигрывает свои сражения. Антропология, однако, могла бы позаимствовать у биологии кое-что помимо эволюционного принципа, а именно бескорыстие. Нетрудно быть откровенным с пчелами и муравьями, если,

конечно, не делать из них притчу. Но как антропологи мы должны попытаться, что гораздо сложнее, быть откровенными с самими собой. Давайте посмотрим на себя так, как если бы мы были множеством пчел и муравьев, не забывая, конечно, пользоваться внутренней информацией, которой в случае с насекомыми нам так не хватает.

Это не означает, что человеческая история, выстроенная в соответствии с принципами истины, не должна и не может быть использована для практической пользы человечества. Однако антрополог, как таковой, не заинтересован в том, чтобы его открытия нашли практическое применение. В крайнем случае, он может, руководствуясь убеждением, что истина могущественна и восторжествует на благо человечества, предложить практичным людям изучить его факты и обобщения в надежде, что, лучше узнав человечество, они смогут лучше ценить его и служить ему. Например, администратор, который управляет дикарями, почти всегда имеет благие намерения, но нередко совершенно не знает обычаев и верований туземцев. Так же, во многих случаях, поступает и миссионер - еще один тип людей, наделенных властью, чьи намерения самые благие, но чьи методы часто оставляют желать лучшего. Никакого рвения не хватит, кроме научного понимания условий практической задачи. А образование нужно получать, платя за него. Но правительства и церкви, за некоторыми почетными исключениями, по-прежнему не желают обеспечивать своих стажеров необходимой специальной подготовкой; хотя именно невежество всегда обходится дороже всего в долгосрочной перспективе. Однако политика, в том числе и плохая, не входит в сферу официальной компетенции антрополога. Тем не менее он вправе надеяться, что, подобно тому как физиологическая наука уже много лет косвенно служит искусству медицины, так и антропологическая наука может косвенно, хотя и не менее эффективно, служить искусству политического и религиозного исцеления в грядущие дни.

В третьей и последней части этой главы мы покажем, как в современных условиях развития науки и образования антропология должна реализовать свою программу. До сих пор проблема антропологов заключалась в том, чтобы разглядеть дерево за деревом. Даже занимаясь в основном народами грубой культуры, они нагромодили фактов столько, что сбили с толку и себя, и своих читателей. Пришло время провести сортировку; точнее, сортировка идет сама собой. Всевозможные группы специальных студентов, интересующихся той или иной стороной человеческой истории, приходят сегодня к антропологу, прося разрешения взять из его запасов фактов те, которые им нужны. Таким образом, он, как главный кладовщик, начинает почти бессознательно приобретать чувство порядка, соответствующее предъявляемым к нему требованиям. Товары, которые он должен будет выдавать отдельными партиями, постепенно раскладываются им по отдельным полкам. Поэтому лучший способ продолжить наше исследование - обратить внимание на эти полки. Другими словами, мы должны рассмотреть одно за другим специальные исследования, претендующие на то, чтобы приложить руку к антропологическому пирогу.

Или, чтобы избежать удручающей задачи обзора массива бескровных "-логий", давайте поставим перед собой вопрос так: Предположим, что молодой человек или девушка, желающие пройти курс, по крайней мере годичный, по элементам антропологии, поступают в какой-нибудь университет, который находится в полном контакте с научной деятельностью сегодняшнего дня. Университет, как следует из самого его названия, должен быть

всеобъемлющим собранием высших учебных заведений, настолько согласованных друг с другом, что в совокупности они дают начинающим хорошее общее образование, а более продвинутым студентам предоставляют возможность заниматься тем или иным видом специальных исследований. Как же в таком хорошо организованном университете начинающий антрополог сможет предварительно ознакомиться с четырьмя углами своего предмета? Какие факультеты он должен посещать по очереди? Давайте составим для него учебный план, молясь при этом, чтобы многообразие предъявляемых к нему требований не лишило его дыхания. Человек - существо многогранное, поэтому нет никакой помощи, если антропология тоже будет многогранной.

Во-первых, он должен сидеть у ног тех, кого особенно волнует доисторический человек. Хорошо бы начать именно с этого, поскольку таким образом очарование предмета с самого начала погрузится в его душу. Пусть он, например, мысленно перенесется в Европу много тысяч лет назад, содрогающуюся от последствий великого ледникового периода, но населенную людьми, настолько похожими на нас, что они были живы и знали толк в хорошем огне, делали удобные инструменты из камня, дерева и кости, рисовали животных на стенах своих пещер или гравировали их на мамонтовой кости гораздо искуснее, чем большинство из нас может сейчас, и хоронили своих мертвых церемониальным способом, который указывает на веру в будущую жизнь. Таким образом, он также научится своевременно сочетать методы и материалы различных отраслей науки. Скажем, человеческий череп, несколько костей вымерших животных и несколько обломков кремня обнаруживаются бок о бок примерно в двадцати футах ниже уровня почвы. Чтобы собрать все части головоломки воедино, необходимо обратиться как минимум к четырем специалистам.

Опять же, его нужно научить чему-то о расе, или наследственной породе, применительно к человеку. Доза практической анатомии, то есть некоторые фактические манипуляции и измерения основных частей человеческого каркаса в его ведущих разновидностях, позволит нашему новичку оценить внешние различия, которые отличают, скажем, британского колониста в Австралии от местного "чернокожего", или белых от негров, краснокожих и желтых азиатов в Соединенных Штатах. На этом этапе он может с пользой для себя приступить к изучению деталей дарвиновской гипотезы происхождения человека. Пусть он поищет среди множества современных версий теории эволюции человека ту, которая ближе всего подходит к объяснению степеней физического сходства и непохожести, демонстрируемых людьми в целом по сравнению с животными, особенно человекоподобными обезьянами; а также тех, которые демонстрируют люди разных эпох и регионов по сравнению друг с другом. При этом ему недостаточно просто обратить внимание на физические особенности - форму черепа, цвет кожи, оттенок и структуру волос и так далее. Есть еще и психические особенности, которые, кажется, тесно связаны с организмом и следуют за породой. Это так называемые инстинкты, изучению которых должны способствовать экскурсии в историю психики животных, детей и сумасшедших. Кроме того, измерение и проверка психических функций и, в частности, органов чувств, в наши дни осуществляется с помощью всевозможных хитроумных приборов, и некоторый опыт их использования не помешает при решении проблем спуска.

Кроме того, наш студент должен получить основательные знания по географии мира, где физическая и человеческая стороны прочно связаны друг с другом. Он должен уметь выделить на карте штаб-квартиры всех наиболее заметных народов, причем не только в их нынешнем виде, но и в том, какими они были в различные выдающиеся моменты прошлого. Следующее дело - усвоить основные факты о природных условиях, которым подвергается каждый народ, - климате, строении суши и моря, животном и растительном мире. Отсюда

всего один шаг до хозяйственной жизни - питание, одежда, жилища, основные занятия, орудия труда. Необходимо ознакомиться с избранным списком книг о путешествиях. Не менее важно последовательно изучить витрины хорошего этнологического музея. Также недостаточно изучить мир по регионам. Необходимо проследить и учесть связи между регионами - миграции и завоевания, торговлю и заимствование обычаев. Наконец, на основе их распределения, которое ученик должен нанести на чистые карты мира, можно проследить основные разновидности полезных искусств и приспособлений человека на каждом этапе их развития.

Из специальных исследований, связанных с человеком, следующим по порядку может показаться то, которое имеет дело с различными формами человеческого общества; поскольку, в некотором смысле, социальная организация должна напрямую зависеть от материальных обстоятельств. Однако в другом и, возможно, более глубоком смысле главным условием истинной социальности является нечто иное, а именно исключительно человеческий дар членораздельной речи. В какой степени, таким образом, наш новичок должен обратить внимание на историю языка? Спекуляции о его далеком происхождении нынче не в моде. Более того, уже не предполагается, что язык сам по себе, во всяком случае, в отрыве от других подсказок, дает ключ к бесконечным загадкам расового происхождения. Итак, больше всего необходимо элементарное обучение органической связи между языком и мышлением, а также их совместному развитию на фоне общего развития общества. И так же, как слова и мысли, по сути, являются символами, существуют также жесты-символы и письменные символы, в то время как для счета используется другой набор символов. Все эти предпосылки человеческого общения удобно объединить.

Переходя к анализу форм общества, новичок должен прежде всего столкнуться с проблемой: "Что делает народ единым?" Ни кровь, ни территория, ни язык, а только факт более или менее компактной организации в политическое общество, как выяснилось, не дает необходимого объединяющего принципа. После того как первичная конституция политического тела определена, устанавливается граница, внутри которой можно рассмотреть ряд вполне определенных форм группирования, а за ее пределами - различные социальные отношения более расплывчатого характера. Так, среди институтов внутреннего типа семья сама по себе представляет широкое поле для исследования, хотя в некоторых случаях она может быть заслонена другими видами организации, такими как, например, клан. Под эту же рубрику попадают многочисленные формы более или менее добровольных ассоциаций, экономических, религиозных и так далее. С другой стороны, за пределами политического тела на всех известных стадиях развития общества существуют взаимные договоренности, регулирующие войну, торговлю, путешествия, празднование общих обрядов, обмен идеями. Итак, перед нами множество типов человеческих ассоциаций, которые следует сначала изучить по отдельности, а затем рассмотреть в связи друг с другом.

С предыдущей темой тесно связана история права. Каждый тип ассоциации, в некотором роде, имеет свой закон, по которому его члены вынуждены выполнять определенный набор обязательств. Таким образом, наш студент переходит от форм общества к наиболее важным его функциям. Тот факт, что среди менее цивилизованных народов право не кодифицировано и является лишь обычаем, а механизмы его применения, хотя и достаточно эффективны, но зачастую весьма неопределенны и эпизодичны, делает прослеживание роста правовых институтов от их зачатков не менее жизненно важным, хотя и не облегчает его. История власти - тема строго родственная. Законодательство и судейство, с одной стороны, и управление, с другой, - это разные аспекты одной и той же общей функции. В соответствии с уже указанным порядком сначала должны быть рассмотрены закон и власть,

осуществляемые политическим обществом в лице его представителей, вождей, старейшин, военачальников, королей-священников и т. д.; затем юрисдикция и дисциплина подчиненных органов, таких как семья и клан, или религиозные общества, торговые гильдии и т. д.; наконец, международные конвенции с имеющимися средствами обеспечения их соблюдения.

Опять же, история религии - это смежная тема, представляющая далеко идущий интерес. Можно даже сказать, что для понимания более грубых форм общества она является главным ключом. На этой стадии религия является главной опорой закона и правительства. Сдерживающая сила обычаев ощущается в значительной степени через увеличивающую дымку мистических санкций; в то же время положение лидера общества по большей части зависит от вменяемых ему сверхъестественных способностей. Религия и магия, таким образом, должны быть тщательно изучены, если мы хотим понять, как различные лица и органы, осуществляющие власть, помогают, или, наоборот, мешают, в своих усилиях по поддержанию социальной дисциплины. Помимо этого фундаментального вопроса, есть и другой, не менее важный, к которому открывает путь изучение религии и магии. Это проблема того, как рефлексии удастся как бы удвоить человеческий опыт, установив рядом с внешним миром чувств внутренний мир мыслотношений. Конструктивное воображение - королева тех психических функций, которые встречаются в том, что мы небрежно называем "мыслью"; и воображение всегда наиболее активно там, где на внешней границе рутинной работы разума наши невнятные вопросы устремляются в неизвестность. Когда гению приходит озарение, почти всегда, среди более грубых народов, оно принимается им самим и его обществом как нечто сверхнормальное и священное, будь то акт руководства или указ, практическое изобретение или произведение искусства, история прошлого или пророчество, лекарство или разрушительное проклятие. Более того, общественная традиция хранит память об этих откровениях и, смешивая их с вкладом более скромных людей - ведь все мы мечтаем о своих снах, - дает в мифах, легендах и сказках, а также в других многообразных видах искусства стимул для вдохновения будущих поколений. Для большинства целей изобразительное искусство, во всяком случае, на его зачаточных стадиях, можно изучать в связи с религией.

Поскольку право и религия не объясняют разновидности социального поведения, новичку удобнее всего рассматривать их в рамках морали. Формы социального общения, мода, праздники навязываются нам нашими товарищами извне, и не менее эффективно, потому что, как правило, мы подчиняемся им как само собой разумеющемуся. Разница между манерами и моралью высшего порядка объясняется тем, что в случае самых серьезных обязанностей нам требуется рефлекторная санкция, "моральное чувство", чтобы заставить нас служить обществу. Нелегкая задача - не учитывать правовые и религиозные наказания или поощрения, когда пытаешься оценить, во что выливаются понятия добра и зла, распространенные в данном обществе; тем не менее, это стоит сделать, и существуют ценные коллекции материалов, помогающие в этой работе. Факты о воспитании, которое даже среди грубых народов часто продолжается до самой зрелости, бросают много света на эту проблему. Так же как и морализаторство, воплощенное в традиционных народных преданиях - пословицах, баснях о зверях, историях о героях.

Остается человек, которого нужно изучать в самом себе. Если социальная наука игнорирует личность, как это иногда кажется, то тем хуже для социальной науки, которая в соответствующей степени не является подлинно антропологической. На протяжении всей истории человечества наш начинающий исследователь должен быть в поиске признаков и последствий личной инициативы. Свобода выбора, конечно, ограничена тем, что есть из

чего выбирать; поэтому параллельно следует изучать развитие того, что можно назвать социальными возможностями. Опять же, цель каждой моральной системы - воспитать каждого человека так, чтобы его директивное "я" как можно дальше отождествлялось с его социальным "я". Даже самоубийство не является личным делом человека, согласно голосу общества, который звучит в моральном кодексе. Тем не менее, чтобы не упустить важную истину о том, что социальный контроль предполагает наличие воли, которая должна встречать контроль на полпути, изучающему человека будет полезно уделить отдельное и особое внимание индивидуальному агенту. Последнее слово в антропологии - это: Познай самого себя.

ГЛАВА II

ДРЕВНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

История, в более узком смысле этого слова, зависит от письменных источников. Прослеживая историю до того момента, когда наши письменные записи становятся туманными, а непосредственные предки или предшественники народов, вошедших в историю, раскрываются в легендах, которые приходится разгребать с помощью лопаты, мы переходим в протоисторию. За ней, опять же, за той точкой, где письменные источники вообще не имеют смысла, следует предыстория.

Как же, спросите вы, предысторик приступает к работе? Каков его метод соединения фактов воедино? И каковы источники его информации?

Сначала о методе. Предположим, на поле играют в футбол несколько мальчиков, чья лишняя одежда валяется повсюду кучей; и предположим, что вы хотите по какой-то причине выяснить, в каком порядке мальчики оказались на поле. Как бы вы взялись за это дело? Конечно, вы подойдете к одной из куч выброшенной одежды и обратите внимание на то, что куртка этого мальчика лежала под жилетом того мальчика. Перейдя к другим кучам, вы обнаружили бы, что в некоторых случаях мальчик бросил на одну кучу свою шляпу, на другую - галстук и так далее. Это еще больше помогло бы вам определить общую последовательность прибытия. Да, но что, если некоторые из куч имеют признаки расстройства? Ну, вы должны сделать поправку на эти нарушения в своих расчетах. Конечно, если кто-то намеренно завалил кучу сеном, вы не будете обеспокоены. Однако есть шанс, что при наличии достаточной кучи одежды, а также намеренной и систематической ее порчи вы сможете довольно точно определить, какой мальчик был раньше, чем какой; хотя вряд ли вы сможете с точностью сказать, опередил ли Том Дика на полминуты или на полчаса.

Таков метод предыстории. Он называется стратиграфическим методом, потому что основан на описании пластов, или слоев.

Позвольте мне привести простой пример того, как пласты рассказывают свою собственную историю. Это не очень примечательный пример, но я сам его изучал. На лугу в городе Сент-Хелиер, штат Джерси, рыли котлован для газгольдера и дошли в своих буровых скважинах до породы на глубине около тридцати футов, что примерно совпадает с современным средним уровнем моря. Современная луговая почва уходила вниз примерно на пять футов. Далее шел слой мха-торфа толщиной от одного до трех футов. Судя по аналогичным находкам в других местах, здесь было болото, причем незадолго до начала бронзового века. Под мхом-торфом оказалось два-три фута ила с морскими раковинами. Очевидно, что остров Джерси в те времена подвергался какому-то погружению. Под этим слоем находился большой торфяной пласт толщиной от пяти до семи футов, в котором лежали крупные стволы деревьев - остатки прекрасного леса, которому, должно быть, требовалась более или менее возвышенная земля, чтобы расти. В торфе лежало орудие из полированного камня, а на дне - два куса керамики, один из которых был украшен маленькими ямками. Этих фрагментов достаточно, чтобы показать, что лесовики принадлежали к раннему неолиту, как его еще называют. Далее находилось около четырех футов ила с морскими раковинами, что свидетельствует об очередном продвижении моря. Ниже, опять же на глубине шести-восьми футов, находилась масса характерной желтой глины с далеко занесенными фрагментами горных пород, которая ассоциируется с великими наводнениями ледникового периода. Должно быть, земля находилась выше уровня прилива, чтобы на ней осели ледниковые отложения. Наконец, три-четыре фута голубой глины, покоящейся непосредственно на коренных породах, были такими, которые могли быть порождены морем и, вероятно, свидетельствовали о его присутствии на этом уровне в еще более отдаленном прошлом.

Здесь пласты в основном геологические. Человек появляется лишь в одном месте. Я мог бы привести гораздо более яркий пример - лучший из известных мне - из Сент-Ашеля, пригорода Амьена на севере Франции. Здесь М. Коммон обнаружил человеческие орудия труда разных типов примерно в восьми из одиннадцати или двенадцати последовательных геологических слоев. Но этот рассказ займет слишком много времени. Тем не менее, хорошо бы начать с примера, который в первую очередь является геологическим. Ведь именно геолог является хронометром доисторического периода. Доисторикам приходится вести отсчет в геологическом времени - то есть не в годах, а в эпохах неопределенной протяженности, соответствующих заметным изменениям в состоянии земной поверхности. Простому человеку требуется немало времени, чтобы понять, что бесполезно спрашивать доисторика, который с гордостью демонстрирует череп или каменное орудие: "Пожалуйста, сколько лет назад жил его владелец?" Помнится, я слышал подобный вопрос, заданный великому эрудиту М. Картайяку, когда он читал лекцию о доисторических рисунках, найденных во французских и испанских пещерах; и он ответил: "Возможно, не менее 6 000 лет назад и не более 250 000". Основой нашей нынешней системы определения ряда доисторических эпох является геологическая теория ледникового периода, состоящего из череды периодов экстремального оледенения, сменяющихся более мягкими интервалами. Геологи должны решить по-своему, если, конечно, астрономы не помогут им, почему вообще должен был существовать ледниковый период; каковы были количество, масштабы и относительная продолжительность его подъемов и спадов; и в какое время, примерно, он прекратился в пользу умеренных условий, которыми мы наслаждаемся сейчас. Доисторики, со своей стороны, должны довольствоваться тем, чтобы те следы раннего человека, которые они обнаруживают, вписывались в эту заранее установленную схему, как бы неопределенна она ни была. Однако с каждым днем достигается все больше согласия как между ними, так и

между ними и геологами, так что в один прекрасный день, я уверен, если не завтра, мы с достаточной точностью узнаем, как мальчишки, оставившие свою одежду валяться без дела, шли друг за другом в поле.

Иногда, однако, геология, на первый взгляд, не входит в расчет. Так, я мог бы попросить читателя помочь в раскопках пещеры, скажем, одной из знаменитых пещер в Ментоне, на Итальянской Ривьере, за юго-восточным углом Франции. Эти пещеры были заселены человеком на протяжении огромного отрезка времени, и, когда вы копаете вниз, вам попадаются один за другим слои его останков. Но обратите внимание, как легко в таком случае вас может сбить с толку то, что кто-то перевернул кучу одежды, или, одним словом, сделал перестановку. Так, человек, чьи остатки должны составлять слой до половины, возможно, решил вырыть глубокую яму в полу пещеры, чтобы похоронить умершего друга, а вместе с ним, предположим, и ассортимент вещей, которые могут пригодиться в жизни за пределами могилы. Следовательно, оружие одного возраста будет найдено лежащим щекой к щеке с оружием гораздо более раннего возраста, или даже, возможно, на несколько футов ниже его. Тогда доисторику приходится опираться на общий ход или тип, причисляя различные орудия к своему слою. К счастью, в старые времена мода не была строгой, так что для доисторического исследователя два кремня с немного разными сколами могут обозначать отдельные эпохи культуры так же четко, как греческая ваза и немецкая пивная кружка для исследователя более поздних времен.

Достаточно о стратиграфическом методе. Далее несколько слов о главных источниках информации для предыстории. Помимо геологических фактов, существует три основных класса свидетельств, которые позволяют отличить одну доисторическую эпоху от другой. Это кости животных, кости человека и изделия рук человеческих.

И снова я иллюстрирую это на примере случая, о котором мне довелось узнать из первых рук. На Джерси, возле бухты Сент-Брелада, есть пещера, в которой мы прокопали около двадцати футов скопившейся глины и каменного мусора, предположительно последствий последних мук ледникового периода, и наткнулись на доисторический очаг. Здесь были большие камни, поддерживавшие огонь, и пепел. Сбоку лежали остатки кучи пищевых отходов. Кусочки истлевшей кости были не слишком привлекательны на вид, но, попав в руки эксперта, они раскрыли историю. Он показал, что это останки шерстистого носорога, еще более громоздкого товарища мамонта, северного оленя, двух видов лошадей, одна из которых - похожая на пони дикая лошадь - до сих пор встречается в монгольских пустынях, дикого быка и оленя. Воистину, в те времена, когда Джерси был частью замерзшего континента, охота здесь была лучше.

Далее в куче еды обнаруживаются тринадцать чьих-то зубов. Съели ли они его? Не стоит спрашивать, хотя, поскольку хозяину было лет двадцать-тридцать, зубы вряд ли могли выпасть сами собой. Какие же они все-таки точильщики! Второй эксперт утверждает, что корни бьют все рекорды. Они относятся к тому типу черепов, который характерен для чрезвычайно мощной челюсти, нуждающейся в массивном надбровном дуге, чтобы противостоять нагрузке при укусе, и вообще к типу черепа, известному как неандертальский, достаточно крупномозговой, но в то же время необычайно обезьяноподобный.

Наконец, банкетчики оставили после себя множество своих ножей. У этих добрых людей был свой особый и привычный способ отбивать широкую плоскую чешуйку от кремневого стержня; стержни тоже валяются, и, если повезет, вы сможете вернуть некоторые из них в исходное положение. Затем, оставив одну сторону чешуйки нетронутой, они обрезали поверхность оставшейся грани и, по мере того как края становились тупыми от использования, подправляли их камнем-молотком - он тоже лежит у очага, - пока, возможно, чешуйка не потеряла овальную форму и не превратилась в остроконечный треугольник. Привлекается третий эксперт, который без труда признает эти ножи характерной ручной работой эпохи, известной как мустьерская. Если один из этих обработанных кремней с Джерси положить рядом с другим из пещеры Ле-Мустье, расположенной на правом берегу Везера в юго-центральной Франции, откуда и пошло название "мустьерский", вы вряд ли сможете определить, кто из них кто; в то же время, если вы сравните образцы с Джерси с образцами из Амьена, Нортфлита на Темзе или Иклингема в Саффолке, вы увидите то же семейное сходство.

Соединив все эти свидетельства вместе, мы получаем представление, несомненно, довольно скудное, но в той мере, в какой оно обосновано, об охотнике ледникового периода, который был способен одолеть шерстистого носорога, мог приготовить из него шикарный стейк, имел острый нож, чтобы разделывать его, и зубы, чтобы жевать, и вообще знал, как в весьма прохладных условиях устроить себе комфорт и поддерживать свой бег.

Есть еще один класс доказательств, на которые доисторик может опираться с должной осторожностью, хотя риски несомненны, а выгода неопределенна. Более грубые народы современности живут жизнью, которая в своих общих чертах не может быть совершенно не похожа на жизнь людей давних времен. Так, доисторику следует изучить работу Спенсера и Гиллена о туземцах Центральной Австралии, хотя бы для того, чтобы твердо усвоить тот факт, что люди с черепами, склоняющимися к неандертальскому типу, и использующие каменные ножи, тем не менее, могут обладать очень активным умом; короче говоря, достаточно богатая жизнь может оставить после себя бедную мусорную кучу. Однако, когда дело доходит до заимствования деталей, латание дыр в доисторической летописи современными лохмотьями и лоскутами становится лучше для литературы, чем для науки. В конце концов, австралийцы, или тасманийцы, или бушмены, или эскимосы, о которых так много слышно среди доисториков, - наши современники, то есть имеют такую же длинную родословную, как и мы; и за последние 100 000 лет или около того наша популяция претерпела столько изменений, что их популяция, возможно, тоже претерпела несколько. И все же реальное средство против злоупотребления аналогией, как я полагаю, заключается в том, что студент должен в достаточной степени освоиться в обеих отраслях антропологии, чтобы знать каждую из двух сравниваемых вещей такой, какая она есть на самом деле.

Ознакомившись с методом и источниками, я перехожу к результатам. Для длинного списка доисторических периодов, необходимых для Западной Европы, необходимо обратиться к какому-нибудь учебнику, не говоря уже о дальнейших сложностях, вызванных включением остальных частей света. Каменный век с его тремя большими подразделениями, эолитом (*eòs*, греч. "рассвет", и *lithos*, "камень"), палеолитом (*pallæos*, "старый") и неолитом (*neos*,

"новый"), и их многочисленными подразделениями, идет первым; затем век меди и бронзы; и затем ранний железный век, который является примерно пределом протоистории. Здесь я ограничу свои замечания Европой. Я не собираюсь далеко заходить в такие вопросы, как: Кто были строители курганов в Северной Америке? И можно ли считать череп Калавераса и другие останки, найденные в золотоносных галечниках Калифорнии, одними из самых ранних следов человека на земном шаре? Я также не должен останавливаться на рассуждениях о том, доказывают ли темные блестящие кремневые орудия, обнаруженные мистером Генри Бальфуром на высоком уровне ниже водопада Виктория, и, возможно, отложенные там рекой Замбези до того, как она высекала нынешнее ущелье в твердом базальте, что и в Южной Африке человек был жив и занят несметные тысячи лет назад. Кроме того, здесь я ограничусь только каменным веком, поскольку моя цель - проиллюстрировать длинную родословную вида, от которого мы все произошли.

Древность человека - моя непосредственная тема, и я не могу не сказать кое-что об эолитах, хотя эта тема неизменно ставит доисториков в тупик. Однако есть эолиты и эолиты, и некоторые из бельгийских примеров М. Руто сегодня считаются почти респектабельными. Тем не менее, давайте поинтересуемся, не встречаются ли эолиты ближе к дому. Я не могу пожелать читателю ничего более восхитительного, чем съездить в Игтхэм в Кенте и навестить мистера Бенджамина Харрисона. В комнате над тем местом, где раньше находилась бакалейная лавка мистера Харрисона, выставлены на всеобщее обозрение эолиты, которые ему удалось собрать в редкие минуты досуга. Когда он с любовью рассматривает камни и демонстрирует их острия, его энтузиазм, вероятно, окажется неуместным. Но посетитель, надо полагать, настроен скептически. Очень хорошо; до Эша на вершине Норт-Даунс совсем недалеко, хотя и тяжеловато. Здесь находятся охотничьи угодья мистера Харрисона. По этим каменистым участкам он провел сэра Джозефа Прествича и сэра Джона Эванса, чтобы убедить одного авторитета, но не другого. Отметьте эти галечные сугробы ржаво-красного цвета, неравномерно разбросанные по полям, словно реликвии какого-то древнего потока или наводнения. На поверхности, если повезет, можно найти несомненный палеолит раннего типа с ржаво-красным пятном на гравии, свидетельствующим о том, что он пролежал здесь целую вечность. Но и на поверхности, и под ней, на глубине от пяти до семи футов, встречается другой тип камней, так называемый эолит. Он выделяется среди обычных камней отчасти из-за своей формы, а отчасти из-за грубых и сильно изношенных сколов, в которых чувствуется рука художника или природы, в зависимости от вашего склада ума. Возьмите один камень в отдельности, объясняет мистер Харрисон, и вы наверняка отнесете его к обычному дорожному металлу. Но возьмите целую серию, и тогда, убеждает он, вид одних и тех же форм снова и снова будет убеждать вас в том, что здесь поработал человеческий замысел, а не бесцельная случайность.

Что ж, я должен оставить мистера Харрисона превращать вас в друга или врага его эолитов и лишь добавлю пару слов о вероятном возрасте этих эолитоносных гравийных отложений. Сэр Джозеф Прествич попытался решить проблему. В настоящее время Кент и Сассекс простираются на восток пятью более или менее параллельными хребтами, высотой не более 1000 футов, с глубокими долинами между ними. Раньше, однако, таких долин не существовало, и всю страну покрывал огромный купол мела высотой около 2500 футов в своей макушке, хотя другие сказали бы, что меньше. Вот почему такие реки, как Дарент и Медуэй, прорезали Северные Даунс и впадали в Темзу, а не текли на восток по более поздним долинам. Они начали прокладывать свои русла в мягком мелу еще в те времена, когда водораздел проходил с севера на юг по склонам великого купола. А красная галька с эолитами в ней, заключает Прествич, должно быть, спустилась по северному склону, пока купол был еще цел; ведь в ней содержатся фрагменты камня, привезенные с разных концов

нынешних долин. Но если эолиты рукотворные, то человек, предположительно, убил дичь и разделал ее на вершине купола Уилдена, и сколько лет назад - страшно подумать.

Далее перейдем к теме палеолитов. В их существовании, во всяком случае, сомневаться не приходится. Однако более полувека назад, когда аббат Буше де Пертес нашел палеолиты в гравии Соммы в Аббевиле и первым признал их таковыми, не обошлось без небольшого скандала. Однако сегодня весь мир считает само собой разумеющимся, что эти глыбообразные, обесцвеченные и сильно обкатанные камни, по форме напоминающие грушу, которые происходят с высоких террас, отложенных древней Темзой, когда-то были оружием или инструментом человека, у которого было много мышц в руке. Да и пальцев хватало; ведь расколоть кремневый камешек по обеим граням, пока он не примет более или менее симметричную и стандартную форму, не так-то просто, как кажется. Поработайте молотком над таким камешком и посмотрите, какой беспорядок получится. Возвращаясь на минуту к теме эолитов, мы можем с полным основанием утверждать, что экспериментальные формы, более грубые, чем палеолиты раннего речного дрейфа, должны где-то существовать, независимо от того, можно ли отнести к ним эолиты мистера Харрисона или нет.

Действительно, современные тасманийцы вырезали свои простые инструменты так грубо, что любой, кто не знает их истории, мог бы легко принять их за обычные куски камня. С другой стороны, переходя от ранних к более поздним типам речных орудий, мы замечаем, как постепенно практика доводит их до совершенства. Формы становятся все более регулярными и утонченными, вплоть до того момента, который был выбран в качестве границы для первого из трех основных этапов, на которые следует разбить обширную палеолитическую эпоху. Человек позднеашельского периода, как его называют, был поистине великим художником в своем роде. Если вы будете безучастно смотреть на его работы в музее, то, скорее всего, останетесь холодны к их очарованию. Но пошаритесь в гравии, пока вам не посчастливится наткнуться на шедевр; нежно разгладьте пальцами грязь, прилипшую к его поверхности, и обратите внимание на сужающийся или овальный контур, прямой край, ровный и тонкий скол на обеих гранях; затем, аккуратно завернув его в носовой платок, отнесите домой, чтобы вымыть, и до самого сна наслаждайтесь чистотой и сияющим мягким цветом того, что едва ли можно назвать скорее орудием труда, чем драгоценным камнем. Они гордились своей работой, как и древние люди; и пока вы не научитесь сочувствовать, вы не антрополог.

На последующем основном этапе палеолитической эпохи произошел явный спад в культуре, о чем можно судить по качеству обработки кремня. Это были времена мустьерцев, которые питались шерстистыми носорогами на Джерси. Их каменные орудия, обработанные только с одной стороны, бедны по сравнению с орудиями поздних дней Сент-Ачеула, хотя некоторое время вырожденные формы последних, похоже, оставались в употреблении. Что же произошло? Мы можем только гадать. Вероятно, в основе этой перемены к худшему лежало что-то связанное с климатом. Так, М. Руто считает, что во время ледникового периода за каждым сильным замораживанием следовало столь же сильное наводнение, предшествовавшее каждому новому возвращению более мягкой погоды. Один из таких потопов, по его мнению, должен был утопить расу аккуратных пальцев из Сент-Ашель и оставить побережье свободным для мустьерцев с их более грубым типом культуры. Возможно, они были грубее и по своему физическому типу[1].

[Сноска 1: Их телосложение, несомненно, было скорее обезьяноподобным, чем неандертальским. Если, однако, череп, найденный в Галли-Хилл, близ Нортфлита в Кенте, среди гальки, отложенной Темзой, когда ее уровень был примерно на девяносто футов выше современного, относится к раннему палеолиту, как полагают некоторые авторитеты, то в эпоху дрейфа существовал тип человека с довольно высоким лбом и умеренными надбровными дугами, и в целом он был менее грубым образцом человечества, чем наш мустьерский друг с большими точилами].

К заслугам мустьерцев, однако, следует отнести тот факт, что они связаны с привычкой жить в пещерах и, возможно, даже положили ей начало; хотя некоторые орудия дрейфующего типа встречаются в самом Ле-Мустье, а также в других пещерах, например, в знаменитой Кентской пещере близ Торки. Климат, опять же, очень может быть, должен ответить за то, что таким образом загнал человека под землю. Как бы то ни было, то ли потому, что они должны, то ли потому, что им это нравилось, мустьерцы продолжали вести пещерный образ жизни на протяжении огромного промежутка времени, не добиваясь особых успехов, разве что постепенно научились затачивать кости в орудия труда. Но и пещеры, и кости должны были сыграть гораздо более яркую роль в последующие дни.

Третий и последний основной этап палеолитической эпохи постепенно перерос в золотой век искусства. Но я не могу останавливаться на всех его достижениях. Я должен пройти мимо прекрасных изделий из кремня, таких как тонкие лезвия с узором в виде лаврового листа, довольно распространенные во Франции, но редкие в Англии, относящиеся к стадии или типу культуры, известной как солютрейская (от Солютре в департаменте Сона-и-Луара). Я также должен пройти мимо изысканных французских образцов резьбы или гравировки по кости и слоновой кости; единственная гравировка головы лошади из пещеры в Кресвелл-Крэгс в Дербишире - это все, что Англия может предложить в этой области. Любой хороший музей может показать вам образцы или модели этих восхитительных предметов, в то время как вещи, о которых я собираюсь рассказать, должны навсегда остаться спрятанными там, где их оставили создатели - я имею в виду картины и гравюры на стенах французских и испанских пещер.

Прежде всего я приглашаю вас отправиться со мной в пещеру Гаргас близ Авентирона, под сенью Пик дю Миди в Высоких Пиренеях. На полпути вверх по холму, посреди пустыни скальных обломков, реликтов ледникового периода, находится небольшое отверстие, спустившись в которое, мы попадаем в просторный грот с низкой крышей, простирающийся на пятьсот футов или около того в бесконечную темноту. Вблизи устья, куда свободно проникает дневной свет, находятся остатки очага, причем костные остатки и выброшенные орудия перемешаны с пеплом на значительной глубине. Одного взгляда на эти орудия, например на небольшой кремневый скребок с узкой высокой спинкой и перпендикулярным сколом по бокам, достаточно, чтобы понять, что люди, когда-то гревшие здесь пальцы, относились к так называемому ауриньякскому типу (Ауриньяк в департаменте Верхняя Гаронна на юге Франции), то есть жили где-то на заре третьего этапа палеолитической эпохи. Сразу после их исчезновения природа, видимо, снова запечатала пещеру до наших дней, так что мы можем изучать их здесь в полном одиночестве.

Теперь давайте возьмем наши лампы и исследуем секреты внутреннего пространства. Ледяные потоки, выдолбившие ее в известняке, выдолбили по бокам округлые выемки. На их белой поверхности, покрытой сохранившейся пленкой сталактита, мы сразу же замечаем очертания множества рук. Большинство из них - левые, что свидетельствует о том, что ауриньякцы, как и мы, были правшами и наносили краску, черную марганцовку или красную охру, между расставленными пальцами так, как нам тоже было бы удобно. Любопытно, что

эта практика рисования рук на стенах пещер распространена среди австралийских аборигенов, но, к сожалению, они держат причину, если она глубже, чем простое развлечение, строго при себе. Как и австралийцы, и другие грубые народы, эти ауриньякцы, по-видимому, отрубали себе пальцы - из каких-то религиозных побуждений, можно догадаться, судя по изуродованному виду многих отпечатков рук.

Использование краски здесь ограничено этим классом настенных украшений. Но острый кремний - отличный инструмент для гравировки, и ауриньякский охотник стремится воспроизвести с помощью этого средства формы тех животных, о которых он, несомненно, мечтает днем и ночью. Его усилия в этом направлении, однако, скорее напоминают работу наших детских школ. Посмотрите на этого бизона. Его морда нарисована сбоку, но рога расходятся вправо и влево, как будто в анфас. И снова наш друг обходит стороной такие детали, как ноги. Можно предположить, что простое желание мастерства заставляет его создавать то, что больше похоже на символ чего-то мыслимого, чем на портрет чего-то видимого. И так мы блуждаем все дальше и дальше в мрачных глубинах, пополняя наш доисторический зверинец все новыми и новыми экземплярами, включая редкую находку птицы, необычайно похожей на пингвина. Следите, кстати, чтобы не провалиться в круглое отверстие в полу. Она очень глубокая, и более сорока пещерных медведей оставили на дне свои скелеты, среди которых ваш скелет будет смотреться неуместно.

На следующий день мы отправимся на восток, в Малые Пиренеи, чтобы увидеть еще одну пещеру, Niaux, расположенную высоко в долине, изрезанной почти до самого верха бывшими ледниками. Глубина этой пещеры составляет около мили, и вам придется полмили неловко пробираться среди валунов и сталактитов, не говоря уже о том, что в одной части прохода вы задохнетесь так, что это озадачит толстяка, прежде чем пещера станет просторной, и вы окажетесь в огромном подземном соборе, который доисторический человек избрал для своей картинной галереи. Это был более поздний вид, который за это время научился рисовать в совершенстве. Посмотрите на смелый черно-белый портрет дикого пони с развевающимися гривой и хвостом, блестящим бочком и веселой курносой мордочкой. Его размер составляет четыре или пять футов в поперечнике, и ни один дюйм работы не выбивается из масштаба. То же самое можно сказать почти о каждой из пятидесяти с лишним фигур животных, принадлежащих к семейству диких. Эти художники могли рисовать то, что видели.

Но при этом они могли изобразить на стенах и то, что думали. Здесь также есть целые ряды символов, которые ждут, возможно, вечно ждут, чтобы их интерпретировали. Точки, линии и выбоины явно принадлежат к системе написания картин. Можем ли мы вообще понять их смысл? В какой-то мере, возможно. Обратите внимание на эти знаки, похожие на два разных вида метательных клюшек; во всяком случае, австралийское оружие на них не похоже. Слева от них - множество точек, похожих на узоры, среди которых дважды встречается схема одной точки в центре круга других. Затем, еще дальше влево, появляется нарисованная фигура бизона; точнее, нарисована передняя половина, а задняя представляет собой кусок выступающей скалы, что создает эффект низкого рельефа. Бизон откинулся на спину, а над его сердцем красуется пятно красной краски, похожее на открытую рану. Попробуем прочитать загадку. Вполне возможно, что она воплощает в себе амулет, который звучит примерно так: "С этим оружием и с этой тактикой окружения мы можем убить жирного бизона, о вы, силы тьмы!". Можете не сомневаться, что люди, отправившиеся на полмили в недра горы, чтобы нарисовать что-то на стенах, делали это не просто так. Это очень жуткое место, и, смею предположить, большинство из нас не хотели бы провести там ночь в одиночестве; хотя я знаю одного доисторика, который так и сделал. В Австралии, как мы

увидим позже, наскальные рисунки животных, не столь реалистичные, как в старые времена, но символические почти до неузнаваемости, являются частью торжественных церемоний, во время которых считается, что удачная охота обеспечена. Можно предположить, что нечто подобное происходило много веков назад в пещере Нио. И действительно, это был собор в некотором роде; и, вспоминая резные колонны из сталактита, изогнутые альковы и боковые капеллы, сияющие белые стены и тусклый потолок, презиравший наши мощные лампы, я осмелюсь усомниться, что человек когда-либо возносил свое сердце в более великом соборе.

Мне не хватит места, если я сейчас попытаюсь перенести вас в пещеру Альтамира, расположенную недалеко от Сантандера, на северо-западе Испании. Здесь вы сможете увидеть в лучшем виде еще более поздний стиль наскальной живописи, в котором черное и белое отменяется ради цветной штриховки самого свободного описания. На мой взгляд, он почти слишком свободен, поскольку, несмотря на полный контроль художника над грубым материалом, он склонен отворачиваться от реальной жизни, заставляя формы животных принимать позы, более яркие, чем естественные, и наделяя их лица иногда, как мне кажется, почти человеческими выражениями. Что бы ни думали о вероятности того, что эти звери были изображены похожими на людей, несомненно, что в расписанных пещерах этого периода мужчины почти всегда имеют головы животных, как если бы они были мифологическими существами, наполовину животными, наполовину людьми; или, что более вероятно, танцорами в масках. Однако в одном месте, а именно в скальном убежище Когул близ Лериды, на испанской стороне Пиренеев, мы имеем изображение группы женщин-танцовщиц, которые не в масках, а одеты в стиле того времени. На них высокие шляпы или шиньоны, туго затянутые талии и юбки в форме колокола. Действительно, если учесть, что перед нами, так сказать, образец современной моды, а также многочисленные трафаретные стрелки в других местах, и даже, как я видел своими глазами в Нио на песчаном полу, затвердевшем от сталагмита, настоящий отпечаток ступни, мы очень близко подошли к нашим предшественникам из палеолита; хотя если считать по времени, их отделяют от нас неопределенные века.

Прежде чем закончить эту главу, я должен выполнить обещание и рассказать кое-что о неолитических людях Западной Европы. Эти люди часто, хотя и не всегда, полировали свой камень; палеолитические люди этого не делали. Это отличительный знак, по которому с удовольствием ходит мир. Однако было бы фатально забывать, что наряду с этим незначительным различием существует множество других, которые более четко свидетельствуют о контрасте между более древними и более новыми типами культуры. Так, еще предстоит доказать, что палеолитические расы когда-либо использовали керамику, или что они одомашнили животных - например, жирных пони, которых они так любили есть; или что они сажали зерновые культуры. Все это рано или поздно сделали неолитические народы, так что не было бы странным, если бы палеолитический человек отступил в их пользу, потому что не мог конкурировать. О том, как он ушел из жизни, предыстория на сегодняшний день почти ничего не говорит. Однако в сыром и продуваемом туннеле под названием Мас д'Азиль на юге Франции, где река Ариз все еще пробивает себе путь через гору, некоторые палеолитические люди, похоже, продолжали жить в печальном состоянии упадка. Прежняя уверенность в прикосновениях при резьбе по кости покинула их. Опять же,

их живопись ограничивалась украшением некоторых галек пятнами и линиями, любопытными предметами, которые, возможно, не лишены аналогии в Австралии, в то время как нечто подобное снова появляется на севере Шотландии в, кажется, раннем железном веке. Неужели остальные палеолитические люди уже последовали за северными оленями и другими арктическими животными на северо-восток? Или неолитическое вторжение, пришедшее с юга, уничтожило всех? Или же произошло смешивание, и, возможно, в некоторых из нас есть небольшая доля палеолитической крови, как и большая доля неолитической? На все эти вопросы можно ответить только то, что мы еще не знаем.

Мы не знаем и половины того, что хотели бы знать о пятидесяти вещах, связанных с маленькими, темными, длинноголовыми неолитическими людьми с языком, который, возможно, оставил следы в современном баскском, которые распространились по западу, пока не достигли Великобритании - вероятно, к этому времени она была островом - и воздвигли известные длинные курганы и другие памятники мегалитического типа (большие камни); но не круглые курганы, которые являются работой последующей круглоголовой расы бронзового века. Однако каждый день лопата пополняет наши знания. Кроме того, большинство более грубых народов современного мира к моменту открытия их европейцами находились на неолитической стадии культуры. Таким образом, оружие, домашняя утварь, керамика, свайные жилища и т. д. могут быть тщательно сопоставлены; и у нас есть свежий пример того, как одна отрасль антропологии может помочь другой.

Однако, следуя своему плану - просто останавливаться то тут, то там на иллюстрациях, - в заключение я совершу экскурсию в Брэндон, расположенный на границе между графством Саффолк и Норфолком. Здесь мы можем, так сказать, одной ногой встать в эпоху неолита, а другой - в современную жизнь. Когда в 1870 году каноник Гринвелл исследовал в этом районе одну из неолитических кремневых шахт, известную как "Могила Грим", ему пришлось выгребать мусор из бывшей воронкообразной ямы глубиной около сорока футов. Оказалось, что на этом уровне неолитический рабочий обнаружил слой лучшего кремня. Его он добывал с помощью узких галерей во всех направлениях. В качестве кирки он использовал оленьи рога. В Британском музее хранится одна из таких кирок с отпечатком большого пальца шахтера на куске глины, прилепленном к рукоятке. Его лампа представляла собой чашку из мела. Его лестница, вероятно, представляла собой ряд грубых ступеней, вырубленных в стенках ямы. Что касается того, как использовался материал, то к югу от Могилы Грим была обнаружена неолитическая мастерская. Здесь со всех сторон были разбросаны ядра, камни-молотки, которыми их разбивали, а также ножи, скребки, сверла, наконечники копий и стрел на всех стадиях изготовления.

Ну, а теперь давайте отправимся в Лингхит, расположенный неподалеку, и что же мы там найдем? Семья Дайеров и по сей день занимается добычей полезных ископаемых точно таким же старым методом. Их ямы более квадратной формы, чем неолитические, но в остальном они похожи. Их однозубая кирка сохранила форму оленьего рога. Их фонарь - это свеча, воткнутая в чашку с мелом. А лестница - это просто ряд выступов или, как они их называют, "пальцев" в стене, расположенных на расстоянии пяти футов друг от друга и соединенных отверстиями для ног. Шахтер просто перебрасывает свой груз, несколько сотен килограммов кремня, с уступа на уступ с помощью головы, которую он защищает тем, чего у неолитического человека, вероятно, не было, а именно старой шляпой-котелком. Он даже говорит на своем языке. "Bubber-hutching on the sosh" - это термин, означающий проходку шахты под уклоном, и, насколько мы можем судить, он может иметь очень древнюю родословную. А что же происходит с добычей шахтера? Она продается по "клячу" - кляча - это куча такой высоты, что, стоя на одной стороне, можно увидеть нижний кремень на

другой, - к кнапперам Брэндона. Любой из них - например, мой друг мистер Фред Снаре - пока вы ждете, разобьет кусок коротким круглым молотком на удобные кусочки. Затем, положив левой рукой "четверть" на кожаную подушечку, прикрывающую колено, он продолговатым молотком будет отбивать чешуйку за чешуйкой, возможно, 1500 за утро; и, наконец, превратит их в квадраты с острыми краями, чтобы использовать в качестве ружейных фитилей для торговли с родной Африкой. Увы! Дни, когда в Брэндоне выбивали кремни для британской армии, уже никогда не вернуться. Тем не менее, в этих краях наверняка царила торговая депрессия, начиная с бронзового века и заканчивая временами Браун Бесс; ведь страйкбольные фонари, которые до сих пор можно купить по пенни за штуку, едва ли могли удержать волка от двери. А мистер Снаре - не просто ремесленник, а художник. Он выточил кремневое кольцо - подвиг, который по силам ловким неолитистам додинастического Египта; а одним из своих кремневых рыболовных крючков он выловил отличную форель из Малого Оуза, протекающего мимо города.

Таким образом, в старой Англии есть вещи, которые старше даже некоторых наших друзей. Например, в одном из графств Саффолка хороший кремнь - такого насыщенного цвета и такой отзывчивый на молоток, во всяком случае, если дойти до нижних слоев, например, до камня пола, или черный гладкий камень, который обычно находится ниже уровня воды, служил для нужд всех эпох палеолита, а также неолита и современных англичан, которые сражались с кремневыми ружьями при Ватерлоо или совсем недавно брали с собой на войну в Южную Африку. И что это означает с точки зрения древности человека? Тысячи лет? Мы точно не знаем, но скажем, что скорее сотни тысяч лет.

ГЛАВА III

РАСА

Существует история о британском моряке, которого попросили сказать, что он понимает под даго. "Даго", - ответил он, - "это все, что не относится к нашему типу людей". Точно так же древний грек объяснил бы, что он понимает под "варваром". Когда оно принимает такую массовую форму, мы не без оснований говорим о расовых предрассудках. Между тем мы вполне можем задаться вопросом, насколько эти предрассудки соответствуют чему-то реальному. Казалось бы, раса - это факт, который бросается в глаза.

Пройдитесь по любой лондонской улице: вы не ошибетесь, увидев студента-индуса с чертами лица, похожими на наши, но более темного оттенка. А невысокий щеголеватый мужчина с немного косыми глазами - не менее безошибочный японец. Достаточно наметанного глаза, чтобы различить немецкого официанта, французского шофера и

итальянского продавца мороженого. И наконец, когда вы по-настоящему освоитесь в игре, вы вряд ли сможете спутать маленького смуглого валлийца с широкоплечим йоркширцем, как ретривера с мастифом.

Да, но помните, что вы судите по грубому впечатлению, а не по элементу расы или породы, отличающему их от остальных. Вот, скажете вы, идет пара наших американских кузенов. Возможно, их выдает их речь, а возможно, и общий вид. Если бы вы заглянули в их родословную, то обнаружили бы, что у одного из них отец шотландец, а мать из Дорсета, в то время как другой - частично скандинав, частично испанец с примесью еврея. Тем не менее, по всем признакам они представляют собой один тип. И чем глубже вы в это вникаете, тем более смешанными оказываемся все мы, когда предметом исследования становится порода, и только порода. Однако раса, в том единственном смысле, который это слово имеет для антрополога, означает наследственную породу, и ничего больше или меньше - наследственную породу и все, что она охватывает, будь то телесные или психические особенности.

Ибо раса, не будем забывать, предположительно распространяется как на разум, так и на тело. Она не ограничивается только кожей. Сравните стоического краснокожего индейца с жизнерадостным негром; или флегматичного голландца со страстным итальянцем. Верно, скажете вы, но как же влияние различных климатических условий или, опять же, различных идеалов поведения? Вполне. Разделить влияние различных факторов чрезвычайно сложно. И все же, несомненно, фактор скачек имеет значение для психической конституции. Любой заводчик лошадей скажет вам, что ни климат Ньюмаркета, ни тщательная дрессировка, ни количество овса, ни что-либо еще не заложит в повозку скаковых качеств.

Далее я попытаюсь показать, в чем заключается проблема скакового фактора, даже если для этого мне придется немного углубиться в общую биологию[2]. И я не буду пытаться скрыть трудности, связанные с проблемой скачек. Я знаю, что обычный читатель предпочтет, чтобы все размышления были сделаны заранее, а ему были представлены только результаты. Но я не верю, что он сочтет полезным просмотреть полдюжины книг о расах человечества и найти полдюжины описаний их взаимоотношений, имеющих едва ли хоть одно общее утверждение. Гораздо лучше смириться с тем фактом, что раса все еще почти полностью ставит нас в тупик. Тем не менее, порода существует, и в свое время и своим собственным путем она выйдет наружу.

[Сноска 2: Читателю рекомендуется также ознакомиться с более полным исследованием по *эволюции* профессоров Геддеса и Томсона в этой серии].

Минуту назад раса или порода были описаны как фактор человеческой природы. Но разделить человеческую природу на факторы - это то, что мы можем сделать или пытаемся сделать только в мыслях. На практике нам никогда не удастся сделать ничего подобного. Такой механизм, как часы, мы можем разобрать на части, а затем собрать снова. Даже такое химическое соединение, как вода, мы можем разложить на кислород и водород, а затем воспроизвести из его элементов. Но препарировать живое существо - значит убить его раз и навсегда. Жизнь, как уже говорилось в первой главе, - это нечто уникальное, обладающее уникальным свойством эволюционировать. Когда жизнь эволюционирует, то есть изменяется, передаваясь от одних форм к другим, в этом процессе присутствует частичная жесткость и частичная пластичность. Существует, так сказать, жесткость, которая удерживает жизненную силу до точки, верной ее старому направлению; но, не доходя до этого предела, она может свободно выбрать новую линию. Раса, таким образом, обозначает

застывание в эволюционном процессе. До какого предела она дойдет в каждом конкретном случае, мы, вероятно, никогда не сможем сказать точно. И все же, если бы мы смогли продумать свой путь к этой точке в отношении человека, я не сомневаюсь, что в конце концов нам удалось бы создать новый инструмент управления судьбами нашего вида, инструмент, возможно, более мощный, чем само образование - то есть евгеника, искусство улучшения человеческой породы.

Чтобы понять, что означает раса в отдельности, давайте сначала возьмем ваше индивидуальное "я" и спросим, как бы вы отделили свою наследственную природу от той, которую вы приобрели в процессе жизни. Это нелегко. Предположим, однако, что у вас родился брат-близнец, если это действительно возможно, такой же похожий на вас, как одна горошина на другую. Однако в результате несчастного случая в детстве он потерял ногу. Поэтому он стал клерком и вел сидячий образ жизни в офисе. Вы же, с вашими двумя похотливыми ногами, помогающими вам, становитесь почтальоном, который всегда в бегах. Теперь вы оба очень разные люди по внешности и привычкам. Он бледный, а вы смуглый. Вы играете в футбол, а он сидит дома и читает. Тем не менее любой друг, близко знающий вас обоих, обнаружит пятьдесят мелочей, говорящих о том, что у вас одинаковые натуры и наклонности. Например, вы оба слегка дальтоники и оба склонны иногда впадать в бурные страсти. Это ваша общая наследственность - если, конечно, вашему другу удалось учесть ваше общее воспитание, которое в основном объясняет страстность, но вряд ли дальтонизм.

Но теперь возникает большая трудность. Предположим далее, что вы, два близнеца, женитесь на женах, которые тоже близнецы, рожденные как две капли воды; и у каждого из вас есть семья. Кто из двух детей в целом будет иметь более крепкие ноги? Ваши ноги сильны от использования; ноги вашего брата слабы от неупотребления. Но имеет ли использование и неиспользование какое-либо значение для расы? Это теоретический вопрос, который, прежде всего, усложняет и затрудняет наши сегодняшние попытки понять наследственность.

Говоря техническим языком, это проблема наследования использования, иначе называемая наследованием приобретенных качеств. Простому человеку кажется очевидным, что последствия использования и неиспользования передаются потомству. Так же считал и Ламарк, который за полвека до Дарвина выдвинул теорию происхождения видов, которая в равной степени была эволюционной. Почему у жирафа такая длинная шея? Ламарк считал, что это происходит потому, что жираф приобрел привычку вытягивать шею. Каждый раз, когда наступал неблагоприятный сезон, все жирафы должны были вытягивать шею так высоко, как только могли, к листовым верхушкам деревьев; и тот, кто вытягивался дальше всех, выживал и передавал способность к подобным подвигам своим удачливым потомкам. Сам Дарвин был готов допустить, что использование и неиспользование могут оказывать определенное влияние на наследственность потомства, но считал, что это влияние незначительно по сравнению с влиянием того, что он, за неимением лучшего термина, называл спонтанной изменчивостью. Однако некоторые из его последователей, называющие себя неодарвинистами, готовы пойти еще дальше. Во главе с немецким биологом Вайсманом они хотели бы вытеснить ламаркианцев с их гипотезой об использовании наследственности с поля боя. Спонтанные вариации, утверждают они, - это все, что нужно, чтобы подготовить почву для селекции высокого жирафа. Он случайно родился таким. Другими словами, у его родителей хватило ума вывести такую породу. Это не теория, которая говорит о чем-то положительном. Это всего лишь предостережение от использования и неиспользования в пользу другого объяснения вариаций, которого пока не предвидится.

В конце концов, простой человек должен помнить, что эффекты использования и неиспользования, которые он, кажется, видит повсюду вокруг себя, смешиваются с множеством очевидных примеров обратного. Он, возможно, улыбнется, когда я скажу ему, что Вейсманн отрезал хвосты бесконечным мышам и, разводя их вместе, обнаружил, что хвосты неизменно украшают расу, как и прежде. Помню, я слышал, как мистер Бернард Шоу комментировал этот эксперимент. Он защищал ламаркианство Сэмюэля Батлера, который заявлял, что наша наследственность - это своего рода расовое воспоминание, неработающий интеллект. "Почему, - сказал мистер Шоу, - у мышей продолжали расти хвосты? Потому что они никогда не хотели их отрезать". Но люди с удовольствием сбривают бороды, потому что хотят их сбрить; а среди людей, более консервативных в своих привычках, чем мы, такой обычай может сохраняться на протяжении многих поколений. Однако кто хоть раз наблюдал малейшие признаки безбородости, полученные таким образом? С другой стороны, в мире существуют как безбородые, так и бородатые расы, и, скрещивая их, вы, несомненно, вскоре сможете добиться взлетов и падений в бритвенном деле. Только, как сказала бы школа Вейсмана, требуемая вариация в данном случае спонтанна, то есть возникает совершенно по собственному желанию.

Оставляя открытым вопрос об использовании наследственности, я хочу сказать несколько слов о вариациях, рассматриваемых самих по себе и в отрыве от этого сомнительного влияния. Вейсман считает, что организмы, возникающие в результате соединения двух клеток, более изменчивы, чем те, что образуются из одной. Согласно этой точке зрения, вариативность во многом зависит от законов взаимодействия разнородных признаков, сведенных вместе при объединении клеток. Но что это за законы? Лучшее, что можно сказать, - это то, что с каждым днем мы узнаем о них все больше и больше. Среди прочих направлений исследований так называемые менделевские эксперименты обещают прояснить многое из того, что на сегодняшний день остается туманным.

Развитие особи, которое происходит в результате такого объединения клеток, - это не просто смешение или добавление, а процесс селективной организации. Если говорить совсем абсурдно, то не бывает так, чтобы у пары двуногих родителей родился ребенок с ногами такого же размера, как у обоих вместе взятых, или с четырьмя ногами, две из которых одной формы, а две - другой. Другими словами, из возможностей, заложенных отцом и матерью, в случае с одним ребенком некоторые берутся, а некоторые остаются. Кроме того, разные дети будут представлять собой разные варианты отбора из числа зародышевых элементов. Менделизм, кстати, особенно озабочен выяснением закона, по которому различные типы организации распределяются между потомством. Между тем каждый ребенок - это уникальный индивид, живое целое со своей собственной организацией. Это означает, что его составные элементы образуют систему. Они находятся друг с другом в отношениях взаимной поддержки. Короче говоря, жизнь возможна, потому что существует баланс.

Это общее состояние равновесия, однако, может сопровождаться множеством особых равновесий, которые кажутся в значительной степени независимыми друг от друга. Об этом важно помнить, когда мы чуть позже перейдем к рассмотрению инстинктов. Внутри большой системы, представленной индивидуальным организмом, преобладают всевозможные более мелкие системы. Это подобно тому, как если бы внутри государства с его центральным правительством существовал ряд советов графств, муниципальных корпораций и так далее, каждый из которых пользовался бы определенной мерой самоуправления по своему усмотрению. Таким образом, в самых общих чертах мы можем понять, как получилось, что возможны столь значительные различия. Селективная организация, которая из зародышевых элементов осаждаёт все более многочисленные и разнообразные формы

свежей жизни, настолько свободна и эластична, что рабочее взаимодействие между частями может быть достигнуто в самых разных направлениях. Меньшие системы настолько самоуправляемы, что им можно доверять практически в любой комбинации; хотя, конечно, некоторые комбинации, естественно, сильнее и стабильнее остальных, а значит, имеют тенденцию к изживанию, или, как говорится, к сохранению в результате естественного отбора.

Пришло время рассмотреть принцип естественного отбора. С темой вариативности мы покончили. Независимо от того, способствовало ли использование и неиспользование появлению новых форм жизни, или же это чисто спонтанные комбинации, возникшие по собственному желанию, во всяком случае, давайте примем их как данность. Что же происходит дальше? С этого момента начинается работа естественного отбора. Великое достижение Дарвина - сформулировать этот закон; хотя справедливо будет добавить, что в тот же момент он был открыт А. Р. Уоллесом. Оба они получили первый намек на него от Мальтуса. Этот английский священнослужитель, писавший примерно за полвека до этого, показал, что рост населения может значительно опережать развитие продовольственного снабжения, и тогда естественные сдерживающие факторы, такие как голод или война, должны, по его мнению, безжалостно вмешиваться, чтобы восстановить баланс. Применив эти соображения к растительному и животному царствам в целом, Дарвин и Уоллес поняли, что из множества форм жизни, вырвавшихся на свет, чтобы добыть себе пропитание по мере сил, огромное количество должно быть отсеяно. Более того, поскольку они сильно различаются по типу организации, разумно предположить, что среди конкурентов выживут те, кто врожденно приспособлен к тому, чтобы наилучшим образом использовать постоянно меняющиеся обстоятельства. Обращение к фактам полностью подтверждает эту гипотезу. Не стоит, правда, думать, что все происходящее отсеивание благоприятствует сильнейшим. Случайности всегда случаются. В целом, однако, выживает тот вид, который наиболее приспособлен к окружающим условиям, может быть, потому, что он более сложен, а может быть, потому, что он более прост в организации.

Теперь выжить - значит выжить, чтобы размножиться. Если вы доживете до восьмидесяти и не будете иметь детей, вы не выживете в биологическом смысле; в то время как ваш сосед, умерший в сорок лет, может выжить в многочисленном потомстве. Естественный отбор всегда происходит в последнюю очередь между индивидами, потому что только индивиды способны к размножению. В то же время причина выживания индивида может лежать в значительной степени вне его. Например, среди пчел нерабочий вид насекомых выживает, чтобы размножиться, потому что стерильные рабочие выполняют свой долг перед ульем. Так и другое социальное животное, человек, продолжает свой род за счет тех, кто умирает бездетным, чтобы сохранить потомство. Тем не менее, поскольку размножение - дело сугубо индивидуальное и личное, всегда есть риск, что общество, слишком свободно расходуя свои лучшие силы, в итоге наберёт их из тех, в ком слабо развита способность к социальному служению. Воспитание благополучной семьи всегда должно быть первейшей обязанностью бескорыстных людей, ибо иначе дух бескорыстия вряд ли сохранится в мире.

Достаточно о наследственности как условии эволюции. Мы возвращаемся, с большей вероятностью различить их, к рассмотрению особых эффектов, которые она вызывает. Только что было сказано, что наследственность - это жесткость в человеческой природе, жесткость, связанная с более или менее значительным смещением пластичности. Очевидно, что в каком-то смысле верно, что вся природа ребенка, включая долю пластичности, передается от родителей. Однако наша задача в этой главе в целом состоит в том, чтобы выкинуть из головы эту пластичную сторону унаследованной жизненной силы.

Более или менее жесткие, определенные, систематизированные черты характера - вот что составляет наследственный фактор, расу. Но ни один из них никогда не бывает полностью фиксированным. Определенная доля пластичности должна быть учтена как часть их природы. Даже у пчелы, с ее совершенно определенными инстинктами, каждый из них связан с определенной гибкостью; так, например, врожденная способность регулярно выстраивать гребень изменяется, если улей оказывается неудобной формы. И все же, по сравнению с тем, что остается, те признаки, которые мы можем выделить как расовые, должны демонстрировать неизменность. К сожалению, привычки тоже проявляют постоянство. Однако привычки относятся к пластичной стороне нашей природы; ведь формируя привычку, мы изначально пластичны, хотя едва ли это так, как только мы отпустили себя. Поэтому привычки следует отбросить в поисках наследственных предрассудков в нашей жизни. Бесполезно пытаться замаскировать трудности, связанные с изучением расы.

Несмотря на эти трудности, в оставшейся части этой главы мы рассмотрим некоторые из тех черт человека, которые обычно считаются расовыми. Как и прежде, рассмотрение должно быть иллюстративным; мы не можем работать по всему списку. Кроме того, мы должны довольствоваться очень грубым разделением на телесные и психические особенности. Как раз на этом этапе нам будет очень трудно сказать, что считать телесным, а что душевным. Однако, оставив эти тонкости философам, давайте продолжим как можно лучше.

О внешний расовый знак, в отношении которого не могло бы быть ошибки! Это всегда было мечтой антрополога; но эта мечта не подает никаких признаков того, что она осуществится. Были предложены всевозможные тесты такого рода. Череп, черепные швы, лобные отростки, носовые кости, глаза, подбородок, челюсти, зубы мудрости, волосы, плечевая кость, таз, линия сердца через руку, икры, голени, пятки, цвет и даже запах - все эти внешние признаки, как и многие другие, по отдельности или вместе, считались решающей проверкой родословной человека. Очевидно, что я не могу здесь провести перекрестный допрос всей толпы претендентов, даже если бы я был компетентен это сделать. Поэтому я скажу несколько слов о двух, и только о двух, а именно о форме головы и цвете кожи.

Я полагаю, что если бы обычный человек спросил себя, как, идя по лондонской улице, он отличает один расовый тип от другого, то обнаружил бы, что в основном по цвету. В общих чертах он знает, как сделать поправку на солнечный загар и определить цвет лица. Но если бы он отправился сейчас в музей и попытался применить свой тест к доисторическим людям, выставленным там, он бы потерпел неудачу по той простой причине, что они давно оставили свои шкуры. Поэтому ему пришлось бы работать с костными частями тела, и, несомненно, он выбрал бы черепа. Таким образом, рассматривая форму и цвет головы, мы можем помочь охватить определенную часть территории, какой бы обширной она ни была. Помните, что антропология в этом отделе не проводит границы между древними и современными, между дикарями и цивилизованными, а пытается изучить все виды людей, которые попадают в поле ее зрения.

Форма головы - действительно гораздо более сложная вещь для сравнения, чем можно предположить. Поскольку ни одна часть черепа не сохраняет стабильного положения по отношению к остальным, не может быть фиксированного стандарта измерения, а лишь

суждение о сходстве или непохожести, основанное на усреднении общих пропорций. Таким образом, получается, что в конечном итоге впечатление хорошего эксперта стоит в этих вопросах гораздо больше, чем ряды цифр. Кроме того, ряды цифр, в свою очередь, требуют большого понимания. Кроме того, их не всегда легко получить. Это особенно актуально, если вы измеряете живой объект. Возможно, он вооружен дубинкой, и ему может не понравиться использование инструмента, который нужно тыкать ему в уши, или что-то еще. Поэтому, по тем или иным причинам, нам часто приходится мириться с неудовлетворительным описанием формы головы в виде одной цифры, которое известно как черепной индекс. Вы берете наибольшую длину и наибольшую ширину черепа и записываете результат, полученный при делении первого на второе при умножении на 100. У среднеголовых людей индекс колеблется между 75 и 80. Ниже этого показателя мужчины считаются длинноголовыми, выше - круглоголовыми. Однако этот тест, как я уже намекал, сам по себе не приведет нас далеко. С другой стороны, я считаю, что хороший знаток формы головы во всех ее аспектах, взятых вместе, как правило, сможет довольно проникательно предположить, к какому народу можно отнести обладателя данного черепа.

К сожалению, сказать "народ" - не значит сказать "раса". Может оказаться, что данный народ склонен иметь характерную форму головы не столько потому, что он принадлежит к одной породе, сколько потому, что после рождения или, во всяком случае, после зачатия он подвергается воздействию одной и той же среды. Так, некоторые тщательные наблюдения, недавно проведенные профессором Боасом за американскими иммигрантами из разных частей Европы, показывают, что новая среда каким-то необъяснимым образом изменяет форму головы в значительной степени. Например, среди восточноевропейских евреев голова уроженцев Европы короче и шире, чем у уроженцев Америки, причем эта разница еще более заметна во втором поколении уроженцев Америки. В то же время у других европейских национальностей наблюдаются изменения иного рода, но все они происходят в направлении сближения с одним и тем же американским типом. Как же объяснить эти факты, если предположить, что они будут подтверждены более масштабными исследованиями? Кажется, что мы должны, во всяком случае, допустить значительную пластичность формы головы, благодаря которой она способна претерпевать решительные изменения под влиянием окружающей среды; конечно, не в любой момент жизни, но в те ранние дни, когда рост головы особенно быстр. Вопрос о том, может ли такой приобретенный характер передаваться по наследству, мы больше не поднимаем. Однако прежде чем продолжить, позвольте сказать одно мудрое слово. Если череп может быть так поражен, то как насчет мозга внутри него? Если наследственно длинноголовый может измениться при подходящих условиях, то что же делать с наследственно короткоухим?

Осталось сказать пару слов о типах доисторических людей, о которых можно судить по их костным останкам и особенно по черепам. Естественно, этот вопрос таит в себе множество неясностей.

Сам по себе так называемый питекантроп (обезьяночеловек) с острова Ява - обычное "недостающее звено". Верхняя часть черепа, несколько зубов и бедренная кость, найденные на некотором расстоянии друг от друга, - вот и все, что мы имеем о нем. Доктор Дюбуа, их первооткрыватель, привел достаточно веские аргументы в пользу того, что геологический пласт, в котором обнаружены останки, относится к плиоцену, то есть к третичной эпохе, до которой человек еще не был отслежен с большой вероятностью. Однако остается весьма сомнительным, является ли это проточеловек или просто обезьяна, родственная гиббону. Промежуточный характер проявляется, прежде всего, в форме головы. Если это обезьяна, то

Pithecantropus обладал огромным мозгом; если человек, то он должен был граничить с тем, что мы считаем идиотизмом.

Несколько особняком стоит и гейдельбергский человек. Все, что мы имеем от него, - это хорошо сохранившаяся нижняя челюсть с зубами. Она была найдена более чем в восьмидесяти футах под поверхностью почвы, в компании с останками животных, что позволяет с определенной точностью определить его положение в шкале доисторических периодов. Судя по этому тесту, она такая же древняя, как и самый древний из безошибочно определяемых дрейфующих орудий, так называемый челеан (из города Шелле в департаменте Сена-и-Марна во Франции). Челюсть сама по себе наводит на мысль о горилле, поскольку она не имеет подбородка и обладает огромной силой. Зубы, однако, несомненно, человеческие, и их можно сравнить, а возможно, даже превзойти по некоторым признакам примитивности, с древними черепами неандертальцев, а то и с современными черепами из Австралии.

Далее мы можем рассмотреть неандертальскую группу черепов, названную так в честь первого черепа этого типа, найденного в 1856 году в неандертальской долине недалеко от Дюссельдорфа в бассейне Рейна. Узкая голова с низким и отступающим лбом и толстым выступающим надбровным дугой, но с мозгом, по крайней мере вдвое превышающим объем мозга любой гориллы, заставила ученый мир спорить о том, был ли этот обезьяной, нормальным человеком или идиотом. К сожалению, не было никаких доказательств возраста этих реликвий. Однако через некоторое время стали поступать похожие экземпляры. Так, в 1866 году в пещере Ла-Науллетт в Бельгии была найдена челюсть женщины, демонстрирующая склонность к безбородости в сочетании с большой силой, вместе с более или менее датированными останками мамонта, шерстистого носорога и северного оленя. Несколькими годами ранее, хотя в тот момент его важность не была оценена, в карьере Форбса в Гибралтаре был обнаружен знаменитый гибралтарский череп, который сейчас можно увидеть в Музее Королевского колледжа хирургов в Лондоне. Любой посетитель с первого взгляда заметит, что это не современный человек. Узкая голова, низкая макушка и выдающийся надбровный гребень, как и прежде, дополнены самыми необычными глазами, которые когда-либо видели, - огромными кругами, широко отстоящими друг от друга. При ближайшем рассмотрении обнаруживаются и другие особенности: например, подковообразная форма, в которой по-обезьяньи расположены зубы, и мордоподобная форма лица из-за отсутствия впадин, которые в нашем случае спускаются с каждой стороны от ноздрей к углам рта.

И вот в настоящее время у нас есть двадцать или более особей этого неандертальского типа для сравнения. Последние находки, пожалуй, наиболее интересны, поскольку в двух, а возможно, и в других случаях человек был похоронен надлежащим образом. Так, в Ла-Шапель-о-Сен, во французском департаменте Коррез, скелет, который по форме головы очень напоминает гибралтарский образец, был найден в яме, вырытой в полу низкого грота. Он лежал на спине, головой на запад, одна рука согнута в сторону головы, другая вытянута, а ноги подтянуты. В могиле лежало несколько костей бизона, как будто здесь было совершено жертвоприношение. Рядом лежали кремневые орудия хорошо выраженного мустьерского типа. В самом убежище Ле-Мустье было обнаружено похожее захоронение. Тело лежало на правом боку, правая рука была согнута так, чтобы поддерживать голову на тщательно уложенной подушке из кремня; левая рука была вытянута так, чтобы кисть находилась рядом с великолепным овальным каменным оружием, оббитым с обеих сторон, очевидно, специально для этого. Вот и все об этих людях неандертальского типа, обитателях не позднее середины палеолита. Они, несомненно, до определенного момента обезьяноподобны по

форме головы, хотя почти все их отдельные черты встречаются то тут, то там среди современных австралийских аборигенов. И все же они были достаточно людьми, имели достаточно мозгов, чтобы верить в жизнь после смерти. В этом есть о чем задуматься.

Не выходя за пределы Европы, мы, однако, вынуждены считаться по крайней мере с двумя другими типами очень ранних форм головы.

В одной из пещер Ментоны, известной как La Grotte des Enfants, два скелета из низкого слоя были примитивного типа, но не похожи на неандертальца, и считалось, что они имеют родство с современным негром. Однако, поскольку никаких других протонегров не обнаружено ни в Европе, ни в других частях света, в настоящее время мало что можно сказать об этом интересном расовом типе.

В слое, расположенном непосредственно над негроидными останками, однако, как и в других пещерах Ментоне, были найдены кости людей совершенно другого порядка, причем один из них явно был гигантом. Их называют кроманьонцами, по имени группы, обнаруженной в скальном убежище с таким названием на берегу Везера. Можно доказать, что эти люди были ауриньякскими, то есть жили сразу после мустьерских людей с неандертальской формой головы. Если же, как уже было предположено, индивид с Галли-Хилл, демонстрирующий родство с кроманьонцами, действительно восходит к периоду дрейфа, то можно считать, что с очень ранних времен в Европе сосуществовали по крайней мере две разновидности; и они настолько различались, что некоторые авторитеты прослеживают первоначальное расхождение между ними вплоть до того времени, когда человек и обезьяны разошлись, связывая неандертальскую расу с гориллой, а кроманьонскую - с орангом. Форма головы кроманьонцев утонченная и высокоразвитая. Лоб высокий, подбородок утонченный, но ни надбровная дуга, ни нижняя челюсть не выступают, как у неандертальцев. Сохранилась ли эта раса в современной Европе, как уже говорилось в предыдущей главе, крайне неясно. В некоторых отношениях - например, в некоторой укороченности лица - эти люди представляют собой исключительные черты; хотя некоторые считают, что все еще могут найти людей этого типа в районе Дордони. Возможно, шансы есть, однако, учитывая, что черепа неолитического периода оказываются отнюдь не однородными и свидетельствуют о скрещивании различных групп населения, мы можем в какой-то степени претендовать на родство с более симпатичным из двух основных типов палеолитического человека - при условии, что форма головы может быть принята за ориентир. Но так ли это? Пигмеи из региона Конго имеют средние головы; бушмены Южной Африки, которых обычно считают родственными по расе, имеют длинные головы. Американские индейцы, которые, как принято считать, все или почти все принадлежат к одному расовому типу, демонстрируют значительные различия в форме головы; и так далее. Нет необходимости повторять, что любой расовый признак способен ввести в заблуждение.

Мы достаточно рассмотрели, к чему привел конкретный расовый признак формы головы при попытке классификации самых ранних людей, оставивших после себя кости. Давайте теперь обратимся к другому расовому признаку, а именно к цвету; потому что, хотя он действительно может быть менее удовлетворительным, чем другие, например, волосы, именно к нему

естественно обращаются обычные люди, когда пытаются классифицировать по расам нынешних жителей Земли.

Когда Линней в додарвиновские времена выделял четыре разновидности человека: белый европеец, красный американец, желтый азиат и черный африканец, он и не мечтал о том, чтобы положить их в основу какой-то более чем искусственной классификации. Он, вероятно, согласился бы с Бюффоном, сказав, что в каждом случае речь идет об одном и том же виде человека, только по-разному окрашенном в зависимости от климата. Но дарвинист ищет естественную классификацию. Он хочет различать людей в соответствии с их фактическим происхождением. Теперь раса и происхождение означают для него одно и то же. Следовательно, расовый признак, если он будет найден, должен обозначать всю массу свойств, которые формируют наследственность, и сосуществовать с ней. Может ли цвет служить расовым признаком в этом глубоком смысле? Это единственный вопрос.

Прежде всего, какой смысл в том, чтобы быть окрашенным тем или иным образом? Есть ли в этом какая-то разница? Является ли это чем-то вроде линии сердца на руке, которая может сочетаться с полезными качествами, но сама по себе кажется бессмысленной случайностью? Как вам могут сказать некоторые несчастные люди, цвет все еще является грозным препятствием в борьбе за существование. Если не рассматривать предрассудки, связанные с цветом, в других аспектах, то нельзя отрицать ту роль, которую он играет в половом отборе в настоящее время. Низшие животные, похоже, руководствуются при выборе партнера внешними признаками, которые бросаются в глаза. И мужчины, и женщины по сей день вступают в брак больше глазами, чем головой.

Однако окраска человека, хотя она, возможно, и стала служить целям спаривания, не похожа по своему происхождению на яркую окраску самцов птиц. Она не была чем-то совершенно бесполезным, кроме как средством сексуальной привлекательности, хотя и в этом качестве была полезна, поскольку являлась признаком жизненной силы. Цвет почти наверняка развивался в строгой зависимости от климата. Сразу же в глубине веков мы должны поместить то, что Бейджхот назвал эпохой расообразования, когда среди людей возникли основные телесные различия, включая различия в цвете. Можно предположить, что в те времена естественный отбор действовал в основном на тело, поскольку разум еще не стал главным условием выживания. Остальное - вопрос доисторической географии. В тропиках, где обитали человекоподобные обезьяны и, предположительно, самые ранние люди, черная кожа защищает от солнечного света. Белая кожа, с другой стороны, хотя это и сомнительно, возможно, экономит солнечное тепло в более холодных широтах. Коричневый, желтый и так называемый красный - это промежуточные оттенки, подходящие для промежуточных регионов. На доисторической карте мира нетрудно наметить географические провинции, или "области характеристики", где могли бы развиваться расы разных оттенков, соответствующие различиям в климате, в более или менее полной изоляции, способной усилить процесс дифференциации.

Однако не стоит забывать, что индивидуальная пластичность тоже играет свою роль в определении цвета кожи человека. Англо-индийский плантатор, как правило, возвращается после долгого пребывания на Востоке с кожей, покрытой темным пигментом, который никакое количество мыла Pears' soap не сможет удалить в течение всей оставшейся жизни. Было бы интересно провести эксперименты, подобные уже упомянутым профессором Боасом, с целью выяснить, в какой степени такая же способность к накоплению защитного пигмента проявляется у детей европейского происхождения, родившихся в тропиках или пересаженных туда в младенчестве. Соответственно, необходимо изучить тенденцию темного цвета кожи к обесцвечиванию в холодных странах. На заднем плане также таится

вопрос о том, могут ли подобные эффекты индивидуальной пластичности передаваться потомству и становиться частью наследственности.

Еще одно замечание на тему цвета. В наши дни цивилизованные народы, как и многие более грубые расы, которыми управляют первые, носят одежду. Другими словами, они уклоняются от солнца, развивая с помощью разума сложное общество, в которое входят производители белых буровых костюмов и солнечных шлемов. Но в таких условиях цвет кожи становится в большей или меньшей степени роскошью. Защитный пигмент, во всяком случае в наши дни, мало что значит по сравнению со способностью к социальному служению. Короче говоря, цвет быстро утрачивает свою жизненно важную функцию. Так будет ли он стремиться к исчезновению? В долгосрочной перспективе, похоже, - возможно, только в очень долгосрочной перспективе - он будет отделен от той общей приспособленности к выживанию в определенных климатических условиях, врожденным признаком которой он когда-то являлся. Как бы то ни было, расовые предрассудки, которые так сильно основаны на соображениях цвета кожи, должны исчезнуть, если и когда расы с более темным цветом кожи сумеют проявить в среднем такие качества ума, которые позволят им на равных конкурировать с белыми в мире, который все больше и больше включает в себя все климатические условия.

Таким образом, мы переходим к обсуждению расы в ее ментальном аспекте. Здесь, как никогда ранее, мы все находимся в море из-за отсутствия правильного критерия. Что должно быть критерием ума? Ведь разум и пластичность - это почти одно и то же. Раса, таким образом, будучи застывшей в эволюции жизни, может показаться по своей природе противоположной разуму как ограничивающей или препятствующей силе. Неужели мы вернемся к старому донаучному представлению о душе как о чем-то чуждом телу и тем самым просто засоряющем, мешающем и тянущем вниз? Так не пойдет. Для целей науки тело и душа должны мыслиться в полном согласии, как соратники в работе жизни и как таковые, подверженные общему развитию. Наследственность, таким образом, должна применяться к обоим в равной степени. В той мере, в какой пластичен разум, будет пластично и тело.

К сожалению, самая пластичная часть тела также является самой труднодоступной для наблюдения, во всяком случае, пока человек жив, а именно мозг. Поэтому, скорее всего, здесь не будет определенного критерия наследственности. Например, можно встретить утверждение, что размер мозговой полости позволяет отличить одну расу от другой. Это, мягко говоря, крайне сомнительно. Несомненно, средний европеец демонстрирует некоторое преимущество в этом отношении по сравнению, скажем, с бушменом. Но тогда вам придется списать так много на их соответствующие типы тела, а более крупное тело в целом сочетается с более крупной головой, что в итоге вы окажетесь в сравнении просто абстракциями. И опять же, европеец может первым закричать, что сравнения одиозны; ведь некоторые образцы неандертальца по размеру мозговой полости, как говорят, дадут очки любому из наших современных поэтов и политиков. Очевидно, что с этим тестом что-то не так. Если после смерти исследовать сам мозг и сравнить форму и количество его извилин, этот критерий наследственной силы мозга также не будет более удовлетворительным.

Возможно, таким образом можно выявить разницу между идиотом и человеком с нормальным интеллектом, но не разницу между дураком и гением.

Мы пересекаем неопределенную черту, разделяющую телесное и психическое, когда подвергаем ту же проблему наследственной умственной одаренности методам так называемой экспериментальной психологии. Так, острота зрения, слуха, вкуса, обоняния и чувств измеряется с помощью различных хитроумных приборов. Видя, какие истории о ястребином зрении охотничьих рас привозят с собой путешественники, можно предположить, что подобные сравнения будут в их пользу. Однако в состав Кембриджской экспедиции в Торресов пролив, которую возглавлял доктор Хэддон, входили несколько хорошо подготовленных психологов, которые уделили особое внимание этому вопросу; их результаты показывают, что сенсорные способности этих грубых людей в среднем были примерно такими же, как у европейцев. Только опыт охотника позволяет ему видеть дичь на огромном расстоянии. Существует множество более сложных тестов того же типа, предназначенных для оценки силы памяти, внимания, ассоциаций, рассуждений и других способностей, которые большинство людей считают чисто умственными; в то время как другой набор таких тестов касается реакции на стимул, координации между рукой и глазом, усталости, тремора и, что, возможно, наиболее гениально из всех, эмоционального возбуждения, проявляющегося через дыхание - явлений, которые являются как бы умственными и телесными одновременно и вместе. К сожалению, психология не может в таких случаях различить влияние наследственности и индивидуального опыта, будь он в форме высокой культуры или рассеянной жизни. Действительно, чисто временное состояние тела и психики склонно влиять на результаты. Скажем, человек поздно встал, долго гулял или пропустил прием пищи; очевидно, что его реакция, память и т. д. будут отличаться в худшую сторону. Или, опять же, испытуемый может встретить эксперимент в очень разном настроении. В один момент он может быть полон тщеславия, желая показать, какими превосходными качествами он обладает; в то время как в другой момент ему будет скучно. Чтобы не усугублять ситуацию, эти методы, какими бы они ни стали в будущем, в настоящее время не могут дать никакого критерия умственных способностей, присущих расе. Они плодотворны на статистику, но интерпретацию этой статистики, способствующую достижению нашей цели, еще предстоит найти.

Но, конечно, скажут, мы можем отличить инстинкт, когда сталкиваемся с ним, настолько он однороден и независим от остальной системы. Вовсе нет. Во-первых, идея о том, что инстинкт - это часть механизма, такая же неизменная, как судьба, вышла из моды. Теперь известно, что во многих случаях он очень пластичен, значительно варьируется у отдельных людей и включает в себя сознательные процессы, мысли, чувства и волю, во всяком случае, элементарного рода. Опять же, как вы собираетесь выделить инстинкт? Те немногие автоматические реакции на стимуляцию, которые появляются вскоре после рождения, как, например, сосание, могут быть признаны, поскольку о родительском обучении и опыте в целом здесь речи не идет. Но как насчет инстинкта или группы инстинктов, отвечающих на секс? Он остается латентным до той стадии жизни, когда опыт уже в полном разгаре. Действительно, психологи до сих пор заняты обсуждением того, мало ли у человека инстинктов или, наоборот, кажется, что их мало, потому что на самом деле их так много, что на практике они постоянно мешают друг другу. В поддержку последнего мнения недавно высказался мистер Макдугалл, который считает, что наилучшей проверкой инстинктов, которыми мы обладаем, являются конкретные эмоции. Он считает, что каждый инстинктивный процесс состоит из афферентной части или сообщения, центральной части и эфферентной части или разрядки. На двух своих концах процесс очень пластичен. Сообщение и разрядка, которым соответствуют мысль и воля, изменяются по своему типу по

мере накопления опыта. С другой стороны, центральная часть, которой отвечают эмоции со стороны сознания, остается навсегда неизменной. Бояться, удивляться, сердиться или испытывать отвращение, надуваться или опускать руки, испытывать нежность - все эти чувства, утверждает мистер Макдугалл, а также различные более сложные эмоции, возникающие в результате их сочетания друг с другом, присущи всем людям и свидетельствуют о глубоко укоренившихся в них тенденциях реагировать на стимуляцию относительно конкретными и определенными способами. И в пользу этого утверждения, как мне кажется, можно сказать многое.

Однако, признавая это, достигаем ли мы таким образом критерия, по которому можно различать различные расы людей? Далеко не так. Напротив, если судить только по его эмоциям, человек везде очень похож, от Китая до Перу. Все они заложены в нем, хотя различные обычаи и уровни культуры, как правило, выдвигают на первый план особые типы чувств.

Действительно, здесь следует отметить определенный парадокс. Негр, как можно было бы сказать, в целом более эмоционален, чем белый человек. Однако некоторые эксперименты, проведенные мисс Келлор из Чикаго на негритянках и белых женщинах с помощью теста на влияние эмоций на дыхание, показали, что первые, несомненно, являются более спокойными из двух. И что бы ни думали о ценности таких методов доказательства, несомненно, что наблюдатели грубых рас склонны считать большинство из них апатичными, когда они не настроены на концертный лад танцами или другими общественными мероприятиями. Вполне возможно, что кажущаяся возбудимость негра объясняется не столько его наследственным темпераментом, сколько привычкой жить и действовать в толпе, которую он разделяет с другими народами, находящимися на том же уровне культуры. Но, в конце концов, "мафиози" небезызвестны и в цивилизованных странах. Таким образом, поиски расового признака ментального типа снова оказываются бесплодными.

К чему же, спросите вы, приведет эта глава отрицаний? Напрашивается ли она на всеобщее равенство и братство людей? Или, напротив, намекает на необходимость суровой системы евгеники? Я не предлагаю ничего практического. Я просто пытаюсь показать, что при антропологическом рассмотрении - то есть с точки зрения чистой теории - раса или порода остается чем-то, что мы не можем выделить в настоящее время, хотя и верим, что она существует. Практика, тем временем, должна ждать теорию; простые предрассудки, какими бы плохими они ни были, вряд ли являются худшим руководством к действию, чем преждевременное использование достижений науки.

Что касается всеобщего братства людей, то самое большее, что можно сказать, это следующее: Старые представления о расе как о чем-то твердом и неизменном на все времена явно идут на спад. Пластичность, или, другими словами, способность адаптироваться к окружающей среде, должна быть признана более значительной долей в формировании ума и даже тела, чем когда-либо прежде. Но как пластичность связана с расой, мы пока не знаем. Возможно, наследование по использованию каким-то образом включает ее эффекты в потомство пластичных родителей. Или просто пластичность увеличивается при скрещивании на более широкой основе. Эти проблемы еще предстоит решить.

Что касается евгеники, то нет никаких сомнений в том, что даже в цивилизованных странах происходит масштабное и постоянное уничтожение жизней. Было подсчитано, что из каждых ста англичан, родившихся живыми, пятьдесят не доживают до рождения потомства, а из оставшихся половина производит три четверти следующего поколения. Но является ли это уничтожение избирательным? Вряд ли можно сомневаться, что в какой-то степени да. Но каковы ее результаты - благоприятствует ли она в основном иммунитету к определенным заболеваниям, или способности к оседлой жизни в городской атмосфере, или интеллекту и способности к социальному служению - это в значительной степени вопрос догадок. Как же мы можем сказать, какой тип следует выводить, даже если ограничимся одной страной? С другой стороны, если мы посмотрим дальше и изучим результаты смешения рас или "мисцегенации", то столкнемся с новыми загадками. То, что полукровка является неудовлетворительной личностью, может быть правдой; и все же, пока условия его воспитания не будут каким-то образом отброшены, расовая проблема остается на прежнем месте. Или, опять же, может быть правдой то, что смешение повышает рождаемость, как утверждают некоторые; но пока не будет показано, что повышение рождаемости не приводит к наводнению мира неполноценными типами, мы не приблизимся к решению.

Если в этой главе и есть практическая мораль, то она сводится к следующему: побудить антропологов продвигаться вперед в изучении расы, а пока не делать ничего опрометчивого.

ГЛАВА IV

ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА

Когда ребенок рождается, он уже три четверти года подвергается влиянию окружающей среды. Его раса, действительно, была зафиксирована раз и навсегда в момент зачатия. Однако та дополнительная мера пластичности, которая должна рассматриваться как нечто помимо расового фактора, позволяет ему отвечать добром или злом на предродовое, то есть материнское, окружение. Таким образом, мы можем легко впасть в ошибку, считая нашу расу вырождающейся, в то время как плохое питание и воздействие нездорового окружения со стороны матерей на самом деле ответственны за урожай слабаков, который мы сожалеем. И если это окажется так, то социальные реформаторы должны вздохнуть с облегчением. Почему? Потому что улучшение расы с помощью евгеники, хотя, несомненно, и осуществимо в определенных пределах, остается нереализованной возможностью из-за недостатка знаний. С другой стороны, улучшение физической среды - это довольно простая работа, если только мы сможем пробудить общественное сознание к необходимости выполнения этой задачи на благо всех слоев общества в равной степени. Если цивилизованный человек хочет похвастаться явным превосходством над остальными представителями своего вида, то

это должно быть главным образом связано с его контролем над физической средой. Что бы ни происходило в прошлом, сегодня кажется верным утверждение, что человек создает свое физическое окружение, и что физическое окружение создает его.

Однако даже если с этим согласиться, остается фактом, что наши материальные обстоятельства в самом широком смысле этого слова играют решающую роль в формировании нашей жизни. Отсюда вытекает важность географических исследований в том, что касается человека. С момента зачатия ребенка он подвергается тому, что сейчас модно называть "географическим контролем". Возьмем, к примеру, ребенка английских родителей, родившегося в Индии. Очевидно, что несколько факторов сговорятся, чтобы определить, будет ли он жить или умрет. Для простоты давайте рассмотрим их как три. Во-первых, это принадлежность ребенка к определенной культурной группе; другими словами, он родился с бумажкой во рту, представляющей одну долю в Британской империи. Во-вторых, это его расовая принадлежность, скажем, голубые глаза и светлые волосы, а также соответствующее телосложение. В-третьих, это климат и все, что с ним связано. Хотя в первом из этих аспектов белый ребенок, скорее всего, будет лучше местного, поскольку за ним будут ухаживать с более тщательным соблюдением законов здоровья; однако между двумя другими факторами - расой и климатом - царит такая дисгармония, что он почти наверняка погибнет, если его не вывезут в определенном возрасте из страны. Возможно, англичане могли бы акклиматизироваться в Индии ценой огромного количества младенческих жизней; но это цена, которую они не показывают признаков готовности платить.

Каковы же пределы географического контроля? Где начинается и где заканчивается его влияние? Ситуация, раса и культура - если свести все к проблеме, состоящей всего из трех терминов, - какой из этих трех, если таковой имеется, в конечном счете контролирует все остальные? Помните, что антрополог пытается быть историком длительной перспективы. История, которая исчисляется годами, протоистория, которая исчисляется столетиями, предыстория, которая исчисляется тысячелетиями, - он стремится охватить их все. Он видит англичан в Индии, с одной стороны, и в Австралии - с другой. Окажется ли одно вторжение инцидентом, спрашивает он, а другое - событием, если судить по истории длительной перспективы? Или, опять же, в южной части Соединенных Штатов Америки живут белые, черные и краснокожие, у которых в настоящее время мало общего, кроме общего климата. Разные расы, разные культуры, общая географическая ситуация - какой результат они дадут историку с терпеливым и дальновидным антропологическим взглядом? Очевидно, что здесь есть что-то, что стоит разгадать. Но мы не можем ожидать, что разгадаем все сразу.

В наши дни география, в форме, известной как антропогеография, выдвигает претензии на роль ведущей отрасли антропологии. И, несомненно, основательное знание географии должно отныне стать частью снаряжения антрополога.[3] Школы Ратцеля в Германии и Ле Пле во Франции, однако, плодотворны на обобщения, которые слишком красивы, чтобы быть правдой. Как и другие специалисты, они преувеличивают важность своей специфической работы. Полный смысл жизни никогда не может быть выражен в терминах ее материальных условий. Признаюсь, я не испытываю глубокого потрясения, когда Ратцель заявляет, что человек - это кусок земли. Или когда его поклонники, стремясь усовершенствовать это, после различения атмосферы или воздуха, гидросферы или воды, литосферы или коры и центросферы или внутренней массы, добавляют, что человек - наиболее активная часть прерывистой биосферы, или живой оболочки нашей планеты, я не могу чувствовать, что последнее слово о нем уже сказано.

[Сноска 3: Таким образом, читатель данной работы не должен не изучить также *"Географию"* доктора Мэриона Ньюбигина в этой серии].

Или, опять же, послушайте М. Демолина, автора очень поучительной книги *"Как дорога создает социальный тип"* (*"Comment la route crée le type social"*). "На поверхности земного шара существует, - пишет он в своем предисловии, - бесконечное разнообразие народов. Какова причина, породившая это разнообразие? Обычно отвечают: раса. Но раса ничего не объясняет, ибо остается выяснить, что породило разнообразие рас. Раса - это не причина, а следствие. Первой и решающей причиной разнообразия народов и разнообразия рас является путь, которым шли народы. Именно этот путь создает расу, а та - социальный тип". И он идет дальше: "Если бы история человечества началась заново, а поверхность земного шара не была бы преобразована, эта история повторилась бы в своих основных чертах. Могут быть второстепенные различия, например, в некоторых проявлениях общественной жизни, в политических революциях, которым мы придаем слишком большое значение; но те же самые пути воспроизвели бы те же самые социальные типы и наложили бы на них те же самые существенные черты".

С благочестивым мнением не поспоришь, особенно когда оно принимает форму непроверяемого пророчества. Однако пусть здравомыслящий антрополог остерегается, чтобы не положить все яйца в одну корзину. Пусть он стремится учесть каждый фактор в проблеме. Раса должна иметь какое-то значение, иначе почему бы другим животным не взять лист из нашей книги и не построить конкурирующие цивилизации на подходящих местах? Почему люди пасут скот, а не скот пасет людей? Другими словами, мы - рациональные существа, потому что в нас есть способность быть рациональными существами. Опять же, культура, с ее интеллектом и выбором, тоже имеет значение. Легко возразить, что, поскольку существовали азиатские степи с готовыми к услугам дикими лошадьми, человек рано или поздно должен был приручить лошадь и развить характерную культуру кочевников. Да, но почему человек приручил лошадь позже, а не раньше? И почему американские краснокожие так и не приручили бизонов и перешли к пастушеской жизни в своих обширных прериях? Или почему современные чернокожие и белые в Африке не могут приручить слона? Потому ли, что это невозможно сделать, или потому, что человек не знает, как это сделать?

Однако, если учесть все преувеличения, почти простительные для отрасли науки, которая все еще пробивает себе дорогу на фронт, антропогеография остается далеко идущим методом исторического исследования, который антрополог должен научиться использовать. Грубо говоря, он должен научиться постоянно работать с картой земли под локтем.

Прежде всего, пусть он представит свой мир человека неподвижным. Пусть он поочередно наносит на карту распределение тепла, влаги, болезней, растительности, пищи и животных, физических типов человека, плотности населения, промышленности, форм правления, религий, языков и так далее и тому подобное. Насколько эти различные распределения соответствуют друг другу? Он обнаружит ряд вещей, которые сочетаются друг с другом, что покажется ему естественным. Например, по всему экватору, будь то Африка, Южная Америка или Борнео, он обнаружит, что в середине дня люди отпрашиваются с работы, чтобы отдохнуть. С другой стороны, в других местах все будет не так однозначно. Так, хотя все будут темнокожими, южноамериканцы окажутся меднокожими, африканцы - чернокожими, а жители Борнео - желтокожими.

Возможно, руководствуясь такими расхождениями, он захочет привести свой мир людей в движение. После этого он ощутит, так сказать, циркуляцию среди различных народов,

свидетельствующую о взаимосвязях нового типа. Пока он имеет дело с описаниями отстраненного типа, касающимися не только физической среды, но и социальных изменений, непосредственно связанных с ней, он будет работать на географическом уровне. Однако, когда дело доходит до обобщенного описания или исторического объяснения, например, когда он стремится показать, что именно здесь, а не там, скорее всего, возникнет цивилизация, собственно географических соображений будет недостаточно. Распределение - это всего лишь один из аспектов эволюции. Но то, что это очень важный аспект, сейчас покажет поспешный обзор мира по географическим регионам.

Начнем с Европы, чтобы постепенно перейти от более известных к менее известным. Лекки говорил о "европейской эпохе человеческого разума". Что представляет собой географический и физический театр этой эпохи? Мы можем выделить три стадии в ее развитии - я позаимствовал это предположение у профессора Майреса. Во-первых, это речная фаза; во-вторых, средиземноморская фаза; и, наконец, современная атлантическая фаза. Итак, начнем с того, что долины Нила и Евфрата были родиной цивилизаций, как величественных, так и долговечных. Однако они возникли не спонтанно. Если реки помогали человеку, то и человек помогал рекам, изобретая системы ирригации. Далее, начиная с минойских времен и вплоть до конца Средневековья, Средиземноморский бассейн был средоточием всей высшей жизни в мире, если отбросить цивилизации Индии и Китая, а также менее значительные культуры Перу и Мексики. Этот второй этап я рассмотрю особо, поскольку он особенно поучителен с географической точки зрения. Наконец, со времени открытия Америки морская торговля, впервые возникшая как цивилизующий агент в условиях Средиземноморья, перенесла свою базу на Атлантическое побережье, и особенно на землю естественных гаваней - Британские острова. Мы должны отказаться от мышления в терминах Восточного и Западного полушария. Истинное различие, применимое к современности, - это различие между сухопутным полушарием, центром которого является Атлантическое побережье Европы, и морским полушарием, примерно совпадающим с Тихим океаном. Тихий океан - это действительно океан, а вот Атлантика с каждым днем все больше напоминает пруд с сельдью.

Обратив взор на Средиземноморский бассейн с его черноморским продолжением, легко понять, что перед нами четко очерченная географическая провинция, способная выступать в качестве области характеристики, как, возможно, ни одна другая в мире, когда у различных народов хватило вкуса и изобретательности свободно перемещаться по морю. Первое, что следует отметить, - это полнота кольцевой ограды, которой она закрыта. От Пиренеев до самого Арарата тянется великая альпийская складка, как хребет в скомканной скатерти; испанские Сьерры и Атлас продолжают круг на юго-западе, а все остальное - пустыня. Далее, конфигурация берегов делает возможным морское сообщение, особенно на северной стороне с ее полуостровами и островами, остатками основанной и утонувшей горной страны. Эта же конфигурация, рассматриваемая в связи с флорой и фауной, которым благоприятствует климат, в значительной степени объясняет ту прерывистость политической жизни, которая поощряет независимость и в то же время препятствует самодостаточности. Лесной пояс, из-за засушливого лета, располагался ближе к снеговой линии, а ниже - пояс кустарников, дававший мало охоты, заставлял людей выращивать кукурузу, оливки и

виноградники в наименее заболоченных низинах, разбросанных, как оазисы, среди холмов и мысов.

Таким образом, в течение долгого времени человек на северных побережьях, скорее, был угнетен окружающей средой, чем помогал ей. Это делало невозможным массовые передвижения. Большие волны миграции из степных районов на северо-востоке или из лесных районов на северо-западе обрушивались на длинный горный барьер, а затем стекались речушками и образовывали небольшие очаги человечества то тут, то там. Мелкая вражда между равниной, берегом и горами, как в древней Аттике, лишь подчеркивала господствующее разделение. Напротив, на южной стороне Средиземного моря, где была открытая, хотя и в значительной степени пустынная местность, в первобытных условиях было место для размножения однородной расы. Именно в Северной Африке, вероятно, находится первоначальный очаг этой средиземноморской расы, невысокой и смуглой, с овальными головами и лицами, которая в эпоху неолита колонизировала противоположный берег Средиземного моря и протянула крыло вдоль теплого атлантического побережья до северной Шотландии, а также на восток до Верхнего Дуная; в то время как на юге и востоке они, безусловно, захватили Египет, Аравию и Сомалиленд, с вероятными ответвлениями еще дальше в обоих направлениях. Наконец, однако, в восточном Средиземноморье был усвоен урок прибылей, связанных с мореплаванием, и там начался настоящий средиземноморский этап, который по сути является эпохой морской торговли. Тогда у северного побережья с его полуостровной конфигурацией появился шанс. Карфаген на южном берегу следует рассматривать как смелый эксперимент, который не удался. Мораль, таким образом, заключается в том, что бассейн Средиземного моря оказался идеальным питомником для моряков, но только до тех пор, пока люди были достаточно храбры и умны, чтобы выйти в море. Географический фактор, по крайней мере, частично является как следствием, так и причиной.

Теперь давайте отправимся дальше на север, туда, где ранние жители Средиземноморья были рассадником варварских чужаков, представлявших главную угрозу для их оседлой гражданской жизни. Необходимо рассматривать Северную Европу и Северную Азию как одну географическую провинцию. Малая Азия, вместе с долиной Евфрата и в меньшей степени с Аравией, относится к Средиземноморскому региону. Индия и Китай с лежащим между ними юго-восточным уголком Азии образуют другую систему, которая будет рассмотрена позже отдельно.

Северная часть Евразии состоит, естественно, из четырех поясов, то есть там, где культивирование не внесло изменений. Сначала, к югу, идут горные хребты, переходящие на востоке в высокогорное плато. Затем, к северу от этой линии, от нижнего Дуная до Китая, тянется пояс лугов или степной местности на более низком уровне, пояс, который в более мягкие периоды ледникового периода и сразу после него, должен был достигать Атлантики. Затем, еще дальше к северу, мы находим лесной пояс, хорошо развитый в современной Сибири. Наконец, на краю арктического моря простирается тундра, замерзшая почва которой плодородна лишь лишайником, известным как олений мох, а на западе, как, например, на наших островах, болота и топи представляют собой зону бесплодных земель в более мягкой форме.

Горный пояс на всем своем протяжении является домом для круглоголовых народов, так называемой альпийской расы, которая, как принято считать, изначально пришла с высокогорных плато Азии. Эти круглоголовые люди в Западной Европе появляются везде, где есть холмы, отпочковываясь от них через высокогорья центральной Франции в Бретань и даже достигая Британских островов. Здесь они ввели в употребление бронзу (изобретение, возможно, приобретенное в результате контакта с египтянами на Ближнем Востоке), хотя и не оставили заметных следов среди постоянного населения. На другом конце Европы они затронули Грецию путем постоянного, хотя и ограниченного проникновения; а в Малой Азии они вышли из своих холмов в виде грозных хеттов - народа, которому, кстати, евреи обязаны своими характерными, но несемитскими, носами. Но все ли эти круглоголовые принадлежат к одной расе? Профессор Риджуэй выдвинул довольно парадоксальную теорию, согласно которой, как длинномордая бурская лошадь вскоре превратилась в горах Басутоленда в круглоголового пони, так и люди-альпинисты, независимо от их породы, за несколько поколений превратились в круглоголовых. Это почти наверняка преувеличение влияния окружающей среды. В то же время при нынешнем состоянии наших знаний было бы преждевременно утверждать или отрицать, что в долгосрочной перспективе круглоголовость сопутствует жизни в горах.

Далее наше внимание привлекает луг. Это рай для лошади, а следовательно, и для конокрада. Отсюда, следовательно, и появились заряжающиеся толпы азиатских мародеров, которые после многочисленных отпоров прорвались средиземноморский кордон и утвердились в качестве современных турок; в то время как на другом конце своего пути они хлынули в Китай, который не могла спасти ни одна великая стена, и установили господство маньчжуров. Учитывая степную страну и народ, приручающий лошадей, мы могли бы вместе с антропогеографами более смелого типа попытаться вывести весь образ жизни, кочевничество, обильную пищу, включая молочную диету, в которой нуждаются младенцы и которую так трудно получить южнее, общинный строй, патриархальный тип власти, систему караванов, которая может заставить всю орду двигаться, как стаю саранчи, и так далее. Но, как уже отмечалось, сначала нужно было приручить лошадь. Человек эпохи палеолита в Западной Европе в изобилии ел конину. В Солютре, немного севернее Лиона, куча пищевых отходов длиной 100 ярдов и высотой 10 футов состоит в основном из костей лошадей, в большинстве своем молодых и нежных. Это показывает, что старые охотники умели наслаждаться уходящим часом в своей импровизированной манере, как и столь же безрассудные бушмены, оставившие после себя подобные Голгофы в Южной Африке. Тем не менее, очевидно, что палеолитический человек не приручил лошадь. Окружающая среда, по сути, может лишь дать подсказку, а человек, возможно, не готов ее принять.

Лесные уголья севера по-своему хороши для охоты, но сомнительно, что они пригодны для выращивания многочисленного потомства людей, во всяком случае, до тех пор, пока в наличии имеются только каменные орудия, с помощью которых можно осваивать растительность и делать просеки, а выжигание хвороста исключено из-за сырости. Где изначально обитала так называемая нордическая раса, крупнокостные светлые люди тевтонского мира, остается загадкой, хотя сейчас принято относить ее к северо-востоку Европы, а не к Азии, и предполагать, что она была более или менее изолирована от остального мира ранее существовавшими водными пространствами. Где бы она ни находилась, там должны были быть пастбища, достаточные для пастушеских привычек, которые, возможно, были изменены охотой, с одной стороны, и примитивным сельским хозяйством - с другой. Средиземноморцы, пришедшие из Северной Африки, прекрасной страны для лошади, могли соперничать с азиатами из степей в привнесении разнообразной культуры на север. Во всяком случае, когда германцы Тацита появляются в свете истории, это

не просто лесники, а скорее жители лесов, люди полян, у которых много сторон жизни; в том числе и знакомство с морем и его путями, намного превосходящее знакомство с теми ранними пляжниками, чьи жалкие кухонные отвалы можно найти вдоль побережья Дании.

О тундре достаточно сказать, что все зависит от северного оленя. Это животное - смысл существования саамов. Когда Нансен после пересечения Гренландии отплыл домой с двумя саамами, он обратил их внимание на толпы людей, собравшихся поприветствовать их в порту. "Ах, - сказал старший и более задумчивый из них, - если бы это были только олени!" Когда оленя одомашнивают, он дает не только молоко, но и пищу, хотя для поддержания комфортной жизни в обществе требуется большое количество оленей. В противном случае для пополнения запасов приходится заниматься охотой и рыбалкой. Действительно, несчастны те племена или, скорее, остатки племен в сибирской тундре, у которых нет оленей. С другой стороны, если диких оленей много, как у коряков и некоторых чукчей, охота сама по себе достаточна.

Теперь перейдем от северной части Евразии к тому, что в зоологическом отношении является почти ее приложением, - Северной Америке; ее тундра, например, где живут эскимосы, строго непрерывна с азиатской зоной. Южная Америка, хотя и имеет совершенно другую фауну и флору, предположительно является частью той же географической провинции, что и человек, хотя есть основания полагать, что он достиг ее очень рано. Однако до тех пор, пока не будет получено больше данных о предыстории американских индейцев, о великих формирующих силах, географических или иных, приходится только догадываться. Многое зависит от периода, отнесенного к первому появлению человека в этом регионе; ведь то, что он является коренным жителем, крайне маловероятно, хотя бы потому, что здесь не найдено антропоидных обезьян. Расовый тип, который, за исключением эскимосов и, возможно, лососевых племен северо-западного побережья, является единым для всего континента, имеет довольно отдаленное сходство с азиатскими монголами. Также нет никаких трудностей в том, чтобы найти для переселенцев путь транзита из северной Азии. Даже если считать, что сухопутный мост через нынешние Алеутские острова был закрыт слишком рано, чтобы человек мог извлечь из него пользу, всегда остается проход по льду через пролив Беринга, который, если в нем водился мамонт, что доказывают его останки на Аляске, мог, несомненно, выносить и человека.

Как только человек перебрался через льды, каков был способ его распространения? На этот счет география в настоящее время может сказать нам немного. М. Демолинс, правда, описывает три маршрута: один - вдоль Скалистых гор, другой - по центральной зоне прерий, третий - самый восточный - через Великие озера. Но это чистая гипотеза. Никаких фактов не приводится. Действительно, свидетельства, касающиеся распространения, очень трудно получить в этой области, поскольку физический тип настолько однороден по всей территории. Лучшим доступным критерием является несколько скудный критерий распространения самых разных языков. На некоторые любопытные линии миграции указывает появление одного и того же типа языка в широко разделенных регионах. Наиболее ярким примером является появление одного языкового фонда, так называемого атапасканского, на северо-западе у границы Аляски; в одном или двух местах на юго-западе Орегона и северо-западе Калифорнии, где преобладает абсолютное смешение языков; и

снова в южном высокогорье вдоль линии Колорадо и Юты до другой стороны мексиканской границы. Следует ли из этого распределения, что апачи на южном конце хребта спустились с Аляски через Скалистые горы и тихоокеанский склон к своему нынешнему месту обитания? Возможно, в данном конкретном случае это и так; но есть и те, кто считает, что в целом признаки указывают на расселение племен на север, которые до этого были оттеснены на юг периодом оледенения. Таким образом, первое, что необходимо выяснить, - это древность американского типа человека.

Достаточно взглянуть на Южную Америку. Географически она состоит из трех регионов. К западу от Мексики до Чили проходит тихоокеанская линия бодрящих нагорий, являющихся домом для двух или более культур довольно высокого уровня. Затем к востоку простирается экваториальный лес, сначала покрывающий веер рек, а затем поднимающийся в более здоровые холмистые страны, и все это в своем диком состоянии препятствует человеческой деятельности. А под ним простираются пастбища пампасов, нуждающиеся в лошади только для того, чтобы раскрыть силы своих местных обитателей.

Прежде чем оставить тему одомашненной лошади, о которой уже столько говорилось, чтобы проиллюстрировать, как географические возможности и человеческие ухищрения должны помогать друг другу, стоит заметить, как изобретение может быстро революционизировать даже ту культурную жизнь более грубых рас, которая, как обычно считается, полностью скована вековыми обычаями. Когда европейцы впервые ворвались к краснокожим в Северную Америку, они нашли их охотниками и рыболовами, правда, но с сельским хозяйством в качестве второй нити везде к востоку от Миссисипи, а также к югу, и в целом оседлыми, с деревнями, разбросанными далеко друг от друга; так что в дни до завоевания они, кажется, наслаждались большой степенью безопасности и мира. Приход белых вскоре теснил их, нарушая старые границы. В то же время появились лошадь и ружье. С необычайной быстротой индейцы приспособились к новому способу существования, к жизни на пастбищах, осложненной тем, что неустанное давление захватчиков придало ей хищническую направленность, которой в противном случае она могла бы и не иметь. Нечто очень похожее, хотя ни условия, ни последствия не были совершенно одинаковыми, произошло в пампасах Южной Америки, где такие индейцы-лошадники, как патагонцы, которые на первый взгляд кажутся коренным порождением этой почвы, на самом деле являются недавним побочным продуктом вторгшейся культуры.

А теперь давайте вернемся в южную Азию с ее двумя резервуарами жизни - Индией и Китаем, между которыми находится выступающий мыс, указывающий путь к Индонезийскому архипелагу, а затем еще дальше - к обширной Австралийской области с ее мириадами земель размером от континента до кораллового атолла. Здесь мы имеем питомник моряков в более широких масштабах, чем в Средиземноморье; вспомните, что отсюда человек распространился морским путем от острова Пасхи в восточной части Тихого океана до Мадагаскара, где мы находим яванских переселенцев и негров, которые, вероятно, являются папуасами, а язык - малайско-полинезийским.

Индия и Китай вполне заслуживают статуса географических провинций сами по себе. Каждая из них является районом заселения, а после заселения возникает культурное влияние, которое совместно с окружающей средой вытесняет иммигрантские формы, как мы

видим, например, в Египте, где характерный физический тип, или, скорее, пара типов, более грубый и более тонкий, сохранялся, несмотря на постоянный приток других рас, с самого рассвета его долгой истории. Однако Индия и Китай подверглись столь сильному вторжению с евразийского севера и в то же время занимают столь большую территорию и обладают столь разнообразными физическими характеристиками, что в течение долгих лет они посылали самые разные отряды людей на поиски своей судьбы на юго-востоке.

Нельзя также игнорировать возможность более раннего движения в противоположном направлении. В Индонезии, родине орангутангов и гиббонов, не говоря уже о питекантропах, многие авторитеты считают первоначальным местом обитания человеческой расы. Будет разумно слегка коснуться вопросов, связанных с палеогеографией, этим самым калейдоскопическим из исследований. Погруженные в воду континенты, которые она вызывает из мерзких глубин, имеют привычку разрушаться вновь. Поэтому давайте воздержимся от того, чтобы снабжать человека сухопутными мостами (их можно назвать разводными), будь то между индонезийскими островами, или между Новой Гвинеей, Австралией и Тасманией, или между Индонезией и Африкой через Индийский океан. Пусть любопытные факты о современном распределении расовых типов говорят сами за себя, не забывая при этом о трудностях, связанных с определением расового типа.

Больше всего поражает распространение негров с черной кожей и шерстью. Их ареал, несомненно, указывает на то, что место их размножения находится где-то в районе Индонезии. На крайнем западе находятся негры Африки, на крайнем востоке - папуасы (папуасы и меланезийцы), простирающиеся от Новой Гвинеи через океанические острова вплоть до Фиджи. Ряд связующих звеньев обеспечивают маленькие негры пигмейского типа, так называемые негритосы. Неизвестно, насколько они представляют собой отдельный и, возможно, более ранний эксперимент по созданию негров, хотя преобладает именно такая точка зрения; или же негритянский тип с его склонностью к инфантильным чертам из-за раннего закрытия черепных швов склонен к случайному появлению карликовых форм. Во всяком случае, в Африке есть несколько групп пигмеев в районе Конго, а также бушмены и родственные им племена в Южной Африке. Затем жители Андаманских островов, семанг Малайского полуострова, акет восточной Суматры, ныне вымершие каланги Явы, которые, как говорят, были в некоторых отношениях самыми обезьяноподобными из людей, аеты Филиппин и карлики с удивительно высокой культурой, о которых недавно сообщили из голландской Новой Гвинеи, похожи на множество разрозненных обломков человека. Наконец, если мы обратим свой взор на юг, то обнаружим, что негритосы до недавнего времени населяли Тасманию, а в Австралии также можно обнаружить негритосов, или негров (папуасов).

Находимся ли мы здесь на пути первоначального расселения человека? Невозможно сказать. Даже нельзя с уверенностью, хотя и весьма вероятно, утверждать, что человек зародился в одном месте. Если это так, то он должен был почти с самого начала быть наследственно наделен приспособляемостью к различным климатическим условиям, совершенно уникальной в своем роде. Тигр может перемещаться от жарких индийских джунглей до ледяной сибирской тундры, но человек - это животное-космополит, превосходящее всех остальных. Каким-то образом, исходя из теории единого происхождения, он добрался до всех уголков земного шара, а когда добрался, то, хотя ему и потребовалось время, возможно, для приобретения местного колорита, в конце концов оказался у себя дома. Похоже, что и раса, и культура сыграли немалую роль в использовании им географических возможностей. Как австралийцы и их предшественники-негритосы вторглись в свой австралийский мир в какой-то период, который, как мы не можем не

подозревать, был очень отдален во времени? По крайней мере, можно с уверенностью сказать, что они преодолели грозный барьер. То, что известно как линия Уоллеса, соответствует глубокому каналу, проходящему между островами Бали и Ломбок и продолжающемуся на север к западу от Целебеса. На восточной стороне фауна неазиатская. Однако каким-то образом в Австралию с ее причудливыми однопроходными и сумчатыми вошел триумфальный человек-человек и вместе с ним собака. Геккель предположил, что человек последовал за собакой, подыгрывая ей, как шакалу. Но это звучит довольно абсурдно. Похоже, что человек уже достаточно освоил мореходство, чтобы переправить себя через зоологическую пропасть и взять с собой на плот или в землянку своего верного пса. Однако пока у нас нет фактов, на которых мы можем основываться, было бы так же непростительно устанавливать закон в этих вопросах, как и заполнять пробел догадками.

Остается завершить наш первоначальный обзор, сказав еще пару слов о дальних концах, западе, юге и востоке, этого огромного южного мира, к которому юго-восточная Азия обеспечивает естественный подход. Негры не имели Африку, то есть Африку к югу от Сахары, в полном распоряжении. В экваториальном лесном регионе на западе и вблизи него преобладает чистый тип, демонстрирующий сельскохозяйственные занятия, такие как выращивание банана и, дальше на север, проса, которые, должно быть, были приобретены до того, как раса была изгнана из более открытой страны. В других местах происходят всевозможные смешения с вторгшимися пастушескими народами средиземноморского типа, но негритянская кровь, тем не менее, имеет тенденцию преобладать; таким образом, мы получаем фулахов и подобные им народы на западе вдоль пастбищ, граничащих с пустыней; нилотский народ среди болот Верхнего Нила; и по всей восточной и южной части страны энергичные народы банту, которые вытеснили бушменов и родственных им хоттентотов в пустынную страну на крайнем юго-западе. К этому можно добавить, что Африка обладает богатой фауной и флорой, большим количеством полезных ископаемых, а физическая конфигурация, которая в отношении ее внутренних районов, но не побережья, очень разнообразна; так что можно сомневаться, что туземцы достигли такого высокого уровня местной культуры, как может показаться, если рассматривать ресурсы окружающей среды сами по себе. Если использование железа было изобретено в Африке, как полагают некоторые, это будет лишь еще одним доказательством того, что возможности не существуют отдельно от способности к их освоению.

Об австралийских аборигенах уже кое-что сказано. Помимо негритосской или негритянской примеси в их крови, их обычно относят к додравидийской группе, представленной различными племенами джунглей на юге Индии и веддами на Цейлоне, связующими звеньями между которыми являются сакаи с Малайского полуострова и Восточной Суматры и тоала с Целебеса. Стоит также отметить, что доисторические черепа неандертальцев находят свои ближайшие параллели в современной Австралии. Мы находимся здесь в присутствии какого-то очень древнего расселения, из какого центра и в каком направлении, трудно представить. В Австралии эти ранние колонисты нашли приятное, хотя и несколько скудно обставленное жилье. В частности, здесь не было опасных зверей, так что охота вряд ли заставляла человека напрягаться, как в более суровых климатических условиях. Изоляция и, как следствие, отсутствие давления со стороны людей - еще один факт в этой ситуации. Каковы бы ни были причины, в итоге, несмотря на весьма благоприятные условия, вдали от пустынных внутренних районов человек в целом стагнировал. Что касается материальных удобств и комфорта, то грубость их жизни кажется нам ужасающей. С другой стороны, теперь, когда мы узнаем кое-что о внутренней жизни и ментальной истории австралийцев, состояние их культуры приобретает несколько иной оттенок. Вместе с очень

простой жизнью пришло нечто, приближающееся к высокому мышлению; и мы должны признать в этом случае, как и в других, то, что можно назвать дифференциальной эволюцией культуры, в соответствии с которой одни элементы могут прогрессировать, в то время как другие стоят на месте или даже приходят в упадок.

К другому, совершенно иному народу, а именно к полинезийцам, можно с пользой применить то же понятие дифференциальной эволюции. Когда их впервые обнаружили, они находились в каменном веке, и у них не было лука и стрел. С другой стороны, благодаря кокосовому ореху, бананам и хлебным плодам у них было много средств к существованию, и они чувствовали себя как дома на своих великолепных каноэ. Таким образом, их островная жизнь была богата легкостью и разнообразием; и, хотя в некоторых отношениях они были грубыми, в других - почти цивилизованными. Их расовое родство несколько запутано. Почти наверняка можно сказать, что они заселили восточную часть Тихого океана только в течение последних 1500 лет или около того. Вероятно, они пришли из Индонезии, смешавшись по пути в незначительной степени с меланезийцами. Вопрос о том, как протополинезийцы появились в Индонезии, более проблематичен. Возможно, они стали результатом смешения длинноголовых иммигрантов из восточной Индии и круглоголовых монголов из Индо-Китая и остальной Юго-Восточной Азии, от которых произошли нынешние малайцы.

Мы завершили наше очень быстрое региональное исследование мира; и что же мы обнаружили? Это отнюдь не случай, когда один регион соответствует одному типу человека и одному типу культуры. Возможно, что при наличии постоянных физических условий одинакового типа и полной изоляции человеческая жизнь в конце концов будет соответствовать этим условиям, или, другими словами, застынет. Никто не может сказать, и никто не хочет знать, потому что на самом деле в нашем мире нет таких условий окружающей среды. История человечества предстает перед нами как завораживающая череда взаимопроникновений. Что вызывает эти движения? Географические причины, говорят теоретики одной идеи. Несомненно, человек движется вперед отчасти потому, что природа отбрасывает его назад. Но, во-первых, под давлением природы одни виды животного мира идут вперед, а другие ложатся и умирают. Во-вторых, человек обладает способностью к накоплению, социальной памятью, благодаря которой он может перенести в новую среду то, что помогло ему в старой. Но это как бы соединение сред - процесс, который заканчивается тем, что среда становится созкстенсивной с миром. Разумная ассимиляция нового с помощью старого разрушает провинциальные барьеры один за другим, пока человек, космополитическое животное в силу своей наследственной конституции, не разовьет космополитическую культуру; сначала почти бессознательно, но позже с самосознательным намерением, потому что он больше не довольствуется тем, что живет, а настаивает на том, чтобы жить хорошо.

В продолжение этого краткого рассмотрения географического контроля как такового было бы интересно, если бы позволило место, приложить исследование распределения искусств и ремесел более очевидного экономического и утилитарного типа. Если бы физическая среда была в целом, мы должны были бы найти те же условия, вызывающие те же промышленные приспособления повсюду, без помощи предложений из других мест. В

самом деле, мы так мало знаем об условиях, сопутствовавших открытию жизненных искусств, которые дали человечеству важный старт - добывание огня, приручение животных, посев растений и так далее, - что очень легко ошибиться в нашей карте. Мы почти ничего не знаем о тех перемещениях народов, в ходе которых то или иное искусство было перенесено из одной части света в другую. Поэтому, когда мы обнаруживаем, что искусство должным образом установлено в определенном месте и использует местные продукты, скажем, бамбук на юге или березу на севере, как это естественно, мы легко впадаем в ошибку, полагая, что местные продукты сами по себе вызвали к жизни искусство. Мол, схожие потребности породили схожие способы. Несомненно, в этом принципе есть доля истины, но я сомневаюсь, что в целом история имеет тенденцию повторяться в случае великих полезных изобретений. Все мы рождаемся подражателями, но изобретательский гений встречается редко.

Возьмем, к примеру, ранние палеолиты дрейфового типа. Из Египта, Сомалиленда и многих других далеких стран приходят образцы, которые сэр Джон Эванс находит "настолько идентичными по форме и характеру с британскими образцами, что они могли быть изготовлены теми же руками". И на протяжении всего палеолита в Европе очень ограниченное количество и регулярная последовательность форм свидетельствуют о врожденном консерватизме человека и медленном прогрессе изобретений. И все же, как утверждают некоторые американские авторы, которые не считают, что различие между сколотыми палеолитами и полированными неолитами более поздней эпохи одинаково хорошо применимо и к Новому Свету, - край было так же легко получить путем натирания, как и путем отслаивания. Факт остается фактом: в Старом Свете человеческая изобретательность двигалась по одному руслу, а не другому, и в течение огромного промежутка времени не нашлось никого, кто бы проложил новую линию. Песка и воды для полировки было предостаточно, но использовать их не приходило в голову.

Завершая эту главу, я, однако, взгляну на распространение не какого-либо орудия, связанного непосредственно и явно с использованием природных продуктов, а откровенной странности, того, что можно было бы легко изобрести только один раз и почти сразу же забросить снова. И, тем не менее, он есть по всему миру, восходя, как мы можем предположить, к очень древним временам и подразумевая взаимопроникновение ушедших народов, тайну странствий которых мы, возможно, никогда не раскроем. Называется он "бычье ребро" и представляет собой просто деревянную дощечку на конце веревки, которая при вращении издает довольно неземной гудящий звук. Осмелится ли антропогеограф, изучив распределение дерева и жилистых веществ по земному шару, предсказать, что, если бы человек прожил свои полмиллиона лет заново, то бычья косилка была бы распространена примерно там же, где и сейчас? "Бычье горнило" - это лишь одно из местных названий того, что сегодня сохранилось в качестве игрушки во многих старомодных уголках Британских островов, где оно также известно как бумер, жужжалка, свистулька, свист, и так далее. Не заходя далеко, мы можем получить представление о двух основных функциях, которые она, по-видимому, выполняла среди более грубых народов. В Шотландии, с одной стороны, его иногда используют, чтобы "пригнать скот". Бывало, что мальчик из стада размахивал бычьим резакom собственного изготовления, в результате чего животные вскоре неистово бежали к байру. С другой стороны, его иногда рассматривают как "заклинатель грома", амулет против грозы; суеверие гласит, что подобное лечит подобное, и все, что издает шум, подобный грому, будет в хороших отношениях, так сказать, с настоящим громом.

Что касается его использования в остальном мире, то можно сразу сказать, что то тут, то там, в Галисии в Европе, на Малайском полуострове в Азии и среди бушменов в Африке, он

используется для того, чтобы загонять или пугать животных, как прирученных, так и диких. И это, если не ошибаться, могло быть самым ранним его применением, если утилитарные приспособления вообще могут претендовать на историческое первенство, что отнюдь не бесспорно. До тех пор пока человек охотился с очень слабым оружием, он должен был во многом зависеть от приводов, которые либо загоняли дичь в ловушку, либо сбивали ее в кучу, чтобы человеческая стая могла согласованно атаковать. Неудивительно, что косарь иногда используется для привлечения удачи в мистическом смысле к охотникам. Однако чаще всего в наши дни резак служит другой мистической цели: его шум, напоминающий гром или ветер, с дополнительным оттенком странности и общей таинственности, позволяет ему играть ведущую роль в церемониях вызывания дождя. Из них, несомненно, развились всевозможные другие церемонии, связанные с тем, чтобы заставить растительность и урожай расти, а мальчиков - становиться мужчинами, как это происходит во время обрядов инициации. Поэтому неудивительно, что на точи́ле быка в Новой Гвинее, а также в Северной Америке появляется вырезанное человеческое лицо, а в Западной Африке считается, что в нем звучит голос самого бога. В Австралии также все их высшие представления о благосклонном божестве и о религии в целом, кажется, сосредоточены на этом странном символе, внешне хрупкой игрушке, но для духовного взора этих простых людей - настоящем святой святых.

А теперь - краткая информация о его распространении, подробности которой можно почерпнуть из ценной статьи доктора Хэддона в *"Исследовании человека"*. Он есть в Англии, Шотландии, Ирландии и Уэльсе. Его можно проследить по центральной Европе через Швейцарию, Германию и Польшу до Карпат, после чего древняя Греция с ее дионисийскими мистериями берет верх. В Америке он встречается среди эскимосов, рассеян по северной части континента вплоть до мексиканской границы, а затем вновь появляется центральной Бразилии. Опять же, от Малайского полуострова и Суматры он распространяется по большому вееру темных народов, от Африки, на запад и юг, до Новой Гвинеи, Меланезии и Австралии, вместе с одной только Новой Зеландией из полинезийских островов - факт, возможно, показывающий, что он принадлежал к какой-то более ранней расе колонистов. Таким образом, во всех крупных географических областях можно найти точи́ло для быка, и это не считая аналогичных орудий, таких как так называемый "жужжало", которые покрывают более обширные территории, например, восточное побережье Азии. Должны ли мы предполагать множество независимых истоков или же далекие перемещения мигрирующих народов, например, американских индейцев и негров? Здесь нет необходимости пытаться ответить на эти вопросы. Достаточно показать на примере одной иллюстрации, как изучение географического распространения изобретений порождает столько же трудностей, сколько и решает.

В итоге мы приходим к выводу, что антрополог, постоянно сверяясь со своей физической картой мира, не должен полагать, что тем самым он избавит себя от дальнейших проблем. Географические факты представляют собой пассивное условие, которому жизнь, по самой своей природе активная, подчиняется, но, подчиняясь, побеждает. Мы не можем отделаться от того факта, что мы физически детерминированы. Однако физическая детерминация была преодолена человеческой природой таким образом, что остальной животный мир не имеет аналогов. Так, человек, как гласит старая поговорка, занимается любовью круглый год. Сезонные изменения, конечно, влияют на него, но он не является рабом времен года. Так же и со многими другими элементами, вовлеченными в "географический контроль". Например, "дорога" - то есть любой естественный путь миграции или коммуникации, будь то по суше через мосты и перевалы, или по морю между гаванями и с торговыми ветрами, надувающими паруса, - играет свою роль в игре жизни, и у нее много козырей; но и негеографический факт,

что вашей машиной для передвижения может быть пара ног, или лошадь, или лодка, или железная дорога, или дирижабль. Давайте будем умеренны во всем, даже в наших ссылках на силу обстоятельств. Обстоятельства могут не создавать, но сами по себе они еще никогда не создавали ни человека, ни какую-либо другую форму жизни.

ГЛАВА V

ЯЗЫК

Дифференциация человека - качество, отличающее его от других видов животных, - несомненно, заключается в способности к членораздельной речи. Таким образом, сам его разум становится членораздельным. Если язык в конечном счете является творением интеллекта, то не менее фундаментально интеллект является творением языка. Как плоть зависит от кости, так и живая ткань нашей духовной жизни зависит от поддерживающего ее каркаса из устойчивых словесных форм. Гений, небесный благодетель человечества, - это, по сути, тот, кто борется с "мыслями, слишком глубокими для слов", пока, наконец, не ассимилирует их в схему значений, воплощенных в родном языке, и таким образом поднимает их определенно выше порога обыденного сознания, который также является порогом обычной культуры.

Таким образом, есть все основания присовокупить небольшую главу о языке к рассказу о тех факторах в жизни человека, которые в целом выступают за принцип свободы - рационального самоопределения. Наследственность и среда, действительно, не лежат полностью вне пределов нашего контроля. Если рассматривать их с точки зрения человеческой истории в целом, то каждая из них по-своему демонстрирует определенную способность удовлетворять потребности и цели жизненной силы наполовину. Однако, если рассматривать их абстрактно, их можно рассматривать как чисто пассивные и ограничивающие условия. Мы имеем конституцию, которую мы не выбирали, и мир, который мы не выбирали. Учитывая такое наследство и такое окружение, как мы, размышляя и рискуя, сможем достичь наилучшего в сложившихся обстоятельствах? Такова жизненная проблема, с которой сталкивается каждое конкретное поколение людей.

Окружающая среда - это как бы враг. Мы стремимся завоевать и поработить ее. С другой стороны, наша наследственность - это та сила, которой мы подчиняемся, отправляясь в бой; она покалывает нашу кровь и нервирует мышцы нашей руки. Однако эта сила наследственности, если рассматривать ее абстрактно, слепа. И все же, коллективно и индивидуально, мы сражаемся глазами, которые видят. Эта способность использовать свет опыта представляет собой третий элемент ситуации, а с точки зрения стремления человека познать самого себя - высший элемент. Окружающая среда, поскольку под эту концепцию подпадают все остальные формы жизни, кроме человека, может привлечь на свою сторону определенное количество интеллекта низкого порядка. Но прерогатива человека заключается в том, чтобы доминировать в своем мире с помощью интеллекта высокого порядка. Когда он бросил вызов ледниковому периоду с помощью огня, когда он превзошел и пережил мамонта и пещерного медведя, он уже был разумным животным, *homo sapiens*. Даже в те далекие времена он мыслил по-своему. И поэтому мы можем предположить, пока не появятся прямые доказательства обратного, что у него также был язык, причем членораздельный. Можно сказать, что он попытался произнести речь, как только научился вставать на задние лапы.

К сожалению, мы полностью лишены возможности проследить историю человеческой речи до ее первых истоков. Во второй половине прошлого века, когда еще только закипало

дарвинистское брожение, появились всевозможные догадки о происхождении языка. Одна школа искала источник самых ранних слов в подражательных звуках типа "боу-боу", другая - в междометиях типа "ту-тут". Или, опять же, как это было естественно в Европе, где, за исключением баскского языка в западном углу и некоторых азиатских языков, турецкого, венгерского и финского, на восточной границе, все разговорные языки имеют определенные очевидные сходства, сравнительный филолог взялся за создание различных больших семейств речи; и была надежда, что рано или поздно, возвращаясь к некоему лингвистическому расхождению путей, будет решена центральная проблема расселения рас мира.

Эти нарисованные пузыри лопнули. Дальнейшее изучение форм речи, бытующих среди народов грубой культуры, не выявило заметного богатства ни подражательных, ни междометных звуков. С другой стороны, сравнительное изучение европейского, или, как его следует называть в связи с ответвлением через Персию в Индию, индоевропейского фонда языков, отбрасывает нас максимум на три-четыре тысячи лет назад - ничтожный срок с точки зрения антропологического времени. Более того, более обширный поиск по миру, который во многих своих менее культурных частях не содержит литературных остатков, которые могли бы служить иллюстрацией языковой эволюции, показывает бесконечное разнообразие языков вместо ожидаемой системы из нескольких семей; так что только в Северной Америке необходимо выделить полсотни независимых типов. Что касается остальных, то становится все более очевидным, что раса и язык вовсе не должны сочетаться. Какой филолог, например, сможет выяснить, если ему не поможет история, а придется полностью полагаться на изучение современного французского языка, что основная масса населения Франции связана кровью с древними галлами, которые говорили на кельтском языке, пока римское завоевание не заставило их принять вульгарную форму латыни вместо него. Кельтский язык, в свою очередь, несомненно, не так давно вытеснил какой-то более ранний тип языка, возможно, родственный до сих пор сохранившемуся баскскому; хотя нет никакой необходимости полагать, что кельтскоязычные захватчики в соответствующей степени уничтожили прежних обитателей этих земель. Короче говоря, расы смешиваются легко, а языки, за исключением особых обстоятельств, едва ли.

Разочаровавшись в своей надежде возглавить реконструкцию далекого прошлого человека, изучение языка в последние годы имеет тенденцию к некоторому отказу от исторического, то есть антропологического, метода. Альтернативой является чисто формальная трактовка предмета. Так, в то время как словари кажутся безнадежно различными по своему специальному содержанию, общий аппарат речевого выражения в целом одинаков везде. То, что все люди одинаково общаются с помощью речи, а другие символы и коды, в которые могут быть переведены мысли, такие как жесты, различные виды письма, барабанная дробь, дымовые сигналы и так далее, являются в основном лишь вторичными и производными, - это факт, сам факт универсальности которого может легко ослепить нас до его глубокого значения. Между тем, наука фонетика, утратившая то "мудрое представление о себе", которое когда-то привело ее к широкому обсуждению вопроса о том, развилось ли искусство говорить в одном географическом центре или во многих центрах благодаря сходным способностям тела и разума, в наши дни по большей части довольствуется аналитическим исследованием способов голосового выражения, соотнесенных с наблюдаемыми тенденциями речевых органов человека. И то, что верно в отношении фонетики в частности, едва ли менее верно в отношении сравнительной филологии в целом. Ее нынешняя процедура является в основном аналитической или формальной. Так, фундаментальное различие между изолирующими, агглютинативными и инфлективными языками достигается просто путем противопоставления различных способов воздействия на слова при их

соединении в предложение. Не делается никаких попыток показать, что один тип расположения обычно предшествует другому во времени или что он каким-либо образом более рудиментарен - то есть, сказать, менее приспособлен к потребностям человеческого общения. Мы даже не претендуем на то, что данный язык обязательно должен служить примером одного, и только одного, из этих трех типов; хотя процесс, известный как аналогия, то есть упорядочивание исключений путем рассмотрения непохожего как похожего, всегда будет склонен утверждать одну систему в ущерб остальным.

Таким образом, для того чтобы изучение языка вернуло себе былое превосходство среди антропологических исследований, необходимо придать новое направление его поискам. И можно многое сказать в пользу любых изменений, которые приведут к такому результату. Без постоянной помощи филолога антропология будет чахнуть. Доскональное понимание речи исследуемого народа - главный ключ полевого работника; настолько, что первый вопрос критика при определении ценности этнографической работы всегда должен звучать так: "Мог ли автор свободно разговаривать с туземцами на их родном языке? Но как можно успешно изучать конкретные языки, если в этом нет стимула и вдохновения, которые может дать любой отрасли науки только поиск общих принципов? Чтобы облегчить рутинную работу по составлению словарей и грамматик, необходимо иметь представление о более широких проблемах, которые могут непосредственно заинтересовать студента, посвятившего себя языку ради него самого. Формальный метод исследования языка, тем временем, вряд ли может дать необходимый толчок. Анализ хорош до тех пор, пока его конечная цель - служить генезису, то есть эволюционной истории. Однако, если он пытается работать сам по себе, ему грозит опасность выродиться в полную бесперспективность. Вне времени и истории - это, в конечном счете, вне смысла и пользы. Поэтому филолог, если он хочет помочь антропологии, должен сам быть антропологом, в полной мере осознающим важность исторического метода. Он должен уметь рассматривать каждый язык или группу языков, которые он изучает, в их историческом окружении. Он должен стремиться показать, как он развивался в зависимости от потребностей того или иного времени. Короче говоря, он должен соотносить слова с мыслями; он должен рассматривать язык как функцию социальной жизни.

Здесь, однако, невозможно попытаться дать лишь самую общую характеристику первобытного языка, поскольку он проливает свет на работу первобытного интеллекта. По одной причине, этот предмет очень техничен; по другой причине, наши знания о большинстве типов речи дикарей крайне отстали; в то время как, по третьей и наиболее далеко идущей причине, многие народы, как мы видели, не говорят на языке, действительно родном для их сил и привычек ума, а выражают себя в терминах, привнесенных из другого народа, чья духовная эволюция была в значительной степени иной. Таким образом, можно очень широко и в целом противопоставить более примитивные и более продвинутые методы, которые человечество использует для того, чтобы выразить свой опыт словами. К счастью, пристальное внимание американских филологов к языкам аборигенов своего континента привело к открытию определенных принципов, которые, как представляется, свидетельствуют о том, что остальные наши данные имеют всемирное применение. Читателю рекомендуется изучить наиболее стимулирующие, хотя, возможно, и несколько спекулятивные страницы о языке во втором томе *"Истории Нового Света"* Э. Дж. Пейна под

названием "Америка"; или, если он может работать с французским языком, сравнить сделанные здесь выводы с теми, к которым профессор Леви-Брюль пришел, во многом благодаря рассмотрению этой же американской группы языков, в своей недавней работе "Психические функции в низших обществах" ("*Les Fonctions Mentales dans les Sociétés Inférieures*").

Если бы обычного человека, который совсем не вникал в этот вопрос, попросили сказать, каким языком, по его мнению, должен владеть дикарь, он бы с уверенностью ответил, что, во-первых, его словарный запас очень мал, а во-вторых, что он состоит из очень коротких, всеобъемлющих терминов - фактически корней, таких как "человек", "медведь", "есть", "убивать" и так далее. На самом деле ничего подобного нет. Возьмем, к примеру, жителей этого невеселого места, Огненной Земли, чья культура столь же груба, как и у любого другого народа на земле. Один ученый, попытавшийся составить словарь их языка, обнаружил, что ему пришлось считаться с более чем тридцатью тысячами слов, даже после того, как он отбросил большое количество форм меньшей важности. И неудивительно, что счет шел на часы. Ведь у фуэгийцев было более двадцати слов, некоторые из которых состояли из четырех слогов, чтобы выразить то, что для нас было бы либо "он", либо "она"; затем у них было два названия для солнца, два для луны и еще два для полнолуния, причем каждое из последних названий состояло из четырех слогов и не имело ни одного общего элемента. Звуки, по сути, у них столь же многочисленны, сколь редки идеи. Впечатления, с другой стороны, конечно же, бесконечны по количеству. Таким образом, с помощью более или менее значимых звуков фуэгийское общество соединяет впечатления, и то несколько несовершенно, а не обменивается идеями, которые только и являются валютой истинного мышления.

Например, *I-cut-bear's-leg-at-the-joint-with-a-flint* now довольно хорошо соответствует общему впечатлению, произведенному конкретным действием; хотя, несмотря на это, я, несомненно, выборочно свел это понятие к тому, что я могу спокойно воспринять, опустив множество ненужных деталей - например, что я был голоден, спешил, делал это для пользы других, а также себя, и так далее. Ну а американские языки более грубого типа, соединяя большое количество звуков или слогов, умудряются произнести портманное слово - "голофраза" - техническое название для этого, - в которое упаковано достаточно предложений, чтобы воспроизвести ситуацию во всех ее деталях, порез, факт, что я это сделал, предмет, инструмент, время пореза и кто знает, что еще. Забавные примеры таких портманто-слов встречаются во всех учебниках. Если вернуться к фуэгийцам, то их выражение *tamihlapinatapai* означает "смотреть друг на друга в надежде, что кто-то из них предложит сделать то, что обе стороны хотят, но не хотят делать". Поскольку одна и та же ситуация никогда не повторяется, а бывает частично одинаковой, а частично разной, то очевидно, что если бы голофраза действительно пыталась в каждом случае передать все то яркое впечатление, которое вызывает данная ситуация, то одно и то же сочетание звуков тоже никогда бы не повторялось; нельзя было бы открыть рот, не придумав нового слова. Как бы нелепо ни звучало это представление, оно может служить для обозначения нижнего предела, от которого самые грубые типы человеческой речи не так уж и далеки. Их хорошо известная тенденция к изменению всего характера за двадцать лет или менее в значительной степени объясняется текучей природой примитивной речи; трудно отделить части, способные к повторному использованию в неизменном виде, от составных вокабул, в которых они регистрируют свой высококонкретный опыт.

Так, в старом гурино-ирокезском языке *eschoirhon* означает "я был у воды", *setsanha* - "иди к воде", *ondequoha* - "есть вода в ведре", *daustantewacharet* - "есть вода в горшке". В этом

случае говорят, что существовало общее слово для "воды", *awel*, которое, кроме того, каким-то образом подсказывается уху аборигенов как элемент, содержащийся в каждой из этих более длинных форм. Во многих других случаях сложность выделения общего значения и закрепления его за общим термином оказалась слишком большой для примитивного языка. Вы можете выразить двадцать различных видов резки; но вы просто не можете сказать "резать" вообще. Неудивительно, что большой словарный запас оказывается необходимым, когда, как в зулусском языке, "мой отец", "твой отец", "его или ее отец" - это отдельные многосложные слова без какого-либо общего элемента.

Эволюция языка, с этой точки зрения, может рассматриваться как движение от голофрастики в сторону аналитики. Когда каждая деталь в вашей коробке словесных кирпичиков может быть обработана отдельно, потому что она не соединена всевозможными способами с другими деталями, тогда только вы можете составлять новые конструкции по своему вкусу. Порядок и ударение, как показывает английский и еще более наглядно китайский языки, достаточны для построения предложений. В идеале слова должны быть индивидуальны и атомарны. Каждое изменение, которое они претерпевают в результате внутреннего изменения звучания или присоединения к ним префиксов или суффиксов, означает ограничение их свободного использования и жертву отчетливости. Конечно, очень легко мыслить путано, даже используя самый ясный язык; хотя в таком случае очень трудно сделать это, не будучи быстро привлеченным к ответственности. С другой стороны, невозможно достичь высокой степени ясности мышления, если единственным доступным способом речи является тот, который имеет тенденцию к бессловесности, то есть относительно не хватает словесных форм, сохраняющих свою идентичность во всех контекстах. Бессловесное мышление не является в строгом смысле невозможным; но его несколько ограниченные возможности почти полностью лежат по ту сторону, так сказать, чистого словарного запаса. Ведь сам факт того, что слова кристаллизуются в постоянную форму, наделяет их предчувствием прерванной непрерывности, обертонем неиспользованного значения, что само по себе приглашает ум поиграть с соответствующей бахромой смысла, прикрепленной к понятиям, которые эти слова воплощают.

Я бы не смог выполнить бесконечную задачу, если бы попытался подробно проиллюстрировать, как можно выразиться, "липкость" примитивных форм речи. Лицо, число, падеж, время, настроение и род - все это, даже в относительно аналитической фразеологии самых культурных народов, склонно отпечатываться на самом теле слов, смысл которых они определяют. Но скудный список определений, созданных таким образом в развитом типе языка, не дает представления об огромном разнообразии сложных форм, которые служат тем же целям на более низких уровнях человеческого опыта. Более того, существует множество других оттенков вторичного и косвенного смысла, которые в развитых языках неизменно представлены отдельными словами, так что, когда они не нужны, их можно пропустить, но в более примитивном языке склонны проникать в самую грамматику предложения, таким образом неразрывно смешиваясь с действительно существенными элементами передаваемой мысли. Например, в некоторых американских языках вещи бывают либо одушевленными, либо неодушевленными, и должны различаться соответствующим образом с помощью сопутствующих частиц. Или, опять же, они классифицируются аналогичными средствами как рациональные или иррациональные; женщины, кстати, обозначаются среди чикитос иррациональным знаком. Почитательные частицы, опять же, используются для различения того, что является высоким или низким в племенной оценке; и в этой связи мы получаем такие странности, как тамильская практика ограничения привилегии иметь множественное число для имен высшей касты, таких как те, что применяются к богам и людям, в отличие от зверей, которые являются простыми

некастовыми "вещами". Или, опять же, мои передаваемые вещи, "мое копье" или "мое каноэ", подвергаются глагольным модификациям, в которых отказано непередаваемым вещам, таким как "моя рука"; "мой ребенок", как можно заметить, относится к последнему классу.

Наиболее интересными являются различия между людьми. Они не могут не отразиться на формах речи, поскольку родной ум занят в основном личным аспектом вещей, достигая концепции бескровной системы "своих" с величайшим трудом, если вообще достигает. Даже третье лицо, которое, естественно, является самым бесцветным, поскольку исключено из непосредственной части разговорной игры, подвергается многочисленным изменениям в свете условий, которые первобытный ум рассматривает как очень важные, в то время как мы должны изгнать их из наших мыслей как ничего не значащие "случайности". Так, абионы в первую очередь отличали "он-присутствующего", *eneha*, и "она-присутствующую", *anaha*, от "он-отсутствующего" и "она-отсутствующей". Но присутствие само по себе давало слишком мало впечатлений о говорящем. Так, если "он" или "она" сидели, нужно было сказать *hiniha* и *haneha*; если они шли и были в поле зрения - *ehaha* и *ahaha*, а если шли и были вне поля зрения - *ekaha* и *akaha*; если лежали - *hiriha* и *haraha*, и так далее. Более того, все эти формы были "собирательными", подразумевая, что в них участвовали и другие люди. Если "он" или "она" были одни, требовался совершенно другой набор слов: "он, сидящий (один)" становился *unitara* и т. д. Скромные требования фуэгийского общения вызвали к жизни более двадцати таких отдельных местоимений.

Не пытаясь подробно рассмотреть усилия примитивной речи по ограничению своего интереса к персоналу своего мира путем постепенного приобретения запаса деиндивидуализированных слов, давайте взглянем на другой аспект этой темы, поскольку он помогает выявить тот фундаментальный факт, что язык - это социальный продукт, средство межсубъектного общения, развитое в обществе, которое передает новому поколению те словесные эксперименты, которые оказываются наиболее успешными. Пейн показывает основания полагать, что коллективное "мы" предшествует "я" в порядке языковой эволюции. Начнем с того, что в Америке и других странах "мы" может быть инклюзивным и означать "все мы", или селективным, означающим "только некоторые из нас". Поэтому, как нам говорят, миссионер должен быть очень осторожен и, если он проповедует, должен использовать инклюзивное "мы", говоря "мы согрешили", чтобы прихожане не подумали, что согрешили только священнослужители; в то время как в молитве он должен использовать избирательное "мы", иначе Бог будет включен в список грешников. Аналогично, "я" имеет собирательную форму в некоторых американских языках, и она используется обычно, в то время как соответствующая избирательная форма используется только в особых случаях. Так, на вопрос "Кто поможет?" апачи отвечают "Я среди других", "Я за одного"; но если он рассказывает о своих личных подвигах, он говорит *sheedah*, "Я сам по себе", чтобы показать, что они принадлежат только ему. Здесь мы видим, что групповое сознание противостоит индивидуальному самосознанию, которое для первобытных людей в целом является более нормальной позицией ума.

Еще одной иллюстрацией социальности, укоренившейся в первобытной речи, могут служить термины, используемые для обозначения отношений. "Моя мать" для ребенка природы - это нечто большее, чем обычная мать, подобная вашей. Таким образом, как мы уже видели, может существовать особая частица, относящаяся к кровным родственникам как к непередаваемому имуществу. Или, опять же, в одном из австралийских языков есть специальные дуалы "мы-два", один из которых используется между отношениями вообще, а другой - только между отцом и ребенком. Или американский язык предлагает один вид

суффикса множественного числа для кровных родственников, другой - для остальных людей. Этих лингвистических примеров достаточно, чтобы показать, как трудно примитивному мышлению разъединить то, что быстро соединяется в мире повседневного опыта.

Неудивительно, что европейский путешественник, не имеющий антропологической подготовки, обычно считает невозможным получить от туземцев сколько-нибудь связный рассказ об их системе отношений; ведь его вопросы обычно принимают форму "Может ли мужчина жениться на сестре своей покойной жены?" или что-то в этом роде. Подобные обобщения совершенно не вписываются в предельно конкретную схему рассмотрения обычаев своего племени, навязанных дикарю как его образом жизни, так и самими формами речи. Так называемый "генеалогический метод", предложенный доктором Риверсом, к которому теперь неизменно прибегает научный исследователь, основывается главным образом на использовании конкретного типа процедуры, соответствующей ментальным привычкам простого народа, подвергающегося исследованию. Джон, к которому вы обращаетесь здесь, может точно сказать вам, может ли он жениться на Мэри Энн вон там; он также может указать на свою мать и назвать ее имя, а также имена своих братьев и сестер. Вы обходите всю группу - вполне возможно, в ней не более нескольких сотен человек - и допрашиваете их всех и каждого об их отношениях с тем или иным человеком, которого вы назвали. Со временем у вас появится схема, которую вы сможете обрабатывать аналитическим способом до бесконечности; в то время как против вашей системы подсчета родства вы сможете установить контрастную систему, которую всегда можно получить, спрашивая каждого информанта, какие термины родства он бы применял к различным членам своей родословной, и, в свою очередь, какие термины они применяли бы к нему.

Прежде чем завершить этот совершенно неадекватный набросок обширной и запутанной темы, я хотел бы сказать всего одно слово о выражении представлений о числе. Совершенно ошибочно полагать, что у дикарей нет чувства числа, потому что простодушный европейский путешественник, составляя краткий словарь обычным способом, не может найти эквивалента нашим цифрам, скажем, от 5 до 10. Дело в том, что интерес к числам принял иной оборот, соединившись с другими интересами более конкретного характера в лингвистических формах, к которым наш собственный тип языка не дает никакого ключа. Так, на острове Кивай, в устье реки Флай в Новой Гвинее, Кембриджская экспедиция обнаружила целый набор фраз, с помощью которых можно было конкретно указать количество субъектов, действующих на количество объектов в данный момент. Чтобы обозначить действие двух на многих в прошлом, говорили *rudo*, в настоящем *durudo*; многих на многих в прошлом *rumo*, в настоящем *durumo*; двух на двух в прошлом *amarudo*, в настоящем *amadurudo*; из многих на двух в прошлом *амарумо*; из многих на трех в прошлом *ибидурумо*, из многих на трех в настоящем *ибидурудо*; из трех на двух в настоящем *амабидурумо*, из трех на двух в прошлом *амабирумо* и так далее. Между тем, слов для чистого счета становится все меньше, потому что руки и ноги сами по себе служат прекрасным средством не только для подсчета, но и для передачи числа. Это единственный случай, когда жестовый язык может претендовать на что-то вроде независимого статуса наряду с речью.

Из этого вовсе не следует, что ум не способен оценить числовые отношения, потому что язык не в состоянии их абстрактно символизировать. Одному высокопоставленному чиновнику, руководившему переписью населения Индии, подчиненный сообщил, что от определенного племени, живущего в джунглях, невозможно добиться отчета о количестве их хижин по той простой и достаточной причине, что они не умеют считать больше трех. Поэтому директору, который оказался человеком с острым антропологическим чутьем, пришлось самому прийти на помощь. Собрав старейшин племени, он положил на землю камень и сказал одному: "Это твоя хижина", а другому: "Это твоя хижина", при этом он положил второй камень чуть поодаль от первого. "А где теперь твоя?" - спросил он третьего. Туземцы сразу же прониклись духом игры, и через некоторое время был начерчен план всего поселения, который при последующей проверке оказался как географически, так и численно верным и полным. Эта история может служить примером того, как природа снабжает человека готовым счетным устройством в его способности к восприятию, которого вполне достаточно для дел более простой жизни. Известно, как пастух может с первого взгляда определить численность стада. Однако для более высоких полетов опыта, особенно когда приходится иметь дело с невидимым и просто возможным, восприятие должно уступить место понятиям; массовое сознание должно уступить место мышлению посредством представлений, собранных из элементов, ставших отчетливыми благодаря предыдущему расчленению общего впечатления; короче говоря, конкретное должно уступить место аналитическому способу постижения смысла вещей. Более того, поскольку мышление - это, по выражению Платона, не более и не менее чем безмолвный разговор с самим собой, владеть аналитическим языком - значит быть более чем на полпути к аналитическому способу интеллекта - способу мышления с помощью отчетливых понятий.

Если в этой главе и есть мораль, то она должна заключаться в том, что, хотя долг цивилизованных владык примитивных народов - оставить им их старые институты, если они не наносят прямого ущерба их постепенному продвижению в культуре, поскольку потерять связь с родным миром для дикаря - значит полностью потерять голову и умереть; однако это соображение едва ли применимо к родному языку. Если язык развитого народа может быть заменен, это идет на пользу всем. Сегодня среди антропологов стало модным считать аксиомой, что типичный дикарь и типичный крестьянин Европы стоят на одном уровне в отношении силы общего интеллекта. Если под силой мы понимаем чистую потенциальность, я не знаю достаточных данных, которые позволили бы нам сказать, будет ли в идеальных условиях средняя степень умственных способностей в этих двух случаях одинаковой или разной. Но я уверен, что обычный европейский крестьянин, чье общество предоставляет ему в виде аналитического языка готовый инструмент для всех целей ясного мышления, начинает с огромного преимущества по сравнению с дикарем, чья традиционная речь голофрастична. Какими бы ни были его умственные способности, у первого гораздо больше шансов извлечь из них максимум пользы в данных обстоятельствах. "Дайте им слова, чтобы пришли идеи", - вот максима, которая поможет нам далеко продвинуться как в воспитании детей, так и в воспитании народов с более низкой культурой, за которые мы отвечаем.

ГЛАВА VI

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Если исследователь приезжает в дикарское племя с намерением понять истинный смысл его жизни, то, как скажет ему любой антрополог, его первым долгом является тщательное ознакомление с социальной организацией во всех ее формах. Причина этого проста: только изучая внешние стороны других людей, мы можем надеяться понять, что происходит у них внутри. "Институты" будут удобным словом для выражения всех внешних сторон жизни человека в обществе, насколько они отражают разум и цель. Аналогично, соответствующие им внутренние или субъективные состояния могут быть названы "убеждениями". Таким образом, кардинальную максиму полевого работника можно сформулировать следующим образом: Работайте до убеждений через институты.

Далее, существует два способа исследования данного набора институтов, и один из них, насколько это практически осуществимо, должен предшествовать другому. Во-первых, институты следует изучать как множество колесиков в социальной машине, которая рассматривается так, как если бы она стояла на месте. Вы просто отмечаете характерные черты каждого из них и то, как он расположен по отношению к остальным. Рассматриваемые таким статичным образом, институты предстают как "формы социальной организации". Затем машина должна быть приведена в движение, и вы рассматриваете ее части в движении. Рассматриваемые таким образом в динамике, институты предстают как "обычаи".

Итак, в этой главе мы расскажем кое-что о формах социальной организации, преобладающих у народов низшей культуры. Наш интерес будет ограничен социальной морфологией. В последующих главах мы перейдем к тому, что можно было бы назвать, в качестве контраста, физиологией социальной жизни. Иными словами, мы вкратце рассмотрим правовые и религиозные обычаи, а также связанные с ними верования.

Как возникают формы социальной организации? Их кто-то изобретает? Предполагает ли само понятие организации наличие организатора? Или, подобно Топси, они просто растут? Являются ли они естественной кристаллизацией, которая происходит, когда люди оказываются вместе? Со своей стороны, я считаю, что до тех пор, пока мы занимаемся антропологией, а не философией, то есть собираем события воедино исторически, по мере того как они, как кажется, следуют друг за другом, и не обсуждаем окончательный вопрос о соотношении разума и материи, и о том, кто из них в конечном итоге управляет кем, мы должны быть готовы признать и физическую необходимость, и духовную свободу как взаимопроникающие факторы в человеческой жизни. В то же время, рассматривая тему социальной организации, мы должны, как мне кажется, постоянно спрашивать себя: "Насколько сила обстоятельств и насколько сила разумного замысла объясняют такой-то и такой-то чистый результат?"

Если бы меня попросили представить главные детерминанты человеческой жизни в виде единой цепи причин и следствий - упрощение исторической проблемы, скажу сразу, о котором я никогда не мечтал бы, кроме как в качестве удобной фикции, устройства для облегчения исследования путем обеспечения его центральной линией, - я бы сделал это так.

Работая в обратном направлении, я должен сказать, что культура зависит от социальной организации; социальная организация - от чисел; числа - от пищи; а пища - от изобретений. Здесь оба конца ряда представлены духовными факторами - культура на одном конце и изобретения на другом. Среди промежуточных звеньев пища и числа могут быть отнесены к физическим факторам. Социальная организация, однако, кажется обращенной сразу в обе стороны и представляющей собой нечто среднее между духовным и физическим проявлением.

Ставя изобретение в самый низ шкалы условий, я определенно расхожусь с мнением, что эволюция человека - это чисто "естественный" процесс. Конечно, слово "естественный" можно использовать настолько широко и расплывчато, чтобы охватить все, что было, или есть, или может быть. Однако если его использовать так, чтобы исключить "искусственное", то я готов сказать, что человеческая жизнь - это в первую очередь искусственная конструкция, или, другими словами, произведение искусства; отличительный знак человека состоит именно в том, что он один из всех животных способен к искусству.

Хорошо известно, как изобретение машин в середине восемнадцатого века привело к промышленной революции, социальные и политические последствия которой развиваются и по сей день. Что ж, я осмелюсь выдвинуть в качестве предположения, применимого к человеческой эволюции, насколько нам известно, что история - это история великих изобретений. Конечно, верно, что климат и географические условия в целом помогают определить природу и количество продуктов питания; так, например, сколько бы вы ни разбирались в искусстве сельского хозяйства, вы не сможете заставить кукурузу расти на берегах арктического моря. Но, имея необходимые изобретения, например, превосходное оружие, вы никогда не позволите загнать себя в столь негостеприимный регион, куда вы, надо полагать, не отправитесь добровольно, если только, конечно, состояние ваших искусств - например, ваше умение охотиться или приручать оленей - не склонит вас к тому, чтобы устроить рай в тундре.

Итак, если допустить, что искусство и изобретения данного народа, прямо или косвенно производительные, способны давать определенный средний урожай пищи, то несомненно, как напомнили бы нам Мальтус и Дарвин, что можно рассчитывать на то, что человеческая плодовитость доведет численность населения до предела, имеющего более или менее постоянное соотношение со средствами существования.

В конце концов мы доходим до нашей более непосредственной темы - социальной организации. В каком смысле, если это вообще возможно, социальная организация зависит от чисел? К сожалению, это слишком большой вопрос для того, чтобы обсуждать его здесь. Однако я могу отослать читателя к гениальной классификации народов мира по степени их социальной организации и культуры, которую попытался провести мистер Сазерленд в своей книге *"Происхождение и развитие нравственного инстинкта"*. Он пытается показать, что определенная численность населения может быть соотнесена с каждой ступенью в шкале человеческой эволюции - во всяком случае, до того момента, когда достигается полная цивилизация, когда случаи, подобные Афинам при Перикле или Флоренции при Медичи, вероятно, вызвали бы у него некоторые затруднения. Например, он утверждает, что самые низкие дикари, ведды, пигмеи и так далее, образуют группы от десяти до сорока человек; тогда как те, кто лишь на одну степень менее отсталые, такие как австралийские аборигены, в среднем насчитывают от пятидесяти до двухсот человек; в то время как большинство североамериканских племен, которые представляют собой следующую стадию общего прогресса, насчитывают от ста до пятисот человек. На этом он оставляет народы, которые он классифицировал бы как "дикие", их главной характеристикой

с экономической точки зрения является то, что они ведут более или менее бродячую жизнь охотников или просто "собирателей". Далее он аналогичным образом, по возрастающей, делит на три группы народы, которые он называет "варварами". В экономическом отношении они либо ведут оседлый образ жизни, с более или менее развитым сельским хозяйством, либо, если кочуют, ведут пастушеский образ жизни. Низший тип групп, к которым он относит ирокезов, маори и т.д., насчитывает от тысячи до пяти тысяч человек; далее следуют слабо организованные государства, такие как Дагомея или Ашанти, где численность может достигать ста тысяч человек; кульминацией же варварства он считает более прочные сообщества, такие как, например, в Абиссинии или на Мадагаскаре, население которых он оценивает примерно в полмиллиона человек.

Теперь я отношусь к статистике мистера Сазерленда весьма скептически и считаю его смелую попытку распределить народы мира каждый на свою ступеньку лестницы всеобщей культуры не более чем умной гипотезой, которую какой-нибудь увлеченный антрополог будущего, возможно, сочтет достойной своего внимания, чтобы подвергнуть тщательной проверке. Однако, по крайней мере, я склонен согласиться с его общим принципом, что в целом и в долгосрочной перспективе, на ранних этапах человеческой эволюции, сложность и согласованность социального порядка зависит от размера группы, которая, поскольку ее размер, в свою очередь, зависит от способа экономической жизни, может быть описана как пищевая группа.

Однако, помимо пищи, существует второе элементарное условие, которое жизненно важно для человеческой расы, - это пол. Таким образом, социальная организация имеет двоякий аспект. С одной стороны, и, возможно, в первую очередь, это организация поиска пищи. С другой стороны, что не менее важно, это организация брака. В дальнейшем эти два аспекта будут рассматриваться в большей или меньшей степени вместе, поскольку в значительной степени они пересекаются. Примитивные люди, как и другие социальные животные, естественно объединяются в охотничьи стаи и не менее естественно - в семьи; и на самой зачаточной стадии эволюции между ними, вероятно, очень мало различий. Однако когда по тем или иным причинам, которые антропологам еще предстоит выяснить, человек переходит к институту экзогамии, закону брака, который заставляет объединяться мужчин и женщин, принадлежащих к более или менее разным пищевым группам, то, как мы увидим в дальнейшем, брачно-семейный аспект социальной организации имеет тенденцию затмевать политико-экономический; Хотя бы потому, что последний обычно может позаботиться о себе сам, в то время как брак с совершенно незнакомым человеком - это неловкая операция, которая, как можно ожидать, потребует определенной договоренности с обеих сторон.

Проиллюстрировать доэкзогамную стадию человеческого общества не так просто, как может показаться; поскольку, хотя можно найти примеры, особенно среди негритосов, таких как андаманцы или бушмены, народов самой грубой культуры, живущих в очень маленьких общинах, которые, очевидно, не знают ни экзогамии, ни того, что так часто ее сопровождает, а именно тотемизма, мы никогда не можем быть уверены, имеем ли мы дело в таком случае с подлинно примитивными или просто с дегенератами. Например, глава о формах социальной организации в книге профессора Хобхауса *"Мораль в эволюции"* начинается с рассказа о

системе, распространенной среди веддов в джунглях Цейлона, причем его описание основано на прекрасных наблюдениях братьев Сарасин. Совершенно верно, что некоторые из веддов представляют собой идеальный пример того, что иногда называют "естественной семьей". На участке площадью в несколько миль квадратных обитает небольшая группа семей, не более четырех или пяти, которые, по большей части, поодиночке или парами, бродят вокруг, охотясь, ловя рыбу, собирая мед и выкапывая дикий ямс; в то же время они вместе укрываются в неглубоких пещерах, где крыша, кусок кожи, чтобы лежать на ней - хотя это не обязательно - и, самая драгоценная роскошь из всех, огонь, представляют собой, помимо пищи, совокупность их удобств.

При таких обстоятельствах нет ничего удивительного в том, что отношения внутри группы должны быть очень тесными. Действительно, правильнее всего, чтобы дети брата и сестры женились, но, казалось бы, не дети двух братьев или двух сестер. И все же нет никакого приближения к распушенности, а, напротив, очень строгая моногамия, неверность столь же редка, сколь и глубоко возмутительна. То, что у них были какие-то кланы, действительно, было известно профессору Хобхаузу и авторитетам, которым он следует; но эти кланы были отброшены как имеющие лишь малейшую организацию и очень мало функций. Однако недавние исследования доктора и миссис Селигманн пролили совершенно новый свет на значение этой клановой системы. Теперь выясняется, что некоторые из веддов экзогамны, то есть обязаны по обычаю вступать в брак за пределами своего клана, а другие - нет. Возникает вопрос: что для веддов является более древней системой - женитьба вне клана или женитьба внутри клана? Видя, каким жалким пережитком являются ведды, я не могу не поверить, что перед нами случай ранее экзогамного народа, группы которого были вынуждены вступить в брак просто потому, что альтернативой было не вступать в брак вообще. Конечно, можно утверждать, что таким образом они просто вернулись к тому, что когда-то повсеместно было первобытным состоянием человека. Но в этот момент историческая наука сходит на нет, превращаясь в простое предположение.

С другой стороны, когда мы переходим к рассмотрению социальной организации таких экзогамных и тотемических народов, как аборигены Австралии, мы выходим на относительно твердую почву. Единственная проблема здесь заключается в том, что тема слишком обширна и сложна, чтобы можно было изложить ее одновременно кратко и просто. Возможно, самое полезное, что можно сделать для читателя за короткое время, - это предоставить ему несколько элементарных различий, применимых не только к австралийцам, но и в большей или меньшей степени к тотемическим обществам в целом. С их помощью он сможет самостоятельно разобраться с массой весьма интересных, но обескураживающих подробностей, касающихся социальной организации, которые можно найти в любом из ведущих авторитетных источников. Например, для Австралии он может обратиться к двум увлекательным работам господ Спенсера и Гиллена о центральных племенах или к не менее интересному тому Хауитта о туземцах юго-восточного региона; а для Северной Америки есть множество отличных монографий, которые можно выбрать из тех, что изданы Бюро этнологии Смитсоновского института. Если же он готов предоставить кому-то другому собирать для него материал, то лучше всего обратиться к монументальному трактату доктора Фрейзера *"Тотемизм и экзогамия"*, в котором собраны все известные факты по всему миру, рассмотренные регион за регионом.

Первое, что необходимо уяснить, - это то, что у народов этого типа социальная организация, прежде всего и на первый взгляд, идентична организации родства. Прежде чем продолжить, давайте разберемся, что такое родство. Отличим родство от кровосмешения.

Кровосмешение - это физический факт. Оно зависит от рождения и охватывает все реальные кровные связи человека, независимо от того, признаются они обществом или нет. Родство, с другой стороны, является социологическим фактом. Оно зависит от общепринятой системы подсчета происхождения. Таким образом, оно может исключать реальные отношения, и, напротив, включать чисто фиктивные, как, например, когда кому-то по закону разрешается усыновить ребенка как своего собственного. Итак, в цивилизованных условиях, хотя, как мы только что видели, существует такой институт, как усыновление, хотя, опять же, есть случай незаконнорожденного ребенка, который может претендовать на кровное родство, но никогда не может, по крайней мере, по английским законам, достичь родства, все же, в целом, мы едва ли осознаем разницу между подлинной кровной связью и социальным институтом, который более или менее близко смоделирован на ее основе. В первобытном обществе, однако, кровосмешение, как правило, шире, чем родство. Иными словами, при признании родства одна сторона семьи обычно остается за бортом. К родственникам человека относятся либо люди его матери, либо люди его отца, но не те и другие. Помните, что по закону экзогамии отец и мать являются чужими друг для друга. Таким образом, первобытное общество как бы выносит Соломонов приговор: раз уж они не готовы разделить ребенка пополам, то он должен принадлежать душой и телом либо одной стороне, либо другой.

Теперь мы можем более подробно проанализировать этот односторонний тип организации родства. Есть три элементарных принципа, которые в совокупности порождают его. Это экзогамия, родословная и тотемизм. Следует сказать несколько слов о каждом из них.

Экзогамия не представляет никаких трудностей, пока вы не попытаетесь объяснить ее происхождение. Она просто означает "женитьбу на себе", в отличие от "эндогамии", или "женитьбы на себе". Предположим, есть деревня, состоящая исключительно из Макинтайров и Макинташей, и предположим, что мода заставляет каждого Макинтайра жениться на Макинташе, а каждого Макинташа - на Макинтайре, в то время как жениться на чужачке, скажем, на Макбине, - дурной тон и для Макинтайров, и для Макинташей; тогда эти два клана будут экзогамными по отношению друг к другу, в то время как деревня в целом будет эндогамной.

Родословная - это принцип учета происхождения по одной или другой из двух линий - материнской или отцовской. Первый метод называется матрилинейным, второй - патрилинейным. Иногда, но далеко не всегда, при матрилинейном подсчете происхождений случается так, что жена остается со своим народом, а муж имеет статус простого гостя и пришельца. В таком случае брак называется матрилокальным, в противном случае - патрилокальным. И опять же, когда преобладает матрилокальный тип брака, как, впрочем, часто бывает и иначе, жена и ее народ, а не отец и его народ, осуществляют верховную власть над детьми. Это известно как матрилокальный, в отличие от патрилокального, тип семьи. Когда матрилинейные, матрилокальные и матрипотестальные условия встречаются вместе, мы имеем материнское право в его наиболее полном и сильном проявлении. Там, где мы имеем только два из трех или только первое само по себе, большинство авторитетов все равно говорят о материнском праве; хотя можно сомневаться, насколько слово "материнское право" или соответствующее, теперь почти отброшенное выражение "матриархат" можно безопасно использовать без дальнейших объяснений, поскольку оно имеет тенденцию

подразумевать право (в юридическом смысле) и власть, которая в этих обстоятельствах часто не более чем номинальна.

Тотемизм, в той специфической форме, которая связана с родством, означает, что социальная группа зависит от своей идентичности в определенном интимном и исключительном отношении, в котором она находится к животному роду, или растительному роду, или, реже, к классу неодушевленных предметов, или, очень редко, к чему-то индивидуальному, не являющемуся родом или классом вообще. Такой тотем, в первую очередь, обычно дает социальной группе название. (Бойскауты, которые называют себя лисами, пивитами и т. д. в соответствии с их различными патрулями, таким образом, вернулись к очень древнему использованию). Во-вторых, это имя имеет тенденцию быть внешним и видимым знаком внутренней и духовной благодати, которая, каким-то образом перетекая от тотема к тотемистам, освящает их общение. Они "единой плотью" друг с другом, как выражаются некоторые австралийцы, потому что они "единой плотью" с тотемом. Или, опять же, человек, чьим тотемом было солнце (*ngau*), сказал, что его зовут *ngau* и он "был" *ngau*; хотя он был готов сказать и по-другому, объяснив, что *ngau* "владел" им. Если мы хотим выразить суть вопроса всеобъемлюще и в то же время избежать формулировок, наводящих на мысль о более продвинутом мистицизме, мы можем, пожалуй, описать тотем как, с этой точки зрения, "удачу" тотемиста.

Однако в практике и верованиях более или менее религиозного толка, связанных с этой формой тотемизма, можно обнаружить значительные различия, хотя почти всегда они есть. Иногда тотем воспринимается как предок или как общий фонд жизни, из которого рождаются тотемисты и в который они возвращаются после смерти. Иногда тотем считается настоящим помощником в трудную минуту, как, например, когда кенгуру, прыгая особым образом, предупреждает человека-кенгуру о надвигающейся опасности. Иногда, с другой стороны, человек-кенгуру считает себя в основном помощником кенгуру, проводящим церемонии для того, чтобы кенгуру жирели и размножались. Кроме того, почти всегда тотемист проявляет уважение к своему тотему, воздерживаясь, например, от заклания и поедания тотемного животного, если только это не происходит каким-то особо торжественным и сакраментальным образом.

Из этих соображений следует, что если тотем - это, по сути, имя, то дикарь отвечает на вопрос "Что в имени?", находя в имени, которое делает его единым со своими братьями, множество мистических смыслов, углубляющих для него чувство социальной солидарности настолько, что для того, чтобы оценить его, требуются большие усилия с нашей стороны.

Рассмотрев по отдельности три принципа - экзогамию, родословную и тотемизм, - мы должны теперь попытаться понять, как они работают вместе. Обобщения в этих вопросах крайне рискованны, чтобы не сказать опрометчивы; тем не менее, следующие широкие утверждения могут послужить читателю в качестве рабочих гипотез, которые он сможет проверить самостоятельно, изучив факты. Во-первых, экзогамия и тотемизм, независимо от того, отличаются они по происхождению или нет, на практике имеют тенденцию довольно тесно сочетаться. Во-вторых, родословная, или односторонняя система учета происхождения, более или менее независима от двух других принципов[4].

[Сноска 4: То есть право матери или право отца в любой из их форм может существовать в сочетании с экзогамией и тотемизмом. Конечно, не факт, что везде, где тотемизм находится в состоянии расцвета, регулярно встречается право матери. Максимум, что можно сказать в пользу приоритета материнского права, это то, что если и происходят изменения, то неизменно от материнского права к отцовскому, и никогда наоборот].

Если вместо того, чтобы обратиться к имеющимся в распоряжении свидетельствам о мире дикарей, как он существует сегодня, вы прочтаете какую-нибудь книгу, переполненную теориями о происхождении общества, вы, вероятно, придете к впечатлению, что тотемическое общество - это исключительно дело кланов. В вашем сознании зародилось представление, подобное следующему. Вы представляете себе две небольшие пищевые группы, чьи соответствующие битвы находятся, скажем, по обе стороны реки. По какой-то неизвестной причине они тотемичны: одна группа называет себя Какаду, другая - Вороном, и каждая из них чувствует, что ее члены - "единая плоть" в каком-то таинственном и трогательном смысле. Опять же, по какой-то неизвестной причине каждая из групп экзогамна, так что брачные союзы обязательно заключаются за рекой. И наконец, у каждой из них есть полноценное материнское право. Девушки-какаду и девушки-вороны живут каждая на своей стороне реки, где их навещают партнеры с другого берега; независимо от того, стремятся ли они остаться и принести пользу или просто периодически проявляют внимание, они остаются чужаками с тотемической точки зрения, и к ним относятся как к таковым. Дети, тем временем, растут в помещениях Какаду и Ворона, соответственно, как маленькие Какаду или Ворон. Если их нужно наказать, шлепок наносит рука какаду, не обязательно матери, но, возможно, ее брата - никогда, однако, не отца. Когда они вырастают, то, к счастью и к худшему, они живут с людьми матери; дерутся, когда дерутся, пусть и против людей отца; участвуют в труде и добыче погони; наследуют оружие и любое другое имущество, передаваемое из поколения в поколение; и, наконец, участвуют в тотемических мистериях, которые раскрывают избранным внутренний смысл бытия какаду или ворона, в зависимости от обстоятельств.

Такая картина изначального клана и изначальной межклановой организации очень красива и легко укладывается в голове. А когда человек просто гадает о первых истоках вещей, есть смысл отталкиваться от какой-то абстрактной и простой концепции, которая впоследствии дорабатывается дополнениями и уточнениями, пока разработанная концепция не приблизится к сложности реальных фактов. Такие рассуждения вполне допустимы и даже необходимы. Однако, чтобы отдать справедливость фактам о тотемическом обществе, известным нам по реальным наблюдениям, остается отметить, что клан - далеко не единственная форма социальной организации, которую оно демонстрирует.

Клан, правда, матрилинейный или патрилинейный, имеет тенденцию на тотемическом уровне общества затмевать семью. Конечно, естественная семья, то есть более или менее постоянное объединение отца, матери и детей, всегда существует в той или иной форме и в той или иной степени. Но до тех пор, пока преобладает односторонний метод подсчета происхождения, подкрепленный тотемизмом, семья не может достичь достоинства официально признанного института. С другой стороны, тотемический клан, из всех формально признанных групп общества, к которым человек принадлежит в силу своего рождения и родства, является, так сказать, наиболее специфическим. Как выражается австралиец, он делает его тем, что он "есть". Его социальная сущность - быть какаду или вороном. Следовательно, его первейший долг - отношение к своему клану и его членам, людям и нелюдям. Везде, где есть кланы, и до тех пор, пока существует тотемизм, достойный этого названия, это, по-видимому, является общим законом.

Однако помимо конкретного единства, обеспечиваемого кланом, существуют более широкие и, так сказать, более общие единства, в которых рождается человек в тотемическом обществе сложного типа, встречающемся в реальном современном мире.

Во-первых, он принадлежит к фратрии. В Австралии племя - термин, который мы сейчас определим, - почти всегда делится на два экзогамных подразделения, которые принято

называть фратриями.[5] Затем, в некоторых австралийских племенах, фратрия подразделяется на две, а в других - на четыре части, между которыми экзогамия происходит по любопытной схеме "крест-накрест". Эти экзогамные подразделения, характерные для Австралии, известны как матримониальные классы. Доктор Фрейзер считает, что они являются результатом преднамеренной организации со стороны местных государственных деятелей; и, конечно, он прав в своем утверждении, что они выглядят искусственными и рукотворными. С другой стороны, система фратрий, независимо от того, разделяет ли она племя на два или, как иногда в Северной Америке и других странах, на более чем два первичных подразделения, под которыми кланы склонны группироваться более или менее упорядоченным образом, имеет все признаки естественного развития из клановой системы. Так, если вернуться к воображаемому случаю какаду и воронов, практикующих экзогамию за рекой, легко понять, как численность на обеих сторонах может увеличиться, пока, оставаясь какаду и воронами для целей пересечения реки, они не сочтут необходимым принять между собой подчиненные различия; такие, которые обязательно будут основаны на старом какаду-вороньем принципе отдельных тотемических значков. Но мы не должны углубляться в вопросы происхождения. Для нашей цели достаточно отметить тот факт, что внутри племени, как правило, существуют другие формы социальной группировки, в которые человек попадает с рождения, так же как и в клан.

[Сноска 5: От греческого слова, означающего "братство", которое применялось к очень похожему институту].

Теперь мы переходим к племени. Его можно назвать политической единицей. Его конституция, как правило, нечеткая, а функции расплывчаты. Один из способов понять его природу - думать о нем как о социальном союзе, внутри которого происходит экзогамия. Взаимодействующие группы естественным образом держатся вместе и, таким образом, являются эндогамными, в том смысле, что браки с чистыми чужаками запрещены обычаем. Более того, смешиваясь таким образом, они, вероятно, достигнут использования общего диалекта и общего названия, говоря о себе, например, как о "мужчинах" и объединяя все остальное человечество как "иностранцев". Однако действовать сообща, как, например, во время войны, чтобы отразить вторжение упомянутых иностранцев, нелегко без определенной организации. В Австралии, где войн очень мало, такая организация в основном отсутствует. С другой стороны, в Северной Америке, среди более развитых и воинственных племен, мы находим регулярных племенных офицеров и некоторое приближение к политической конституции. И все же в Австралии есть по крайней мере один случай, когда происходит своего рода собрание племени - а именно, когда проводится сложная церемония посвящения молодых людей.

Однако, судя по всему, эти церемонии чаще всего носят межплеменной, а не межродовой характер. Обычаи и верования на обширных территориях настолько схожи, что группы, у которых, казалось бы, нет ничего общего, собираются вместе и принимают участие в мероприятиях, которые чем-то напоминают панангликанский конгресс и Всемирную ярмарку, объединенные в одно целое. К этому неопределенному типу межплеменных объединений иногда применяют термин "нация". Только когда есть определенная организация, как в Австралии, и лишь изредка в Северной Америке, как среди ирокезов, мы можем осмелиться назвать ее настоящей "конфедерацией".

Несомненно, у читателя уже голова идет кругом, хотя я совершил бесконечное количество грехов упущения и, не сомневаюсь, совершения, чтобы упростить славную путаницу в теме социальной организации, преобладающей в том, что удобно, но свободно объединяется как тотемическое общество. Так, я не упомянул, что иногда тотемы, кажется, вообще не имеют

никакого отношения к социальной организации; как, например, среди знаменитых арунта из центральной Австралии, которых так тщательно описали господа Спенсер и Гиллен. Я снова воздержался от указания на то, что иногда встречаются экзогамные подразделения - некоторые называют их обществами, чтобы отличить от фратрий, - которые не имеют кланов, объединенных под ними, и, с другой стороны, сами имеют мало или вообще не имеют сходства с тотемическими кланами. Эти и многие другие исключительные случаи я просто обошел стороной.

Еще более серьезное упущение заключается в следующем. Я все время отождествлял социальную организацию с организацией родства - то есть с той, в которой человек рождается в силу брачных законов и системы отсчета происхождения. Но есть и другие второстепенные черты того, что можно классифицировать как социальную организацию, которые не имеют ничего общего с родством. Например, пол имеет прямое отношение к социальному статусу. Мужчины и женщины часто образуют заметно отличающиеся друг от друга группы, так что мы почти вспоминаем, как самцы и самки ландышей собираются в отдельные стаи, как только заканчивается сезон спаривания. Конечно, здесь сказывается различие в роде занятий. Но для местных жителей разница, очевидно, гораздо глубже. В некоторых районах Австралии существуют секс-тотемы, означающие, что каждый пол - это единая плоть, мистическая корпорация. И во всем дикарском мире существует ощущение, что женщина - это нечто сверхъестественное, нечто отдельное, и это ощущение, вероятно, является причиной большинства особых недостатков и особых привилегий, которые являются уделом женщины в настоящее время.

Возраст также оказывает значительное влияние на социальный статус. Это не просто случай, когда тебя причисляют к юношам, пока ты однажды не достигнешь совершеннолетия и не будешь зачислен в число мужчин. Градация по возрастам часто бывает самой продуманной, и каждая партия поднимается по социальной лестнице шаг за шагом. Как в университете каждый год общественное мнение определяет, что ему можно делать, а что нельзя, и впоследствии бакалавр, магистр и доктор становятся на ступень выше по академическому рангу; так и в мрачной Австралии, начиная с юности и до среднего возраста, мужчина обычно проходит постепенное посвящение в тайны жизни, сопровождающееся неуклонным расширением сферы его социальных обязанностей и прав.

Наконец, местность влияет на статус, причем все больше по мере того, как бродячая жизнь уступает место стабильному занятию. Среди нескольких сотен людей, которые никогда не теряют связи друг с другом, формы натальной ассоциации сохраняют свои позиции в сравнении с теми, которые может предложить на их место местная ассоциация. Таким образом, согласно натальной группировке в широком смысле, включающей пол и возраст не меньше, чем родство, члены племени разбивают лагерь, сражаются, совершают магические обряды, играют в игры, проходят инициацию, женятся и хоронят. Но пусть племя увеличится в численности и распространится на значительной территории, на которой связь затруднена и пропорционально редка. Мгновенно местная группа стремится стать "всем на свете". Власть и инициатива всегда должны принадлежать людям на месте; и старые родовые комбинации, ослабленные неизбежным абсентеизмом, в конце концов перестают представлять собой истинную основу социального порядка. Они, конечно, продолжают существовать в виде подчиненных институтов. Например, тотемические группы перестают иметь прямое отношение к брачной системе и, благодаря связанным с ними церемониям, превращаются в так называемые тайные общества. Или, опять же, клан постепенно вытесняется семьей, так что родство с его правами и обязанностями становится практически ограниченным ближайшими кровными родственниками; к которым, более того, начинают

относиться в практических целях как к родственникам, даже если они находятся на той стороне семьи, которую родство официально не признает. Таким образом, формы нательной ассоциации больше не являются основой политического тела. Их общественное значение утрачено. Отныне социальной единицей становится локальная группа. Территориальный принцип все больше и больше определяет родственные связи и функции. Родство свергло себя с трона своим успехом. Благодаря организующей силе родства первобытное общество разрасталось и, разрастаясь, растягивало родовые узы до тех пор, пока они не разорвались. Некоторые отношения становятся далекими в локальном и территориальном смысле, и с этого момента они перестают считаться. Мой долг перед родственниками переходит в мой долг перед соседями.

Пространственные соображения не позволяют исследовать дальнейшие изменения, которым подвергается социальная организация под влиянием локальности. Возможно, настаивать на них здесь не так уж и важно, поскольку, в то время как тотемическое общество - это вещь, которую нам, цивилизованным людям, очень трудно понять, мы все имеем непосредственное представление о значении территориального устройства; поскольку, начиная с деревенской общины и заканчивая современным государством, везде сохраняется один и тот же фундаментальный тип социальной структуры.

Однако, помимо территориальной привязки, существует второй принцип, который в значительной степени помогает формировать социальный порядок, как только общество достаточно продвинулось в своих искусствах и промышленности, чтобы пустить прочные корни, так сказать, на поверхности земли. Это принцип частной собственности, и особенно частной собственности на землю. Наиболее фундаментальное классовое различие - это различие между богатыми и бедными. В сообществах, где существует рабство, классовые различия между свободными и рабами, на первый взгляд, не являются строго параллельными, поскольку между знатными и рабами может существовать класс бедных свободных; но очевидно, что и в этом случае частная собственность действительно ответственна за способ градации. Или же иногда может показаться, что социальное положение зависит в первую очередь от профессиональной деятельности, примером чему может служить индийская кастовая система. Поскольку, однако, самые почетные профессии в долгосрочной перспективе совпадают с теми, которые лучше всего оплачиваются, мы снова возвращаемся к частной собственности как конечному источнику социального ранга в рамках экономической системы более развитого типа.

В этом кратком очерке невозможно было сделать больше, чем намекнуть, как социальная организация соотносится с численностью, которая, в свою очередь, соотносится с мастерством, с которым ведется добыча пищи. Но если до определенного момента верно, что структура общества зависит от его массы более или менее физическим способом, следует помнить о другом аспекте этого вопроса, на который мы также намекали по мере нашего продвижения вперед. В создании социального порядка участвовало много интеллекта. Если социальная организация отчасти является естественным результатом роста населения, то отчасти, в лучшем смысле этого слова, она также является искусственным творением человеческого разума, который прилагал все усилия, чтобы придумать способы

объединения людей в группы, позволяющие им работать вместе во все более и более крупных целых.

Однако при чисто внешнем рассмотрении, которое предполагает изучение его структуры, общество предстает как машина, то есть как работа разума, но не как инстинкт разума. Далее мы приведем социальную машину в движение. Тогда у нас будет больше шансов получить внутреннее представление о движущей силе. Мы обнаружим, что должны отказаться от представления о том, что общество - это машина. Оно даже больше, чем организм. Это сообщество душ - душ, которые, как множество независимых, но взаимозависимых проявлений жизненной силы, устремляются вперед в поисках индивидуальности и свободы.

ГЛАВА VII

ЗАКОН

Общий план этой небольшой книги состоит в том, чтобы начать с влияний, определяющих судьбу человека в физическом, внешнем, необходимом смысле, и постепенно продвигаться к духовным, внутренним, добровольным факторам человеческой природы - этому странному "соединению глины и пламени", - и представляется целесообразным рассмотреть закон до религии, а религию до морали, будь то в ее коллективном или индивидуальном аспекте, по следующей причине. В законе можно обнаружить больше чистого принуждения, чем в религии, в то время как религия, в историческом смысле, который отождествляет ее с организованным культом, является более принудительной в своем способе регулирования жизни, чем моральный разум, который принуждает силой убеждения.

Для того, кто живет в цивилизованных условиях, фраза "сильная рука закона" неизбежно наводит на мысль о полицейском. Без полицейских, мировых судей и солдат, которых в крайнем случае приходится призывать к исполнению постановлений общества, казалось бы, закон не может существовать. И, конечно, трудно признать, что то, что известно как закон толпы, вообще является законом. Однако для исторических целей мы должны быть готовы использовать выражение "закон" довольно широко. Мы должны быть готовы сказать, что закон есть везде, где есть наказание со стороны человеческого общества, действующего как в массе, так и через своих представителей. Наказание означает причинение боли тому, кто, как считается, нарушил социальное правило. И наоборот, закон - это любое социальное правило, за нарушение которого по обычаю полагается наказание. До тех пор, пока признается, что человек нарушает социальное правило, рискуя испытать боль, и что дело

каждого или кого-то, вооруженного общей властью, сделать этот риск реальностью для нарушителя, существует закон в том значении, в каком он существует для антропологии.

Наказание, однако, по самой своей природе является исключительной мерой. Закон и наказание возможны только потому, что большинство довольствуется соблюдением социальных правил. Если же каждый человек привычно подчиняется социальным правилам, закон перестает существовать, поскольку в нем нет необходимости. Итак, одна из причин, по которой в первобытном обществе трудно найти закон, заключается в том, что, общем смысле, никто не мечтает нарушить социальные правила.

Обычай - король, а то и тиран, в первобытном обществе. Когда капитан Кук спросил вождей Таити, почему они едят отдельно и в одиночестве, те просто ответили: "Потому что это правильно". И так всегда происходит с более грубыми народами. "Таков обычай, и на этом все заканчивается" - таково их представление о достаточной причине как в политике, так и в этике. На этом пути лежит жесткий консерватизм. В главе о морали мы попытаемся раскрыть ее внутренние источники, ее психологические условия. Пока же мы можем довольствоваться тем, что рассматриваем обычай извне, как социальную привычку сохранять все традиционные обычаи ради них самих и независимо от последствий. Конечно, изменения неизбежны, и они происходят. Но они не должны происходить. Теоретически социальные правила первобытного общества подобны "закону Медян и Персов, который не изменяет".

Это абсолютное уважение к обычаям имеет свои положительные и отрицательные стороны. С одной стороны, оно обеспечивает элемент дисциплины, без которого любое общество вскоре развалится на куски. Мы склонны думать о дикаре как о причудливом существе, которое может быть разным: в один момент - другом, в другой - извергом. Он мог бы быть таким, если бы не социальные правила, навязанные его обычаями. Таким он будет, если вы уничтожите его обычаи и будете ожидать, что он, тем не менее, будет вести себя как образованное и разумное существо. Итак, если взять первобытное общество в здоровом и незагрязненном состоянии, то неизменно окажется, что его члены в среднем более законопослушны, если судить с точки зрения их собственного закона, чем в любом цивилизованном государстве.

Но теперь мы подошли к плохой стороне обычаев. Его консервирующее влияние распространяется на все традиционные обычаи, какими бы неразумными или извращенными они ни были. В этот янтарь можно заключить любую муху. Отсюда и причуды дикарских обычаев. В книге *"Первобытная культура"* доктор Тайлор рассказывает хорошую историю о даяках Борнео. Способ белого человека рубить дерево, делая V-образные надрезы, не соответствовал обычаям даяков. Поэтому любой даяк, пойманный за подражанием европейской моде, наказывался штрафом. И все же они настолько хорошо понимали, что этот метод является улучшением их собственного, что, когда они могли доверять друг другу и не рассказывать, они тайком использовали его. Эти же даяки, можно добавить, что, по словам мистера А.Р. Уоллеса, лучшего из наблюдателей, "являются одними из самых приятных дикарей". Они добродушны, мягки и ни в коем случае не кровожадны в обычных жизненных отношениях. Тем не менее, хорошо известно, что они пристрастились к ужасной практике охоты за головами. "Это был обычай, - объясняет мистер Уоллес, - и как обычай он соблюдался, но он не подразумевал какого-то необычайного варварства или морального проступка".

Итак, недостаток царствования чистого обычая заключается в следующем: Бессмысленные предписания, поскольку ценность традиционного обычая зависит не от его последствий, а просто от того, что это обычай; и этого элемента иррациональности достаточно, чтобы

озадачить, вплоть до полного смятения, ум, способный подняться над рутинной и задуматься об истинных целях и задачах социальной жизни. Как прорваться сквозь "пирог обычаев", как называл это Бейджхот, - самый трудный урок, который когда-либо приходилось усваивать человечеству. Обычаи часто разрушались в результате столкновения различных обществ; но в этом случае они просто выкристаллизовывались в новые формы. Но разрушить обычаи силой размышлений и тем самым сделать возможным рациональный прогресс - это интеллектуальный подвиг одного народа, древних греков; и, по крайней мере, весьма сомнительно, что без их руководства прогрессивная цивилизация существовала бы до сих пор.

Можно добавить в скобках, что обычаи могут существовать бесконечно долго, утратив по тем или иным причинам свое место среди жизненно важных интересов общества. Они безвредны или, во всяком случае, кажутся таковыми; их функция исчерпана. Поэтому, хотя, возможно, более скромные люди все еще относятся к ним более или менее серьезно, лидеры общества не стараются их подавить. Да и не всегда им легко это сделать. В каждом из нас таится что-то от первобытного человека, и эти "пережитки", как их называют антропологи, часто в значительной степени соответствуют импульсам, которые ни в коем случае не умерли в нас, а скорее спят, и поэтому могут быть вновь пробуждены, если окружающая среда предоставит соответствующий стимул. Свидетельство тому - выжившие, особенно когда в вихре социальных перемен на первый план выходят временно невоспитанные люди, имеют свойство расцветать, превращаясь в возрождение; и в результате государство может подвергнуться чему-то, эквивалентному операции по удалению аппендикса. Изучение так называемых выживших, таким образом, является важнейшей отраслью антропологии, которая, к сожалению, в этом поспешном очерке не может получить должного внимания. Казалось бы, она совпадает с центральным интересом того, что известно как фольклор. Фольклор, однако, имеет тенденцию к расширению, пока не становится почти неотличимым от общей антропологии. На это есть как минимум две причины. Во-первых, сохранившиеся обычаи среди развитых народов, таких как древние греки или современные британцы, следует интерпретировать в основном в сравнении с аналогичными институтами, все еще процветающими среди более грубых народов. Во-вторых, сами эти более грубые народы, без исключения, тоже имеют свои пережитки. Их обычаи делятся как бы на два слоя. Сверху - живая часть костра. Под ним - тлеющий пепел, который, хотя и угасает в целом, все же способен то тут, то там разгореться вновь.

Вот вам и обычай как нечто, на первый взгляд, отличное от закона, поскольку он, как кажется, не предполагает наказания. Остается, однако, отметить, что за обычаем скрывается грубая сила в виде того, что Бейджхот называл "преследующей тенденцией". Как в школе мальчик, случайно нарушивший неписаный кодекс, становится обузой для остальных товарищей, так и в первобытном обществе страх грубого обращения заставляет "я не должен" ждать "я не смею". Достаточно прочитать поучительную историю мистера Эндрю Лэнга о судьбе первого радикала "Why Why", чтобы понять, что среди дикарей - а так ли уж сильно мы отличаемся от них - гораздо выгоднее быть уважаемым, чем играть роль морального героя.

Давайте перейдем к рассмотрению зарождения карательного права. В конце концов, даже под властью обычаев возможны случайные вспышки. Страсти кого-то окажутся слишком сильными для него, и произойдет несчастный случай. Что же происходит в первобытном обществе? Давайте сначала рассмотрим одно из самых неорганизованных сообществ, находящихся в самом низу эволюционной шкалы; например, маленьких негритосов Андаманских островов. Их правосудие, объясняет мистер Мэн в своем превосходном рассказе об этих людях, осуществляется простым методом, позволяющим пострадавшей стороне взять закон в свои руки. Обычно он делает это, бросая в обидчика горящую палку или выпуская в него стрелу, хотя чаще всего рядом с ним. Тем временем все остальные, кто может присутствовать при этом, как правило, поспешно отступают, унося с собой столько имущества, сколько позволяет спешка, и скрываются в джунглях до тех пор, пока не пройдет достаточно времени, чтобы ссора утихла. Иногда, однако, друзья вмешиваются и пытаются лишить спорщиков их оружия. Однако если один из них убьет другого, остальные ничего не скажут и не сделают ему. Однако совесть делает всех нас трусами, поэтому убийца, руководствуясь благоразумными соображениями, нередко уходит до тех пор, пока не убедится, что негодование друзей жертвы достаточно утихло.

Здесь мы видим, что отсутствие социальной структуры и отсутствие закона идут вместе как причина и следствие. Друзей", о которых мы слышим, необходимо организовать в полицию. Если мы теперь обратимся к тотемическому обществу с его развитой клановой системой, то это будет совсем другая история. Кровная месть занимает одно из первых мест среди социальных обязательств клана. Во всем мире она сама по себе выделяется как тип всего того, что закон значит для дикаря. Внутри клана, правда, не действует принцип "кровь за кровь", хотя тотемиты могут применять и другой вид карательного закона против провинившегося брата, как, например, если они убивают одного из своих сородичей за пренебрежение экзогамным правилом и связь с женщиной, которая составляет с ним единую плоть. Но между кланами одного племени система кровной мести требует строгой расправы, в соответствии с принципом, согласно которому кто-то с другой стороны, хотя и не обязательно убийца, должен умереть. Это известно как принцип коллективной ответственности; и одна из самых интересных проблем, связанных с эволюцией раннего права, заключается в том, чтобы выяснить, как индивидуальная ответственность постепенно развивается из коллективной, пока, наконец, как каждый человек делает, так он и страдает.

Коллективный способ улаживать свои обиды вполне естественен, когда люди объединяются в группы, связанные самыми тесными сентиментальными узами, но, с другой стороны, нет центрального и беспристрастного органа, который мог бы вынести решение между сторонами. Один из членов нашей команды был убит одним из членов вашей команды. Поэтому происходит драка. Конечно, мы хотели бы добраться до того, кто нам нужен, если бы это было возможно; но, если это не удастся, мы убьем кого-нибудь в ответ, чтобы преподать урок вашей команде. Однако сравнительно рано до сознания дикаря доходит, что существуют степени ответственности. Например, кто-то должен собрать отряд мстителей и возглавить его. Как правило, это будет настоящий кровный родственник, сын, отец или брат. Таким образом, он становится чемпионом, в то время как остальные оказываются в положении простых секундантов. Соответственно, другая сторона будет стремиться выдвинуть фактического преступника на пост контрчемпиона. Есть прямые доказательства того, что среди австралийцев, эскимосов и так далее целые группы в свое время сходились в бою, но позже их представляли избранные люди, в лице тех, кто был главным в этом деле. Так мы пришли к дуэли. Этот переход можно увидеть на сайте в таком обычае, как обычай чернокожих феллахов Порт-Линкольна. Брат убитого должен был вступить в бой с убийцей; но любой человек с той или иной стороны, желающий присоединиться к поединку, имел на

это полное право. Таким образом, это всего лишь шаг к официальной дуэли, как, например, у апачей Северной Америки.

Теперь легальная дуэль - это шаг вперед по сравнению с коллективной медвежьей дракой, хотя бы потому, что она наводит на мысль о том, что индивидуальный виновник преступления должен будет за него ответить. Кранц, большой авторитет в области эскимосов Гренландии, наивно замечает, что гренландец не смеет убить или как-то иначе обидеть другого, поскольку это может стоить ему жизни его лучшего друга. Если бы гренландец знал, что это, возможно, будет стоить ему собственной жизни, его чувство ответственности, как мы можем предположить, могло бы быть несколько обострено. С другой стороны, дуэль не является удовлетворительным способом восстановления равновесия, поскольку она просто дает возможность могущественному забияке добавить второе убийство к первому. Таким образом, это испытание знаменует собой прогресс в правовой эволюции. Многие австралийские народы, например, дошли до того, что требуют, чтобы убийца подвергся осыпанию копьями или бумерангами со стороны обиженной группы, при взаимном понимании, что кровная месть на этом заканчивается.

Однако, к счастью для убийцы, часто требуется время, чтобы привлечь его к ответственности, а злобные страсти тем временем утихают. Более грубые дикари не так кровожадны, как нам кажется. Война развивалась, как и все остальное, и вместе с ней развивался человек, которому нравится сражаться ради самого себя. Поэтому вместо жизни за жизнь компенсация - "умиротворение", как ее технически называют, - признается разумным *quid pro quo*. Постоянно мы видим, что обычай находится на полпути. Если убийца пойман вскоре, его убивают; если же он может отсрочить день правосудия, то избегает штрафа. Когда развивается частная собственность, система кровавых штрафов становится наиболее изощренной. У ирокезов убийца должен искупить свою вину не менее чем шестьюдесятью подарками пострадавшим родственникам: один - чтобы вытащить топор из раны, второй - чтобы стереть кровь, третий - чтобы восстановить мир на земле, и так далее. В соответствии с принципом коллективности, сородичи, с одной стороны, разделяют цену искупления, а с другой - должны обложить себя налогом, чтобы возместить ее. Доли распределяются по шкале, пропорциональной степени родства. Или, опять же, требуются дальнейшие красивые расчеты, если нужно привести валовую сумму платежа в соответствие со степенью вины. Поэтому неудивительно, что, когда более или менее варварского народа, такого как англосаксы, возникла необходимость в писаном законе, он почти полностью был занят предписаниями о штрафах за кровь, которые стали слишком сложными, чтобы люди могли держать их в голове.

До сих пор мы рассматривали закон о кровной мести как дело исключительно клановых отношений; остальная часть племенной публики держалась в стороне, в стиле андаманцев, которые удаляются в джунгли, когда возникает перспектива ссоры. Но с развитием центральной власти, будь то в форме правления многих или одного, общественный контроль над кровной местью начинает утверждаться; по той же причине, что бесконечная вендетта - это разрушающая сила, которую более крупный и стабильный тип общества не может позволить себе терпеть, если хочет выжить. Ниже приведено несколько примеров, иллюстрирующих переход от частной юрисдикции к государственной. В Северной Америке, Африке и других странах вождь или вожди выносят приговор, а клан или семья оставляют его исполнять по мере своих сил. Опять же, родственникам может быть доверена функция наказания, но они обязаны исполнять ее в порядке, предписанном властями; как, например, в Абиссинии, где ближайший родственник казнит убийцу в присутствии короля, используя точно такое же оружие, каким было совершено убийство. Или же право родственников

наказывать сводится к простой форме. Так, в Афганистане старейшины демонстративно передают преступника его обвинителям, которые, однако, должны строго выполнять пожелания собрания; в то время как на Самоа преступника связывают и кладут перед семьей "как бы в знак того, что он находится в их милости", а все остальное делает вождь. Наконец, государство в лице своих должностных лиц одновременно выносит приговор и приводит его в исполнение.

Когда государство представлено одним правителем, преступление становится преступлением против "мира короля" - или, говоря языком римского права, против его "величества". Отныне покладистой системе отделаться штрафом приходит конец, а убийство карается со всей строгостью. В таком государстве, как Дагомея, в старые времена независимости, возможно, и было немало варварства в отправлении правосудия, но, во всяком случае, человеческая жизнь была защищена законом не менее эффективно, чем, скажем, в средневековой Европе.

Эволюция наказания за убийство представляет собой типичный пример развития правовой санкции в первобытном обществе. Однако другие формы насильственного пресечения правонарушений заслуживают более или менее беглого упоминания.

Даже среди самых грубых народов прелюбодеяние считается проступком, который лишь на градус менее тяжким, чем непредумышленное убийство; тем более что непредумышленное убийство - обычное следствие этого, а ссоры из-за женщин - один из главных источников бед в мире дикарей. За одним интересным исключением, этапы развития закона против прелюбодеяния точно такие же, как и в уже рассмотренном случае. Целые кланы ссорятся из-за этого. Затем на смену приходит дуэль. Затем дуэль уступает место испытанию. Затем, после того как наказание долго колебалось между смертью и штрафом, штраф становится правилом до тех пор, пока родственникам позволено уладить дело. Если же в преступлении разбирается община, то применяются более суровые меры. Единственное заметное различие в этих двух событиях заключается в следующем. Если убийство - это преступление против "величия" вождя и, соответственно, уголовное преступление, то прелюбодеяние, как и воровство, с которым первобытное право склонно ассоциировать его как преступление против собственности, как правило, остается чисто гражданским делом. Кафирское право, например, согласно Маклину, проводит это различие очень четко.

Остается добавить в отношении прелюбодеяния, что до сих пор мы рассматривали только наказание, которое постигает виновного мужчину. Судьба виновной женщины - это вопрос, относящийся к отдельному отделу первобытного права. Семейная юрисдикция, как мы видим, например, в таком развитом сообществе, как Древний Рим, означала право *pater familias*, главы дома, подчинять свою *familia*, или семью, в которую входили жена, дети (до определенного возраста) и рабы, такой домашней дисциплине, какую он считал нужной. Такая семейная юрисдикция была более или менее полностью независима от государственной юрисдикции и, по сути, оставалась таковой в Европе вплоть до сравнительно недавних времен.

Какой свет, таким образом, изучение первобытного общества бросает на первые зачатки семейного права, управляемого отцом-домохозяином? Чтобы ответить на этот вопрос

адекватно, пришлось бы написать много страниц об эволюции семьи. Для нашей цели все зависит от различия между матрипотентной и патрипотентной семьей. Если оставить мужчину и женщину наедине, то последняя, несмотря на "строптивую санкцию", которой она владеет на своем языке, неизбежно должна склониться к принципу "могущество - право". Но пока брак является матрилокальным, то есть позволяет жене оставаться дома среди мужчин-защитников своего клана, она может спокойно властвовать над своим чужим мужем; и вряд ли с ее стороны может быть прелюбодеяние, поскольку она всегда может получить развод, просто сказав: "Уходи!". Ситуация усложняется, когда жена живет среди людей своего мужа, и, тем не менее, система подсчета родословных благоприятствует ее стороне семьи, а не его. Означает ли сам факт матрилинейного происхождения, что родственники матери проявляют к ней более активный интерес и эффективнее защищают ее от обид, незаслуженных или заслуженных? Решить эту проблему непросто. Однако д-р Штейнметц в своей важной работе *"Эволюция наказания"* (на немецком языке) стремится показать, что при материнском праве во всех его формах, вместе взятых, прелюбодейка чаще избегает легкого наказания или вообще его не получает, чем при отцовском праве. Какова бы ни была ценность используемого им статистического метода, он, во всяком случае, показывает, что при первой системе смертная казнь назначается лишь в трети случаев, а при второй - примерно в половине.

Мы должны довольствоваться простым взглядом на другие виды правонарушений, которые, рано или поздно признанные законом сообщества, затрагивают его членов в их индивидуальном качестве. Воровство и клевета - вот примеры.

Среди более грубых дикарей не может быть много воровства, потому что красть практически нечего. Тем не менее, группы склонны ссориться из-за претензий на охоту и рыбалку, а раздел добычи может привести к спорам, требующим вмешательства ведущих мужчин. Среди австралийцев мы даже иногда встречаем формальную дуэль, применяемую для решения дел о нарушении прав собственности. Однако только после того, как искусство жизни продвинулось вперед, а богатство создало два класса - "имущих" и "неимущих", - кража становится преступлением первой величины, которое центральная власть карает с соответствующей строгостью.

Что касается клеветы, то, хотя она может показаться незначительной, следует помнить, что дикарь не может ни на минуту противостоять неблагоприятному общественному мнению; поэтому лишить его доброго имени - значит лишить его всего, что делает жизнь достойной. Кричать: "Длинный нос! В андаманских кругах, как сообщает нам мистер Мэн, кричать "длинноносый!" или "косолапый!" обычно приводит к драке. Не способствует миру в австралийском обществе и следующая песня о силе товарища по племени, временно одолеваемого европейским спиртным: "Дух, как эму, как вихрь, гонится за моим дядей-путешественником (это особенно насмешливо) - усталый от усталости, он падает беспомощный". Поэтому среди более развитых народов клевета и оскорбления жестко пресекаются. В кафирском праве они являются основанием для гражданского иска; мы даже слышали об одном африканском племени, Ба-Нгиндо, которое радуется особому институту миротворца, чье дело - улаживать неприятности, возникающие из этого досадного источника.

Теперь перейдем к другому классу преступлений, которые с самого начала считаются настолько пагубными для общественных интересов, что общество в целом должно принудительно пресекать их.

К ним относятся случаи, которые можно назвать нарушениями военной дисциплины. Даже когда функции командира еще не развиты, а война все еще остается "делом вооруженных толп", халтура - форма преступления, которая, справедливости ради, в первобытном обществе встречается редко - быстро и эффективно пресекается хозяином. В американских племенах у труса отбирают оружие; его заставляют есть с собаками; или, возможно, ливень стрел заставляет его "бежать в перчатках". Предатель, с другой стороны, неизбежно убит без пощады - привязан к дереву и застрелен, или, может быть, буквально разрублен на части. Естественно, с развитием войны эти спонтанные вспышки гнева и отвращения уступают место более формальной системе наказаний. Однако, чтобы полностью проследить это развитие, пришлось бы долго рассказывать о становлении царской власти в одном из ее важнейших аспектов. Если постоянные сражения превращают племя в нечто вроде постоянной армии, то должность военного вождя, как, например, у зулусов, неизбежно становится постоянной и всеохватывающей. Однако в истории королевской власти есть и другая сторона, которую помогут прояснить следующие соображения.

Общественная безопасность понимается более грубым типом человека не столько с точки зрения свободы от физической опасности - если только такая опасность, например, наступление другого племени, действительно неминуема, - сколько с точки зрения свободы от духовной, или мистической, опасности. Иными словами, страх перед несчастьем - это богиня, которая преследует его днем и ночью. Поэтому его жизнь, по выражению доктора Фрейзера, вплетена в сеть табу. Табу - это то, чего нельзя делать, чтобы не случилось несчастья. А несчастье можно подхватить, как инфекционное заболевание. Если мой сосед нарушит табу, и навлечет на себя несчастье, то, будьте уверены, некоторые из его неприятных последствий передадутся мне и моим близким. Поэтому, если кто-то совершил поступок, который является не просто преступлением, но и грехом, каждый обязан уничтожить этот грех, что обычно и делается путем уничтожения грешника. Чувства мафии всегда склонны к насилию. В толпе, как сказал один французский психолог, идеи нейтрализуют друг друга, но эмоции усиливают друг друга. Чувство войны - это опыт толпы, который, смею предположить, некоторые из моих читателей пробовали на вкус; и мы видели, как оно приводит неорганизованные отряды дикого племени к тому, что трусы и предатели быстро расправляются с ними. Но военная лихорадка - это мягкая разновидность толпы по сравнению с паникой в любой форме, а с суеверной паникой - тем более. Нападение в темноте заставляет самых сильных терять голову.

Поэтому нетрудно понять, как получилось, что нарушитель табу стал главным объектом общинной мести в первобытном обществе. Наиболее ярким примером такого нарушителя табу является мужчина или женщина, которые пренебрегают запретом на брак внутри рода - другими словами, нарушают закон экзогамии. Если вы виновны в инцесте, это значит вызвать в обществе ужас, который, выливаясь в то, что Багхот называет "диким спазмом дикого правосудия", влечет за собой верную смерть для преступника. Вмешательство в могилу, проникновение в запретные тайны, употребление запретного мяса и так далее - вот другие примеры проступков, за которые полагается такое наказание.

Под эту же общую категорию греха, хотя и отличную от нарушения табу, подпадает и колдовство. Оно заключается в торговле или, во всяком случае, в предполагаемой торговле с силами зла в зловещих и антисоциальных целях. Достаточно вспомнить, как Англия в XVII веке доводила себя до бешенства по этому поводу, чтобы понять, что в африканском обществе даже лучшего сорта "вынюхивание" и уничтожение ведьмы может легко стать общей панацеей для успокоения общественных нервов.

Когда преступления и грехи, дела государства и дела церкви таким образом пересекаются и смешиваются в примитивной юриспруденции, неудивительно, что функции тех, кто управляет законом, должны иметь тенденцию к аналогичному слиянию аспектов. Вождь, или король, обладает "божественным правом" и сам является в том или ином смысле божественным, даже если он играет ведущую роль в решении всех тех вопросов, которые в первую очередь являются светскими. Самые ранние письменные кодексы, такие как Моисеевы Книги Закона, с их странной мешаниной предписаний, касающихся вещей профанных и священных, точно отражают политико-религиозный характер всех первобытных властей.

В самом деле, только благодаря попытке абстрагироваться данная глава была ограничена предметом права, в отличие от предмета следующей главы, а именно религии. Любое преступление, например, убийство или даже при определенных обстоятельствах кража, рассматривается более грубыми народами либо как нарушение табу, либо как тесно связанная с ним форма греха. В пределах клана законное наказание едва ли возможно в теории; священность кровных уз придает любому наказанию, которое может быть наложено на провинившегося родственника, чисто религиозный оттенок жертвоприношения, акта отлучения, покаяния или чего-либо еще. Таким образом, почти незаметно мы переходим к теме религии от изучения правовой санкции; сам термин "санкция", заимствованный из римского права, указывает в том же направлении, поскольку первоначально он обозначал проклятие, которое прилагалось для обеспечения нерушимости правового акта.

ГЛАВА VIII

РЕЛИГИЯ

"Как может существовать история религий?" - возразил однажды один французский сенатор. "Ведь либо человек верит в религию, и тогда все в ней кажется естественным; либо он не верит в нее, и тогда все в ней кажется абсурдным!"

Это было сказано около тридцати лет назад, когда речь шла об основании знаменитой ныне кафедры всеобщей истории религий в Коллеж де Франс. В то время такие кафедры были почти неслышанны. Сегодня же в самых значительных университетах мира, если считать только их, можно насчитать не менее тридцати.

Каково значение этой перемены? Это означает, что приходской взгляд на религию устарел. Религиозный человек должен быть человеком мира, человеком широкого мира,

антропологом. Он должен признать, что "душа истины" есть и в других религиях, помимо его собственной.

Мне возразят - и я полностью осознаю силу этого возражения, - что история, а значит, и антропология, не имеет ничего общего с истиной или ложью, одним словом, с ценностью. В строгой теории это так. Ее дело - описывать и обобщать факты; а религия от начала до конца может быть чистой иллюзией или даже заблуждением, и от этого она не перестает быть фактом.

В то же время, будучи людьми, нам всем трудно, а то и невозможно, изучать человечество беспристрастно. Когда мы говорим, что будем играть в историка или антрополога и отложим на время все размышления о морали истории, которую хотим рассказать, мы просто обязуемся быть настолько справедливыми, насколько это возможно. Однако, волей-неволей, мы обязательно окрасим нашу историю, во всяком случае, до такой степени, что будем смотреть на прошлые достижения человека с надеждой или мрачно, как на его нынешнее состояние и будущие перспективы.

Таким же образом, я не верю, что мы можем не думать постоянно, прослеживая историю мировой религии, либо о том, что в ней вообще "ничего нет", либо о том, что в ней "что-то есть", какую бы форму она ни принимала и считала ли она себя явленной (как это почти всегда бывает) или нет. При последней оценке религии, однако, все еще вполне возможно судить, что одна форма религии бесконечно выше и лучше другой. Религия, рассматриваемая исторически, находится в эволюции. Лучшая форма религии, которой мы можем достичь, неизбежно будет для нас лучшей; но, поскольку ей предшествовала худшая форма, за ней может последовать лучшая, которую мы должны допускать и даже желать. Откровенно говоря, я отношусь к тем, кто более благосклонно смотрит на историческую религию; и я сразу говорю об этом, если вдруг моя интерпретация фактов окажется окрашенной этим сангвиническим предположением.

Более того, я думаю, что мы можем легко преувеличить различия в культуре и, особенно, в религиозном понимании, которые существуют между более грубыми народами и нами. Учитывая нашу общую надежду и нашу общую нехватку знаний, я бы скорее отождествил религию с общим стремлением человечества, чем с исключительными притязаниями какого-то одного народа или секты. Кто знает, например, окончательную истину о том, что происходит с душой после смерти? Я вполне готов признать, что некоторые из нас могут видеть чуть дальше кирпичной стены, чем, скажем, неандертальский человек. И все же, когда я нахожу факты, доказывающие, что неандерталец с церемонией хоронил своих мертвецов и в меру своих возможностей готовил их к будущей жизни, я открыто признаюсь, что скорее протяну руку через века и поприветствую его как своего брата и собрата по паломничеству, чем брошу свой жребий вместе с самодовольными, которые, похоже, считают, что этот и следующий мир были созданы исключительно для их блага.

Проблема антропологов заключается в том, чтобы найти рабочее определение религии, с которым они могли бы согласиться. Христианство - это религия, все должны признать. Опять же, магометанство - это религия, для всех антропологических целей. Но когда голый дикарь "танцует" своего бога - когда речевая часть обряда заключается, как у юго-восточных австралийцев, в выкрикивании "Дарамулун! Дарамулун!" (имя бога), так что мы не можем с уверенностью сказать, предаются ли танцоры молитве или заклинанию, - разве это религия? Или, что еще хуже, предположим, что за представлением, состоящим, скажем, как у центральных австралийцев, в торжественном потирании живота бычьим острием, чтобы его мистические свойства заставили человека стать "хорошим", "радостным" и "сильным" (так он

сам описывает духовные эффекты), нельзя обнаружить никакого личного бога - разве это религия в любом смысле, который может связать ее исторически, скажем, с христианским типом религии?

Нет, говорят некоторые, эти низменные отношения с невидимым - магия, а не религия. Грубые люди, о которых идет речь, не идут правильным путем к установлению контакта с невидимым. Они пытаются давить на невидимое, контролировать его. Они должны примирять его, склоняясь перед его волей. Их методы могут быть серьезными, но не умиловательными. Во всем этом слишком много "да будет воля моя".

К сожалению, в эту игру по определению *ex-parte* могут играть двое. Более несимпатичный тип историка, неустанно преследуя подсказку, которую дает это различие между контролем и умиротворением, признает себя способным обнаружить множество магии даже в высших формах религии. Обряд как таковой - скажем, посещение церкви как таковое - кажется, рассматривается некоторыми набожными людьми как не лишенный определенной внутренней эффективности. "Очень хорошо", - говорит эта школа, - "тогда большая часть обычного христианства - это магия".

Я же считаю, что такое различие приведет нас только к беде. И, на мой взгляд, путаницы будет еще больше, если, как это делают некоторые, утверждать, что этот вид работы с невидимым, который, на первый взгляд, и в соответствии с нашими представлениями, кажется довольно механическим (будучи, как бы, попыткой завладеть некой скрытой силой), настолько далек от религии, что его истинное родство - с естественными науками. Я вполне допускаю, что современное естествознание частично развилось из экспериментов с оккультизмом; так же, как и юриспруденция, изобразительное искусство и почти все другие наши высшие интересы. Но пока и до тех пор, пока это была оккультная наука, я бы утверждал, что это была вовсе не естественная наука, а, скорее, сверхъестественная. Кроме того, большая часть нашей естественной науки выросла из простых попыток выполнить механическую работу в промышленных масштабах - скажем, выплавить железо; но поскольку тогда, как и сейчас, существовали многочисленные коммерческие тайны, вокруг начинания была атмосфера таинственности, что помогало придать ему атмосферу торговли со сверхъестественным. Но поскольку тогда, как и сейчас, невежественные люди считали, что наука каким-то образом тесно связана со всеми силами зла, из этого не следует, что и тогда, и сейчас истинное родство науки должно быть с дьяволом.

Магия и религия, согласно той точке зрения, которую я поддерживаю, принадлежат к одному и тому же отделу человеческого опыта - одному из двух великих отделов, двух миров, можно сказать, на которые делился человеческий опыт на протяжении всей своей истории. Вместе они принадлежат к сверхнормальному миру, *икс-региону* опыта, области психических сумерек.

К магии я отношу все плохие и все хорошие способы обращения с сверхнормальным - плохие и хорошие, разумеется, не так, как мы их оцениваем, а так, как оценивает их соответствующее общество. Иногда, правда, люди сами не знают, где провести границу между этими двумя понятиями; и в этом случае антрополог не может сделать это за них. Но в каждом примитивном обществе колдовство считается дурным тоном. Колдовство заключается в том, что человек связывается со сверхнормальными силами зла для достижения эгоистичных и антисоциальных целей. Колдовство, таким образом, является настоящей магией - черной магией дьявольского цвета. С другой стороны, в каждом примитивном обществе существуют и определенные спасительные способы обращения со сверхъестественными силами. Все эти способы, вместе взятые, и составляют религию. В

остальном же всегда остается масса более или менее улетучившихся верований, сопровождаемых практиками, которые в большей или меньшей степени утратили свою силу в обществе. Они относятся к фольклору, который есть у каждого народа. Под эту или близкую к ней категорию следует отнести и массу просто чудесных историй, обусловленных игрой фантазии и не имеющих прямого отношения к серьезным занятиям жизни.

Мир, к которому не принадлежат ни магия, ни религия, но к которому полностью принадлежит физическая наука, знание о том, как механически обращаться с материальными вещами, - это мир рабочих будней, область обычных, обыденных, поддающихся расчету событий. С помощью наших телескопов и микроскопов мы видим гораздо дальше и глубже, чем дикарь. И все же у дикаря отличные глаза. То, что он видит, он видит. Следовательно, мы должны должным образом признать тот факт, что для него, как и для нас, существует "естественный", то есть нормальный и будничный мир, хотя он и гораздо более узкий, чем наш. Дикарь не находится в вечном страхе. Напротив, когда он занят повседневными делами и все идет хорошо, он беспечен и счастлив, как ребенок.

Но в жизни дикаря мало гарантий. Кризис - это частый, хотя и периодический элемент. Голод, болезни и войны - вот примеры кризисов. Рождение и смерть - это кризисы. Брак обычно рассматривается человечеством как кризис. Так же как и инициация - поворотный пункт в карьере человека, когда он выходит в мир людей. Что же означает кризис с точки зрения ума? Это значит, что человек находится в затруднительном положении; что обычное и ожидаемое сменилось необычным и неожиданным; что мы проецируемся в мир неизвестного. И в этом мире неизвестного мы должны жалко прозябать, пока каким-то образом не восстановится уверенность в себе.

С психологической точки зрения, функция религии состоит в том, чтобы восстанавливать уверенность людей, когда она пошатнулась в результате кризиса. Люди не ищут кризиса; они всегда убегали бы от него, если бы могли. Кризис ищет их; и в то время как слабые люди готовы поддаться, более смелые духом встречают его лицом к лицу. Религия - это встреча с неизвестным. Именно мужество в ней приносит утешение"[6].

[Сноска 6: Мужество, присущее всем живым религиям, обычно сосуществует с определенной скромностью или смирением. Я попытался проработать этот вопрос в другом месте в коротком исследовании под названием *"Рождение смирения"*].

Однако мы должны продолжить рассмотрение религии с социологической точки зрения. Религия - это усилия, направленные на преодоление кризиса, в той мере, в какой эти усилия организованы обществом определенным образом. Религия конгрегационна, то есть служит целям нескольких людей одновременно. Она традиционна, то есть служит целям сменяющих друг друга поколений людей. Поэтому она неизбежно имеет стандартизированный метод. Он включает в себя рутину, ритуал. Кроме того, он включает в себя некую конвенциональную доктрину, которая является, так сказать, внутренней стороной ритуала - его подкладкой.

В дальнейшем я буду настаивать, прежде всего, на этой социологической стороне религии. Для антропологических целей это более разумный план. Мы должны полностью отказаться от "метода Робинзона Крузо", который заключается в реконструкции вероучения одинокого дикаря, который, как предполагается, выработал свою религию из своего внутреннего сознания: "Гора хмурится, значит, она живая"; "Я двигаюсь во сне, в то время как мое тело лежит неподвижно, значит, у меня есть душа" и так далее. Несомненно, кто-то должен был думать об этих вещах, ведь это мысли. Но он не думал о них, во всяком случае, не придумывал их в одиночку. Люди думали о них вместе; более того, целые века совместной

жизни и размышлений привели к тому, что они стали такими, какие они есть. Поэтому для их объяснения необходим социальный метод.

Религия дикаря - это часть его обычая; нет, скорее, это весь его обычай, пока он кажется священным - пока он принуждает его с помощью воображения. Между ним и неизвестным не стоит ничего, кроме его обычая. Это его "все-все-все", его запасной вариант, его вера и надежда. Будучи, таким образом, единственным источником его уверенности, его обычай, пока его воображение играет с ним, становится его "удачей". Можно сказать, что любой обычай, в той мере, в какой он рассматривается как удача, является религиозным обрядом.

Отсюда консерватизм, присущий религии. "Ничто, - говорит Робертсон Смит, - не вызывает к консервативным инстинктам так сильно, как религия". "История религии, - воскликнул однажды доктор Фрейзер, - это долгая попытка примирить старый обычай с новым разумом, найти здравую теорию для абсурдной практики". На первый взгляд можно увидеть в обычаях и религии дикарей только абсурд. В конце концов, именно они поражают нас больше всего, ведь все мы - охотники за диковинками. Но дикарские обычаи и религию нужно воспринимать как единое целое, плохие стороны вместе с хорошими. Конечно, если мы имеем дело с примитивным обществом, находящимся на низшей ступени развития, а таковых, по выражению Джона Стюарта Милля, очень мало, то его дезорганизованные и разращенные обычаи больше не выполняют жизненно важных функций. Но здоровое общество обязано иметь здоровые обычаи. И хотя он может идти в дело причудливо и окольными путями, он должен отвечать общим требованиям ситуации. Поэтому я не буду тратить время, как это можно было бы легко сделать, на нагромождение примеров необычных "суеверий", будь то ужасные и отвратительные, с нашей более развитой точки зрения, или просто смешные и глупые. Напротив, я бы скорее сделал своим рабочим предположением, что при всех своих очевидных недостатках религия человеческого общества, если оно существует, всегда заслуживает уважения.

Рассматривая, однако, отношение религии к обычаям, мы сталкиваемся с очевидной трудностью: в то время как обычай подразумевает "делай", преобладающая нота первобытной религии, кажется, скорее состоит в "не делай". Но на самом деле между ними нет никакого антагонизма. Как гласит старая греческая пословица, "есть только один способ идти правильно, но есть бесконечное множество способов идти неправильно". Таким образом, хорошее соблюдение обычаев само по себе подразумевает бесконечное количество табу. Если определенная линия поведения приносит удачу, то та или иная альтернативная линия поведения должна быть неудачной. Разница между позитивными обычаями или обрядами, которые заставляют что-то делать, и негативными обычаями или обрядами, которые заставляют что-то не делать, состоит лишь в том, что последние в большей степени апеллируют к воображению для своей санкции и поэтому являются более заметной и непосредственной частью религии. На вопрос "Почему я должен это делать?" почти всегда можно ответить: "Потому что так принято, потому что это правильно". Вряд ли стоит добавлять: "Потому что это принесет удачу". Но на вопрос "Почему бы мне не сделать что-то другое?" в примитивном обществе неизменно отвечают: "Потому что, если ты это сделаешь, с нами со всеми случится что-то ужасное". Какую именно форму примет это несчастье, уточнять не нужно. Внушение скорее выигрывает, чем проигрывает от неопределенности своего обращения к воображению.

Чтобы яснее понять разницу между негативными и позитивными типами обычаев, связанных с религией, давайте рассмотрим пример каждого из них в деталях. Хорошо, если мы будем выбирать случаи из числа тех, которые показывают, что обычай и религия совершенно неразделимы - короче говоря, это два аспекта одного и того же факта. Ничто не может быть более обыденным и светским, чем обычай готовить себе ужин. Однако для первобытного общества этот обычай имеет тенденцию быть также и обрядом - обрядом, который, однако, может быть в основном негативным и предупредительным, или в основном позитивным и практическим по своему характеру, как мы сейчас увидим.

Тоды, так хорошо описанные доктором Риверсом, - это небольшая община, менее тысячи человек, которые ушли от стрессов мира в горы Нилгири на юге Индии, где они проводят безопасную, но решительно безмятежную жизнь. Они находятся в захолустье и, скорее всего, останутся там. Во всяком случае, их религия не такова, чтобы сделать их более предприимчивыми. Можно сказать, что у них нет богов. Сохранились лишь имена некоторых божеств с вершин холмов, но были ли они когда-то почитаемыми богами тодасов или, как считают некоторые, принадлежали какой-то другой расе, ясно, что сейчас в них больше тени, чем сути. Настоящая религия народа сосредоточена вокруг молочного ритуала. С практической и экономической точки зрения работа молочника заключается в превращении молока буйволиц в масло и пахту, которые составляют их основной рацион. С религиозной точки зрения, она заключается в превращении того, что они не смеют есть, в то, что они могут есть.

Многие, хотя и не все, буйволы священны, и их молоко нельзя пить. Причину, по которой его нельзя пить, могут выяснить антропологи, но сами тоды не знают. Все, что они знают и о чем беспокоятся, - это то, что все пойдет наперекосяк, если кто-то окажется настолько глуп, чтобы совершить такой грех. Поэтому в храме Тода, который представляет собой молочную ферму, священник Тода, который является молочником, занимается тем, что делает священные продукты безвредными. В молочной есть два отделения - одно священное, другое профанное. В первом хранятся священные сосуды, в которые наливают молоко, когда оно поступает от буйволиц, и в которых оно превращается в масло и пахту с помощью некоторого количества предыдущего варева, которое тем временем помещается в особо священный сосуд. Во втором отделении находятся профанные сосуды, предназначенные для приема масла и пахты, после того как они были аккуратно перенесены из священных сосудов с помощью промежуточного сосуда, который стоит точно на линии между двумя отделениями. Эта передача, осуществляемая под аккомпанемент всевозможных благоговейных жестов и речей, обеспечивает такое осквернение священной субстанции, которое не влечет за собой дурных последствий, которые могли бы возникнуть в противном случае. Таким образом, ритуал по сути своей является предупредительным. Табу - это шарнир всего дела.

И тенденция такого негативного типа религии заключается в том, чтобы нагромождать меры предосторожности на меры предосторожности. Так, молочник, чтобы соответствовать своей священной должности, должен без конца соблюдать табу. Он должен быть безбрачным. Он должен избегать любых контактов с мертвыми. Он ограничен определенными видами пищи, которая, кроме того, должна быть приготовлена определенным образом и употреблена в определенном месте. Его напиток - особое молоко, которое должно быть вылит по предписанным формулам. Он недоступен для обычных людей только в определенные дни и определенным образом: их подход, их приветствия, его ответное приветствие - все это

регламентировано с особой тщательностью. Он может носить только особую одежду. Он не должен стричь волосы. Его ногти должны быть длинными. И так далее, и тому подобное. Подобные ограничения, действительно, имеют обыкновение ограничивать жизнь всех святых людей, и их можно найти в любой части света. Но они могут быть справедливо приведены здесь, как помогающие заполнить картину того, что я назвал предохранительным или негативным типом религиозного ритуала.

Кроме того, в состоянии религии Тода есть что-то гнилое. Доярки показались доктору Риверсу очень неряшливыми в исполнении своих обязанностей, а также расплывчатыми и неточными в своих рассказах о том, что нужно делать. Действительно, трудно было найти людей, готовых взять на себя эту обязанность. Ритуальные обязанности, связанные с неудобными табу, часто перекладывались на молодых людей. Молодые люди, будучи молодыми, наверняка нарушали эти табу; но в любом случае это было им на руку. От уклонений до вымыслов всего один шаг. Поэтому, когда нечистый человек подходил к молочнику, тот просто делал вид, что не замечает его. Или правило, запрещающее входить в хижину, если в ней находятся женщины, можно было обойти, просто убрав из жилища три эмблемы женственности - колотушку, решето и подметальную машину; после этого его "лицо было спасено". Так почему же так мало серьезности? Доктор Риверс считает, что причина в излишней ритуальности. Я согласен с этим, но осмелюсь добавить: "слишком много негативного ритуала". Религия, в которой все уклоняется от ритуалов, должна порождать подлых поклонников.

Теперь давайте обратимся к другому типу примитивной религии, которая в равной степени отождествляется с пищевым квестом, но связана с его позитивными и активными функциями, которым она стремится помочь. Г-да Спенсер и Гиллен дали нам подробнейший отчет о некоторых церемониях арунта, народа центральной Австралии. Эти церемонии они называли *Intichiuma*, и это название, вероятно, закрепится за ними, хотя есть основания полагать, что туземное слово для них на самом деле нечто иное. Их цель - сделать так, чтобы животные-пища и растения-пища размножались и процветали. За каждым животным или растением присматривает группа, у которой оно является тотемом. (Тотемизм у этого весьма примечательного народа не имеет ничего общего ни с экзогамией, ни с родословной, но это тема, которую здесь рассматривать невозможно). Обряды значительно отличаются в зависимости от тотема, но можно привести пару типичных случаев.

Например, колдуны-грибники хотят, чтобы грибы размножались, чтобы было много еды для их собратьев. Поэтому они идут по определенному пути, который, по преданию, был пройден великим предводителем колдунов в давние времена (это были колдуны, превратившиеся в людей, которые путем реинкарнации стали предками нынешних тотемитов). Тропинка приводит их к месту на холмах, где стоит большой камень, окруженный множеством маленьких камней. Большой камень - это взрослое животное, а маленькие камни - его яйца. Поэтому сначала они постукивают по большому камню, скандируя приглашение отложить яйца. Затем мастер церемоний натирает живот каждого тотемита маленькими камнями и говорит: "Ты съел много пищи".

Или, опять же, люди-кенгуру отправляются в место под названием Ундиара. Это живописное место. На берегу водоема, укрытого высоким эвкалиптовым деревом, возвышается изрезанная и побитая непогодой скала из кварцита. Примерно в двадцати футах от его основания торчит выступ. Когда тотемиты проводят свою церемонию, они отправляются на этот выступ. Ведь здесь в давние времена реинкарнировавшие в них предки готовили и ели пищу из кенгуру, и здесь же тогдашние кенгуру отложили свои частицы духа. Сначала поверхность скалы под уступом украшена длинными полосами красной охры и белого гипса,

чтобы изобразить рыжий мех и белые кости кенгуру. Это, по сути, одна из тех наскальных рисунков, которые делали в своих пещерах палеолитические люди Европы. Затем несколько человек, скажем, семь или восемь, поднимаются на уступ, и, пока остальные поют торжественные песнопения о предстоящем увеличении поголовья кенгуру, эти мужчины вскрывают вены на руках, чтобы кровь свободно стекала на церемониальный камень. Это первая часть обряда. Вторая часть не менее интересна. После кровопускания они охотятся, пока не убивают кенгуру. После этого старики тотема съедают немного мяса; затем они намазывают жиром тела всех участников; наконец, они делят плоть между собой. После этого тотемисты разрисовывают свои тела полосами в подражание рисунку на скале. Вторая охота, за которой следует вторая сакраментальная трапеза, завершает всю церемонию. То, что их трапеза является сакраментальной, своего рода службой причастия, доказывает тот факт, что отныне в обычном порядке они позволяют себе есть мясо кенгуру, но очень скупо, а некоторые части плоти и вовсе не едят.

Можно привести еще один пример этих обрядов, чтобы подчеркнуть серьезность этого типа религии, в которой главное - делать, а не просто не делать. Здесь нет ни капли тодаистской беспечности. Достаточно взглянуть на начало ритуала тотемитов медового анта. Мастер церемоний кладет руку так, будто затеняет глаза, и пристально смотрит в сторону священного места, куда они собираются отправиться. Пока он это делает, остальные опускаются на колени, выстраиваясь за ним в прямую линию. В таком положении они остаются некоторое время, пока вождь приглушенным тоном читает песнопения. Затем все встают. Теперь компания должна начать. Командир, пристроившийся сзади, чтобы выстроить колонну в идеальную линию, дает сигнал. Затем они отходят в одну шеренгу, беря прямой курс к святой земле, маршируя в совершенной тишине и размеренным шагом, как будто должно произойти нечто глубочайшее.

Я не извиняюсь за то, что описываю эти действия довольно подробно. Это необходимо для того, чтобы передать впечатление, что основы религии присутствуют в этих, казалось бы, безбожных обрядах более грубых народов. Они возникают непосредственно из обычаев - в данном случае охотничьих. Их непосредственная цель - обеспечить этих людей хлебом насущным. Однако их обращение к воображению, которое в религии, как и в науке, искусстве и философии, является импульсом, управляющим всем прогрессом, всей творческой эволюцией, таково, что поиски пищи наполняются новым и более глубоким смыслом. Не один только хлеб, но нечто еще более важное для жизни человека, подразумевается в этих запутанных и неясных торжествах. Они пронизаны пробуждением жертвенности, молитвы, и причастия. Они несут в себе потребность времени, все обещания того чудесного прошлого, которое не только окормляло род, но и до сих пор дает ему запас реинкарнированных душевных сил, позволяющих ему выжить. Если, таким образом, эти обряды являются неотъемлемой частью простой магии, то большая часть или все то, что мир знает как религию, должно быть простой магией. Но для антропологии лучше называть вещи теми именами, под которыми они известны в мире людей - то есть в широком мире, а не в каком-то его уголке или кружке.

Чтобы полнее раскрыть вторую мысль, которую я пытался донести, а именно о тесной взаимозависимости религии и обычаев в примитивном обществе, позвольте мне привести

еще один пример ритуала грубого народа. И снова обратимся к родной Австралии, хотя на этот раз к ее юго-восточной части; поскольку в Австралии мы имеем в целом очень низкий уровень культурного развития, как бы задержанный изоляцией, но, тем не менее, он оказывается несовместимым с высокой религией в процессе становления.

Инициация в коренной Австралии - это эквивалент того, что известно среди нас как высшее образование. Разница лишь в том, что у них каждый, кто не признан абсолютно непригодным, получает должное посвящение; у нас же высшее образование предлагается некоторым непригодным, а многим пригодным так и не посчастливилось его получить. Инициация призвана помочь мальчикам пережить трудный период полового созревания и превратить их в ответственных мужчин. В церемониях участвуют все взрослые мужчины. Особые мужчины, однако, откомандировываются для воспитания юношей - дело это долгое, поскольку подразумевает уход, возможно, на полгода, в буш со своими подопечными; там их обучают племенным традициям и, как правило, наставляют, иногда насильно, на путь истинный. Кроме того, для молодых людей это скорее похоже на уход в монастырь, поскольку все это время они находятся в строгом табу, или, другими словами, в святом состоянии, которое включает в себя пост и умерщвление плоти. Наконец наступает время, когда нужно отпраздновать их фактический переход через порог мужественности. Этот обряд можно описать одним словом - впечатляющий. Общество хочет наложить печать на их характеры и считает, что печать должна быть сильной. Физически парни ощущают силу общества. Им выбивают зубы, их подбрасывают в воздух, чтобы они стали выше, и так далее - обряды, которые, хотя и преследуют отдельные оккультные цели, полностью совпадают в том, что они крайне неприятны.

Духовные средства воспитания, однако, всегда более эффективны, чем физические, если они разработаны и применяются с достаточной мудростью. Резак для быков, о котором уже было сказано, придает церемониям благоговейный фон. Он наполняет лес, окружающий тайное место, где проводятся обряды, взлетами и падениями своей странной музыки, наводящей на мысли о могучем порыве ветра, о духах, витающих в воздухе. Только когда мальчики становятся мужчинами, они узнают, как создается этот звук. Но даже когда они узнают это, тайна голоса, говорящего через щепку дерева, лишь распаляет воображение для более высоких полетов. Кем бы еще ни был для этих людей верховный бог этих мистерий Дарамулун - а в представлении о нем, несомненно, встречаются самые разные варианты сбивчивого мышления, - он, во всяком случае, является богом коловрата, который вложил свой голос в священный инструмент. Но Дарамулун также наделен человеческим обликом; они устанавливают его грубое деревянное изображение, а вокруг него танцуют и выкрикивают его имя. Дарамулун учредил эти обряды, равно как и все прочие, незыблемые обряды собравшегося племени или племен. Поэтому, когда над головами мальчиков, распростертых на земле, торжественно произносят то, что мистер Лэнг называет "десятью заповедями", которые предписывают им почитать старших, уважать брачный закон и так далее, перед их мысленным взором возникает фигура высшего законодателя, а его неземной голос становится для них голосом закона. Таким образом, обычай возвышается, а его принудительная сила усиливается благодаря внушению силы - в данном случае определенно личной силы, - которая "делает праведность" и, хотя и благотворна, полна ужаса для нарушителей.

И теперь может показаться, что настало время перейти от социологического и внешнего взгляда на первобытную религию к ее психологическому рассмотрению, которое должно попытаться раскрыть скрытые мотивы, духовные источники верований, лежащих в основе и поддерживающих обычные практики. Но именно в этой точке антропологическая трактовка религии может оказаться неудовлетворительной. История может зафиксировать факт совершения такого-то и такого-то действия с гораздо большей уверенностью, чем факт того, что такое-то и такое-то состояние души сопровождает и вдохновляет это действие. Кроме того, дикарь не является авторитетом в вопросах "почему" и "зачем" его обычаев. Как мы уже убедились, достаточным основанием для его действий является "Как бы еще поступило разумное существо?". Не иначе как высшие умы среди дикарей по-своему размышляют о смысле их обычаев и обрядов. Но большинство этих размышлений - не более, чем тщательно продуманное "оправдание после события". Разум придумывает то, что мистер Киплинг назвал бы "просто историей", чтобы объяснить нечто уже существующее. Как это могло произойти, а не как это произошло, - вот и все, к чему сводится исповедуемое объяснение. И когда дело доходит до выбора между простыми возможностями, антрополог, вместо того чтобы советоваться с дикарем, может с тем же успехом попытаться сделать это сам.

Антропологические теории происхождения религии кажутся мне ошибочными главным образом потому, что они стремятся слишком многое упростить. Дойдя до того, что они считают корневой идеей, они сразу же провозглашают ее корневой идеей. Я считаю, что у религии так же мало или так же много корней, как у человеческой жизни и разума.

Теория происхождения религии, о которой можно сказать, что она занимает ведущее место, поскольку является точкой зрения величайшего из ныне живущих антропологов, - это теория анимизма доктора Тайлора. Термин "анимизм" происходит от латинского *anima*, которое, как и соответствующее слово *spiritus*, откуда происходит "дух", обозначает дыхание, а значит, и душу, которую примитивные люди склонны отождествлять с дыханием. Теория анимизма доктора Тайлора, изложенная в его великом труде "*Первобытная культура*", заключается в том, что "вера в духовные существа" подходит в качестве определения религии, взятой в ее наименьшей степени; что для него означает то же самое, что и взятая в ее самой ранней стадии. Что же такое "духовное существо"? Очевидно, что все зависит от этого. В общей трактовке д-ром Тайлором этого вопроса, похоже, основной упор делается на фантом. Фантазм (как показывает этимология этого слова) - это, по сути, видимость. Во сне или галлюцинации человек видит фигуры, более или менее тусклые, но все же обладающие "парообразной материальностью". Так и тень - это нечто безтелесное, что можно увидеть; хотя дыхание, за исключением морозного дня, проявляет свою тонкую, но все же осязаемую природу скорее на ощупь, чем наяву. Теперь нет никаких сомнений в том, что фантом играет значительную роль в первобытной религии (как и в тех причудах первобытного ума, которые так и не нашли своего пути в религию, во всяком случае, в религию, отождествляемую с организованным культом). Дикари видят призраков, хотя, вероятно, не чаще, чем мы; они видят яркие сны и находятся под сильным впечатлением от пережитых сновидений; и так далее. Кроме того, фантом образует очень удобный промежуточный пункт между видимым и невидимым; и нет сомнений, что дикарь часто говорит "дыхание", "тень" и т. д., когда пытается думать и иметь в виду нечто нематериальное в целом.

Но анимизм, похоже, иногда используется доктором Тайлором в более широком смысле, а именно как "доктрина универсальной жизненной силы". Рассматривая мифы более грубых народов, например, мифы о солнце, луне и звездах, он показывает, как подразумевается "всеобщее одушевление природы". Примитивный человек вчитывается в эти вещи, которые,

согласно нашей науке, не имеют ни жизни, ни личности. Он думает, что у них другой вид тела, но те же самые чувства и мотивы. Но это вовсе не означает, что они способны излучать фантом, как это делает человек, когда его душа временно покидает его, или когда после смерти его душа становится призраком. В солнце нет ничего призрачного, независимо от того, представляется ли оно в виде сияющего шара или в виде сияющего существа человеческой формы, которому этот шар принадлежит. В греческом боге Аполлоне нет ничего ни малейшего призрачного. Поэтому я думаю, что нам лучше обозначить это более широкое понятие анимизма другим именем, назвав его "аниматизмом", так как это будет служить одновременно и разъединению, и соединению двух концепций.

Я, однако, не уверен, насколько далеко нам следует заходить в этой "доктрине универсальной жизненной силы". Разве, например, дикарь, когда бьет молотком по куску кремня, думает о нем не как о "вещи", а как о чем-то большем, чем мы? Сомневаюсь. Он может сказать: "Чтоб тебя!", если он вдруг расколется на две части, как и мы. Но хотя может показаться, что язык подразумевает "ты", он, как я полагаю, хотел бы приписать кремню столько же или меньше индивидуальности, сколько и мы, когда используем подобный язык. Другими словами, я полагаю, что в мире своего обычного рабочего повседневного опыта он признает как вещи, так и личности; не задумываясь, в обоих случаях, о скрытых принципах, которые заставляют их быть такими, какие они есть, и действовать так, как они действуют.

С другой стороны, когда вещь или человек попадают в мир сверхнормального опыта, когда они поражают воображение как удивительные и чудотворные, тогда гораздо больше оснований для того, чтобы попытаться объяснить себе, что за тайна скрывается в странном облике или за ним. Хауитт, близко знавший австралийских туземцев, приводит следующий пример "работы туземного разума". Для чернокожего человека его дубина или копье - неотъемлемая часть его обычной жизни. В них нет ни "медицины", ни "дьявола". Чтобы придать им сверхъестественную силу, они должны быть специально зачарованы. Но совсем иначе обстоит дело с копьеметателем или точильщиком быков. Первый без всякой видимой причины позволяет ему бросать копье на необычайно большое расстояние. (Я сам видел, как австралийское копье с помощью копьеметателя пролетело сто пятьдесят ярдов и в конце полета нанесло верный и глубокий удар). Последнее издает шум грома, хотя является всего лишь щепкой на конце струны. Таким образом, они сами по себе являются "лекарствами". В них или за ними скрывается "добродетель".

Значит ли это, что приписывать "добродетель" - то же самое, что приписывать жизненную силу? Метатель копья и режущий быка неизбежно считаются живыми? Или они, как само собой разумеющееся, наделены душой или духом? А может быть, существует еще и безличный вид "добродетели", "медицины" или как там еще называется чудотворная сила в чудотворной вещи? Есть свидетельства, что сам дикарь, говоря о таких вещах, иногда говорит сила, иногда жизненная сила, иногда дух. Но самый простой способ разрешить эти вопросы - помнить, что такие тонкие различия, как эти, которые могут пытаться провести теоретики, совершенно не привлекают самого дикаря. Для него важен лишь тот факт, что если одни вещи в мире обычны и на них можно положиться, то другие не поддаются учету, а являются чудотворными.

Более того, среди чудотворных вещей есть хорошие и плохие. Привлечь всех хороших чудотворцев на свою сторону, чтобы сбить с толку плохих - вот что должна сделать для него религия. "Пусть придут благословения, пусть уйдут беды!" - таков смысл его религиозных устремлений, независимо от того, классифицируют ли антропологи их как заклинания или как молитвы.

Предполагается, что функция религии заключается в восстановлении доверия, когда человек находится в лабиринте и не в своей тарелке, боится тайн, которые навязывают ему жизнь, но вынужден, если не совсем желает, смотреть им в лицо и вырывать из них любую помощь, которая в них есть. Эту функцию религия выполняет с помощью того, что можно описать одним словом - "внушение". Как психологически работает внушение - как, например, ассоциация идей, так называемая "симпатическая магия", преобладает на низших уровнях религиозного опыта - это сложный и технический вопрос, который здесь не обсуждается. Религия стоит рядом, когда нужно что-то сделать, и предполагает, что это может быть сделано хорошо и успешно; более того, что это уже делается. И если религия эффективна, верующие откликаются на это предложение и доводят дело до конца. Как сказал латинский поэт, "они могут, потому что думают, что могут".

Что же такое, с точки зрения антропологии, эффективная религия, которая выживает потому, что в целом выживают те, кому она помогает? Опасно делать огульные обобщения, но, во всяком случае, есть много оснований классифицировать мировые религии либо как механические и неэффективные, либо как духовные и эффективные. Механический тип предлагает утешение в виде набора инструментов. "Добродетель" заключена в определенных обрядах и формулах. Они, как мы видели, особенно склонны превращаться в простой механизм, если они относятся к негативному и предупредительному типу. С другой стороны, духовная религия, особенно связанная с позитивными и активными функциями жизни, стремится вложить волю и личность в чудотворные силы, которые она призывает на помощь человеку. Воля и личность поклоняющихся нуждаются не столько в орудиях, сколько в большей воле и личности. Они получают это от духовной религии, которая тем или иным образом всегда предлагает общество, общение, как одновременно средство и цель жизненного совершенствования.

Сказать, что религия работает через внушение, значит сказать, что она работает через воображение. Существует как хорошее, так и плохое воображение; и человек обязательно должен воображать и воображать, чтобы желать. Более или менее невнятные и интуитивные силы разума, однако, должны быть дополнены силой внятного рассуждения, если воля должна оправдать свой двойной характер способности к достижению целей, которая также является способностью к средствам достижения этих целей. Внушение, короче говоря, должно быть очищено критикой, прежде чем оно сможет служить проводником высшей жизни. Выяснение этого вопроса станет целью следующей главы.

ГЛАВА IX

МОРАЛЬ

Пространство быстро иссякает, и совершенно невозможно рассмотреть все детали такого обширного предмета, как первобытная мораль. За ними читатель должен обратиться к монументальному трактату доктора Вестермарка *"Происхождение и развитие моральных идей"*, в котором собрано огромное количество фактов под четкой и всеобъемлющей схемой заголовков. Попутно он обнаружит, что, несмотря на огромные различия в обычаях, эмоции, можно даже сказать, чувства, которые являются сырьем для морали, везде одинаковы.

Здесь будет наиболее полезно набросать психологическую основу примитивной морали, в отличие от морали более развитого типа. Следуя намеченному плану, давайте попытаемся сделать еще один шаг от чисто внешнего взгляда на человеческую жизнь к нашей цели, которая заключается в том, чтобы оценить истинную внутреннюю сущность человеческой жизни - по крайней мере, в той мере, в какой это является вопросом для антропологии, которая не идет дальше, чем это может сделать исторический метод.

Конечно, можно задаться вопросом, является ли первобытная или развитая мораль в достаточной степени цельной, чтобы можно было, так сказать, сделать из нее составную фотографию. Однако для наших целей этот способ настолько удобен, что стоит рискнуть. Итак, давайте предположим, что в исторической эволюции общества, рассматриваемой с точки зрения психологии поведения, есть два основных этапа. Я предлагаю назвать их синномической и синтелической фазами общества. "Синтомическая" (от греческого *nomos* - обычай) означает, что обычаи разделяются. "Синтетический" (от греческого *telos* - конец) означает, что цели разделяются.

Синтомическая фаза с психологической точки зрения является царством привычки; синтолическая фаза - царством рефлексии. Первая управляется подсознательным выбором своих стандартов хорошего и плохого, вторая - сознательным выбором своих стандартов. Остается вкратце показать, как возникает такое различие.

Выдающимся фактом синномической жизни более грубых народов, пожалуй, является то, что в ней почти нет приватности. Конечно, необходимо учитывать и многие другие недостатки - отсутствие широких коммуникаций, отсутствие аналитического языка, отсутствие письменности, отсутствие книг и так далее; но, возможно, постоянное пребывание в толпе - это самый худший недостаток из всех. Ведь, как говорит Дизраэли в *"Сибилле"*, стадность - это не ассоциация. Постоянное стадо и теснота мешают развитию личности. Та независимость характера, которая является главным условием синтелического общества, не может созреть, даже если зародыши уже есть. Ни у кого нет возможности уйти в свою собственную душу. Поэтому человек не испытывает того молчаливого разговора с самим собой, который является рефлексией. Вместо того чтобы обратиться внутрь, он обращается вовне. Короче говоря, он подражает.

Но как, спросите вы, происходит эволюция, если каждый человек подражает всем остальным? Конечно, на первый взгляд это выглядит как замкнутый круг. Тем не менее, здесь есть место определенному прогрессу или, во всяком случае, определенному процессу изменений. Анализ его психологических истоков занял бы слишком много времени. Если вместо объяснения подойдет фраза, то мы можем подытожить их, вместе с блестящим

французским психологом Тардом, как "перекрестное оплодотворение имитаций". Однако нам не нужно далеко ходить, чтобы получить представление о том, как происходит этот процесс изменений. Он происходит каждый день в нашей среде под названием "смена моды". Покупая галстуки или соломенные шляпы, человек не стремится к рациональной форме одежды. Если и есть прогресс в этом направлении, то он подсознательный. Духовное состояние, лежащее в основе этого процесса, доктор Ллойд Морган не случайно назвал "овечьей безропотностью".

С точки зрения морали, отсутствие способности к частному суждению равносильно отсутствию моральной свободы. Мы видели, насколько относительно внешними являются санкции дикарской жизни. Это, конечно, не означает, что в сознании человека нет ответного суждения, когда он следует своим обычаям. Он говорит: "Таков обычай, значит, это правильно". Но вряд ли можно сказать, что это суждение исходит от истинно судящего, то есть критического, "я". Человек наблюдает за своими соседями, беря пример с них. Его суждение - это суждение чувства. Он не смотрит внутрь, на принцип. Моральный принцип - это стандарт, который с помощью мысли можно перенести из одной разумной ситуации в другую разумную ситуацию. Общий закон и его применение к ситуации, существующей в данный момент для органов чувств, рассматриваются отдельно, прежде чем соединяются вместе. Следовательно, возможное применение, как бы сильно его ни подсказывали обычай, мода, действия соседей, собственный импульс или предрассудок, или что-либо еще, может быть опротестовано, если по размышлении окажется, что оно не совсем подходит к обстоятельствам. Короче говоря, чтобы быть рациональным и "сложить два и два", нужно быть способным воспринимать два и два как разные понятия. Восприятия, напротив, можно сравнивать только в куске. Как в главе о языке мы видели, как человек начал говорить голофразами и лишь постепенно дошел до аналитических, то есть делимых, элементов речи, так и в этой главе мы должны отметить строго параллельное развитие от путаницы к различию со стороны мысли.

Мораль дикарей, таким образом, не рациональна в смысле анализа, а, так сказать, импрессионистична. Возможно, мы могли бы назвать ее выражением коллективного впечатления. Ее лучше всего понимать в свете той ветви социальной психологии, которая обычно носит название "психология толпы". Возможно, "толпа" и "толпа" - довольно неудачные термины. Они заставляют нас думать о более диких взрывах коллективных чувств - панике, кровавой мании, танцевальных эпидемиях и так далее. Но, хотя общество дикарей ни в коем случае не является толпой в смысле колышущейся массы человечества, которая на время потеряла голову, психологические соображения, применимые к последнему, применимы и к первому, если учесть тот факт, что общество дикарей организовано на постоянной основе. Разница между ними сводится к тому, что толпа, представленная в дикарском обществе, - это толпа, состоящая из многих сменяющих друг друга поколений мужчин. Ее традиции представляют собой, так сказать, длительное и неизгладимое впечатление, которое впоследствии выражается в ее поведении.

Мысль дикаря, таким образом, не в состоянии, потому что она и не пытается, разбить обычай на отдельные части. Скорее, она играет с краями обычая; особенно в этом ей помогает религия с ее внушением общей священности обычая. В первобытном обществе можно найти множество смутных догадок, стремящихся оправдать существующее. Но разбирать машину по кусочкам, чтобы собрать ее по-другому, не под силу тому типу интеллекта, который, хотя и умеет разбираться в деталях, считает принципы само собой разумеющимися. Когда прогресс приходит, он приходит исподтишка, через подражание букве, но отказываясь

подражать духу; пока с помощью юридических фикций, ритуальных замен и так далее новое не займет место старого, и никто не заметит этого факта.

Свобода, в смысле интеллектуальная свобода, возможно, родилась в одном месте и в одно время - а именно, в Греции в пятом и четвертом веках до нашей эры[7] Конечно, смешение и столкновение народов подготовило путь. Идеи начинают иметь значение, как только они вырываются из своего локального контекста. Но Греция, научив мир значению интеллектуальной свободы, проложила путь к той наиболее полной форме свободы, которую называют моральной. Нравственная свобода - это желание отдавать больше, чем берешь; с процентами возмещать стоимость своего социального образования. Это воля к тому, чтобы задуматься о смысле и конце человеческой жизни и тем самым содействовать творческой эволюции".

[Сноска 7: Политическая свобода, которая представляет собой совсем другое дело, возможно, в первую очередь является открытием Англии].

ГЛАВА X

ЧЕЛОВЕК КАК ЛИЧНОСТЬ

В качестве эпилога не будет лишним сказать несколько слов об индивидуальности, проявляющейся среди народов более грубого типа. Существует реальная опасность того, что антрополог может подумать, что научный взгляд на человека можно получить, если не учитывать его человеческую природу. Это происходит от чрезмерного стремления эволюционной истории прийти к общим принципам. Она слишком готова исключить так называемую "случайность", забывая о том, что вся теория биологической эволюции может быть с некоторой долей справедливости названа "теорией счастливой случайности". Человек с высокой индивидуальностью, исключительный человек, человек-гений, будь то человек мысли, человек чувства или человек действия, - это не случайность, которую может пропустить история. Напротив, он в немалой степени является творцом истории, и, как таковой, должен вызывать должное уважение у составителя истории. Сухие кости" истории, ее статистические усреднения и так далее - все это очень хорошо, но они соответствуют скорее поверхностной истине, что история повторяется, чем более глубокой истине, что история - это эволюция. Антропология, таким образом, не должна пренебрегать тем, что можно назвать методом исторического романа. Изучение сюжета без изучения персонажей никогда не поможет понять драму человеческой жизни.

Это может показаться трюизмом, но, возможно, стоит вспомнить в самом начале, что ни один мужчина или женщина не лишены индивидуальности в целом, даже если в конкретном

случае она не может рассматриваться как высокая индивидуальность. Никто не является простым элементом. Этот полезный плод статистики не имеет реального существования под солнцем. Мы должны дополнить книги абстрактной теории сочувственным пониманием, направленным на мужчин и женщин в их конкретной самости. Один из обитателей пещеры Ведда сказал доктору Селигману (это первый случай, который попался мне на глаза в первой книге, которую я случайно взял в руки): "Нам приятно чувствовать, как дождь бьет по плечам, и хорошо идти копать ямс, возвращаться домой мокрыми, видеть, как в пещере горит огонь, и сидеть вокруг него". Подобное замечание, на мой взгляд, проливает больше света на антропологию пещерной жизни, чем все кости и камни, которые я помогал выкапывать из наших мустьерских пещер в Джерси. Как говорится, это, насколько это возможно, "человеческий документ". Индивидуальность, в смысле интимного самосуществования, оратора и его группы - поскольку, что характерно, он использует первое лицо множественного числа - раскрыта достаточно, чтобы наши души соприкоснулись. Мы становимся ближе к тому, чтобы оценить человеческую историю изнутри.

Поэтому некоторым из тех студентов человечества, кому посчастливилось жить среди более грубых народов, хорошо выучить их язык и по-настоящему подружиться с некоторыми из них (что нелегко, поскольку дружба подразумевает определенное чувство равенства с обеих сторон), стоит попробовать свои силы в антропологической биографии. Антропология, в той мере, в какой она имеет отношение к дикарям, никогда не сможет подняться на высоту самого освещающего вида истории, пока это не будет сделано.

Для интеллигентного белого человека не должно быть невозможным сочувственно проникнуть в мировоззрение туземца, более или менее практичного и твердолобого законодателя и государственного деятеля, если только между ними может быть установлено полное доверие. В том, что даже среди самых грубых народов есть люди с выдающейся индивидуальностью, которые помогают творить политическую историю, вряд ли стоит сомневаться. Так, господа Спенсер и Гиллен во вступительной главе своей работы о жителях Центральной Австралии утверждают, что, наблюдая за поведением большого собрания туземцев, они пришли к мнению, что изменения, которые, несомненно, происходят время от времени в обычаях аборигенов, отнюдь не являются исключительно подсознательными и спонтанными, а отчасти обусловлены влиянием людей с выдающимися способностями. "На этом собрании, например, некоторые из самых старых мужчин не имели никакого значения; но, с другой стороны, другие, не такие старые, как они, но более сведущие в древних преданиях или более искусные в вопросах магии, пользовались уважением остальных, и именно они решали все вопросы. Однако следует понимать, что у нас нет никаких конкретных доказательств того, что таким образом были внесены какие-либо фундаментальные изменения в обычаи. Единственное, что мы можем сказать, это то, что, внимательно наблюдая за туземцами во время их церемоний и стараясь, насколько это было возможно, проникнуться их чувствами, думать так же, как они, и стать на время одним из них, мы пришли к выводу, что если один или два самых влиятельных человека решат, что целесообразно ввести какое-то изменение, даже важное, то это вполне может быть согласовано и осуществлено".

Этот отрывок стоит того, чтобы процитировать его подробнее хотя бы из-за того, что в нем раскрывается восхитительный метод. Политика "попытки стать на время одним из них" привела к созданию книги, которая из всех исследований, проведенных из первых рук, больше всего способствовала развитию современной антропологии. В то же время господа Спенсер и Гиллен, очевидно, не стали бы утверждать, что сделали нечто большее, чем интерпретация внешних признаков высокой индивидуальности этих выдающихся туземцев.

Антрополог до сих пор остается редкой и почти неслыханной вещью, чтобы быть в таких дружеских отношениях с дикарем, чтобы заставить его говорить о себе в подробностях и раскрыть настоящего человека внутри.

Тем не менее, в антропологической литературе, посвященной очень грубым народам, время от времени появляются боковые источники информации о человеческой личности. Страница из человеческого документа, которую я приведу в качестве примера, тем более любопытна, что она относится к типу опыта, находящемуся за пределами обычного цивилизованного человека. Однако то тут, то там среди нас можно встретить нечто подобное. Мой друг мистер Л. П. Джекс, например, в своем сборнике рассказов *"Безумные пастухи"* описал деревенского жителя севера Англии, который принадлежал к этому старинному ордену великих людей. Ибо люди данного типа могут быть великими, во всяком случае, в обществе низкого уровня. Так называемый знахарь - это лидер, возможно, даже типичный лидер первобытного общества; и именно потому, что он, в силу своего призвания, пристрастен к уединению и отстраненности, он, безусловно, более индивидуален, более "характерен", чем общая масса его собратьев.

Я немного сокращу из книги Хауитта *"Коренные племена Юго-Восточной Австралии"* рассказ самого человека о его опыте инициации. Хауитт, кстати, говорит: "Я твердо уверен, что этот человек верил, что события, о которых он рассказывал, были реальными и что он действительно пережил их"; а затем продолжает говорить о "субъективной реальности". Сам я не предлагаю никаких комментариев. Те, кто интересуется психическими исследованиями, обнаружат гипнотический транс, левитацию и так далее. Другие, проникнутые духом *"Разновидностей религиозного опыта"* Уильяма Джеймса, найдут во всем этом еще более глубокий смысл. Социолог, тем временем, укажет на силу обычаев и традиций, которые окрашивают весь опыт, даже когда он наиболее субъективен и сновиден. Но каждый в соответствии со своими склонностями должен разобраться в этих вещах сам. В любом случае хорошо, чтобы конец книги оставлял читателя в раздумьях.

Докладчиком был врач из племени вираджури с тотемом кенгуру. Он сказал: "Мой отец - человек-ящерица. Когда я был маленьким мальчиком, он взял меня в буш, чтобы научить быть врачом. Он приложил два больших кристалла кварца к моей груди, и они исчезли во мне. Я не знаю, как они исчезли, но я чувствовал, как они проходят сквозь меня, словно тепло. Это было сделано для того, чтобы я стал умным и умел доносить информацию". (Имеется в виду обычай знахаря подносить ко рту, как бы из желудка, кристалл кварца, в котором его "добродетель" имеет свое главное материальное воплощение или символ; он также полезен, как мы увидим позже, для гипнотических целей). "Он также дал мне несколько вещей, похожих на кристаллы кварца в воде. Они выглядели как лед, а вода была сладкой на вкус. После этого я стала видеть то, чего не могла видеть моя мать. Когда мы с ней гуляли, я спрашивала: "Что там такое, как ходят люди? Она отвечала: "Дитя, там ничего нет". Это были призраки, которых я начала видеть".

Далее в рассказе говорится, что в зрелом возрасте наш друг проходил обычную инициацию для мальчиков; тогда он увидел, как врачи подносят свои кристаллы и, держа их во рту, вливают в него "добродетель", чтобы сделать его "хорошим". После этого, находясь в святом состоянии, как и любой другой послушник, он удалился в кусты, чтобы поститься и медитировать.

"Когда я был в кустах, ко мне вышел мой старый отец. Он сказал: "Подойди ко мне", а затем показал мне кусочек кристалла кварца в своей руке. Когда я посмотрел на него, он опустился в землю, и я увидел, как он поднимается весь в красной пыли. Это меня очень испугало.

Тогда отец сказал: "Попробуй поднять кристалл". Я попробовал и поднял один. Затем он сказал: "Пойдем со мной в это место". Я увидел, что он стоит у отверстия в земле, ведущего в могилу. Я вошел внутрь и увидел мертвеца, который натер меня, чтобы я стал умнее, и дал мне несколько кристаллов. Когда мы вышли, отец указал на тигровую змею, сказав: "Это твой знакомый. Это и мой". От хвоста змеи к нам тянулась веревка - одна из тех, которые знахари вытягивают из себя. Мой отец взял ее в руки и сказал: "Пойдем за змеей". Змея прошла через несколько стволов деревьев и пропустила нас через себя. Наконец мы добрались до дерева, корни которого сильно раздувались. Именно в таких местах живет Дарамулун. Змей спустился в землю и поднялся внутрь дерева, которое было полым. Мы последовали за ним. Там я увидел много маленьких Дарамулунов, сыновей Баяме. Затем змей привел нас в большую яму, в которой было множество змей. Они терлись об меня, но не причиняли мне вреда, так как были моими друзьями. Они сделали это, чтобы я стал умным человеком и врачом".

Тогда мой отец сказал: "Мы пойдем в лагерь Байаме". [Среди вираджуров Баяме - верховный бог, а Дарамулун - его сын. Кем может быть "маленький Дарамулун", не очень понятно]. Он сел на нить, а меня посадил на другую, и мы держались друг за друга руками. На конце нити была Уомбу, птица Байаме. Мы поднялись сквозь облака, и на другой стороне оказалось небо. Мы прошли через место, через которое проходят врачи, и оно очень быстро открывалось и закрывалось. Мой отец сказал, что если оно коснется врача, когда он будет проходить через него, то повредит его дух, и когда он вернется домой, то заболеет и умрет. На другой стороне мы увидели Байаме, который сидел в своем лагере. Это был очень большой старик с длинной бородой. Он сидел, поджав под себя ноги, а из его плеч к небу над ним тянулись два огромных кристалла кварца. Там были также мальчики Байаме и представители его народа, которые являются птицами и зверями. (Тотемы.)

"После этого, находясь в буше, я начал поднимать кристаллы; но я очень заболел и с тех пор ничего не могу делать".

Ноябрь 1911 года.

БИБЛИОГРАФИЯ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ ЗАМЕЧАНИЕ.- Невозможно составить библиографию по столь обширной теме, даже если ссылаться только на первоклассные издания; отбор должен быть произвольным и недобросовестным. Здесь цитируются только книги, написанные на английском языке, и в основном более современные. Читателю рекомендуется потратить время, которое он может уделить предмету, в основном на описательные трактаты. Несколько очень познавательных исследований отмечены звездочкой. Во многих случаях для экономии места приводится только фамилия автора с инициалами, поэтому необходимо обратиться к библиотечному каталогу или списку авторов, который можно найти, *например*, в конце работ Вестермарка.

А. ТЕОРЕТИКА

ОБЩЕЕ.- Э. Б. Тайлор, *Антропология** (лучшее руководство); *Первобытная культура** (величайшая классика антропологии); работы лорда Эйвбери; *Антропологические очерки*, представленные Э. Б. Тайлору.

Древность человека - У. Дж. Соллас, *Древние охотники и их современные представители* (лучшее популярное изложение). Трудная тема без специальных знаний, которые можно почерпнуть из, например, Sir J. Evans (*Stone Implements*); J. Geikie (*Geology of Ice Age*), etc. См. также Brit. Mus. Путеводители по каменному веку, бронзовому веку, раннему железному веку.

РАСЫ И ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ. А.К. Хэддон, "*Расы человека*" и "*Странствия народов*" (лучшие краткие обзоры для работы); более подробные сведения у Дж. Деникера, А.Х. Кина, а для Европы - у У.З. Рипли. См. также Brit. Mus. Guide to Ethnological Collections.

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ЗАКОН - Дж. Г. Фрейзер, *Тотемизм и экзогамия**; Л. Х. Морган, *Древнее общество**; Э. Вестермарк, *История человеческого брака**; Э. С. Хартланд, *Примитивное отцовство*; А. Лэнг, *Тайна тотема*; Н. В. Томас, *Организация родства и групповой брак в Австралии*; Г. Вебстер, *Примитивные тайные общества*.

Религия, магия, народное творчество - Дж. Г. Фрейзер, "*Золотая ветвь*" (3-е изд.); Э. С. Хартленд, "*Легенда о Персее*" (особенно т. II); А. Лэнг, "*Миф, ритуал и религия*"*, "*Создание религии*" и т. д.; W. Robertson Smith, *Early Religion of the Semites**; F.B. Jevons, A.C. Crawley, D.G. Brinton, G.L. Gomme, L.R. Farnell, R.R. Marett, etc.

MORALS.-Е. Вестермарк, *Происхождение и развитие моральных идей**; Э.Б. Тайлор, *Contemp. Rev.* xxi-ii; L.T. Hobhouse, *Morals in Evolution*; A. Sutherland, *Origin and Growth of the Moral Instinct*.

Язык: Э. Дж. Пейн, *История Нового Света, называемого Америкой**, т. ii. Искусство: Y. Hirn, *Origins of Art.** Economics: P.J.H. Grierson, *The Silent Trade*.

B. DESCRIPTIVE

АВСТРАЛИЯ.- В. Спенсер и Ф.Дж. Гиллен, *Коренные племена Центральной Австралии**, *Северные племена Центральной Австралии*; А.В. Ховитт, *Коренные племена Юго-Восточной Австралии**; Дж. Вудс (и др.), *Коренные племена Южной Австралии*; Л. Фисон и А.В. Ховитт, *Камиларои и Курнау*; Х. Линг Рот, *Аборигены Тасмании*.

ОКЕАНИЯ И ИНДОНЕЗИЯ - Р.Х. Кодрингтон, *Меланезийцы**; Б.Х. Томпсон, *Фиджийцы*; А.К. Хэддон (и др.), *Отчет Кембриджской экспедиции в Торресов пролив*; К.Г. Селигманн (для Новой Гвинеи); Г. Тернер, У. Эллис, Э. Шортланд, Р. Тейлор (для Полинезии); А.Р. Уоллес, *Малайский архипелаг*; К. Хоуз и У. Макдугалл (для Индонезии).

АЗИЯ - J.J.M. de Groot, *The Religious System of China*; W.H.R. Rivers, *The Todas**; и множество других хороших авторитетов по Индии, например, Sir H.H. Risley, E. Thurston, W. Crooke, T.C. Hodson, P.R.T. Gurdon, C.G. и B.Z. Seligmann (*Veddars of Ceylon*); E.H. Man, *Journ. R. Anthropol. Instit.* xii (андаманцы); W. Skeat (для Малайского полуострова).

АФРИКА.- Юж: Х. Каллауэй, Э. Казалис, Дж. Маклин, Д. Кидд. Восток: А.К. Холлис, Дж. Роско, У.С. и К. Раутледж, А. Вернер. Запад: М.Х. Кингсли, А.Б. Эллис. Мадагаскар: У. Эллис.

АМЕРИКА. Огромное количество важных работ, см. в частности *Смитсоновский институт, отчеты Бюро этнологии* (Дж. У. Пауэлл, Ф. Боас, Ф. Кушинг, А. К. Флетчер, М. К. Стивенсон, Дж. Р. Суонтон, С. Минделефф, С. Пауэрс, Дж. Муни, Дж. О. Дорси, У. Дж. Хоффман, У. Дж. Макги и др.); Л. Х. Морган (об ирокезах), Дж. Тейт, К. Хилл-Таут; К. Люмхольц, *Неизвестная Мексика*; сэр Э. им Турн, *Среди индейцев Гвианы*.

ЕВРОПА. Древние: L.R. Farnell, *Cults of the Greek States*; J.E. Harrison, *Prolegomena to Greek Religion*; W. Warde Fowler, *Religious Experience of the Roman People*; *Anthropology and the Classics*, etc. Современные: G.F. Abbott, C. Lawson (для сравнения современных с древними), Folk-lore Society's Publications, etc.

C. SUBSIDIARY

С. Дарвин, *Происхождение человека* (часть I); У. Бейджхот, *Физика и политика**; У. Джеймс, *Разновидности религиозного опыта**; У. Макдугалл, *Введение в социальную психологию**; в этой же серии Геддес и Томсон, Ньюбигин, Майрес, Макдугалл, Кит.

Библиотека современных знаний Домашнего университета

Состоит из абсолютно новых книг ведущих авторитетов. Редакторы - профессора Гилберт Мюррей, Х.А.Л. Фишер, У.Т. Брюстер и Дж. Артур Томсон.

Суконный переплет, хорошая бумага, четкий шрифт, 256 страниц в каждом томе, библиографии, индексы, а также карты или иллюстрации, где это необходимо. Каждый том завершен и продается отдельно.

50 центов за том.

АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИЯ

[

Заказать
номер

]

47. Колониальный период (1607-1766).

Чарльз Маклин Эндрюс, профессор американской истории Йельского университета. Увлекательная история двухсот лет "колониального периода".

82. Войны между Англией и Америкой (1763-1815).

Теодор К. СМИТ, профессор американской истории, Уильямс колледж. История этого периода с особым акцентом на Революцию и Войну 1812 года.

67. От Джефферсона до Линкольна (1815-1860).

УИЛЬЯМ МАКДОНАЛД, профессор истории Брауновского университета. Автор заставляет историю этого периода распространяться о конституционных идеях и рабских настроениях.

25. Гражданская война (1854-1865).

ФРЕДЕРИК Л. ПАКСОН, профессор американской истории, Висконсинский университет.

39. Реконструкция и Союз (1865-1912).

PAUL LELAND HAWORTH, История Соединенных Штатов Америки в наши дни.

ОБЩАЯ ИСТОРИЯ И ГЕОГРАФИЯ

92. Древний Восток.

D.G. HOGARTH, M.A., F.B.A., F.S.A. Соединяется с *"Рассветом истории"* профессора Майреса (№ 26) примерно в 1000 г. до н.э. и рассматривает историю Ассирии, Вавилона, Киликии, Персии и Македонии.

94. Флот и морская мощь.

ДЭВИД ХАННЕЙ, автор *"Краткой истории королевского флота"* и др. Краткая история флотов, морской мощи и роста кораблей всех наций, включая подъем и упадок Америки на море, а также объяснение нынешнего превосходства Великобритании на нем.

78. Латинская Америка.

УИЛЬЯМ Р. ШЕФЕРД, профессор истории Колумбийского университета. С картами. Историческое, художественное и торговое развитие республик Центральной и Южной Америки.

76. Океан. Общий обзор науки о море.

СЭР ДЖОН МЮРРЕЙ, К.К.Б., натуралист корабля "Челленджер", 1872-1876, совместный автор книги *"Глубины океана"* и др.

86. Исследование Альп.

ARNOLD LUNN, M.A.

72. Германия наших дней.

Чарльз Тауэр.

57. Наполеон.

Х.А.Л. ФИШЕР, вице-канцлер Шеффилдского университета. Автор книги *"Республиканская традиция в Европе"* и др.

26. Рассвет истории.

Дж. Л. Майрес, профессор древней истории, Оксфорд.

30. Рим.

У. Уорд Фуллер, автор книги *"Социальная жизнь в Риме"* и др. "Мастерский очерк римского характера и того, что он сделал для мира" - *London Spectator*.

84. Рост Европы.

Грэнвилл Коул, профессор геологии, Королевский научный колледж, Ирландия.

Исследование геологии и физической географии в связи с политической географией.

13. Средневековая Европа.

Х.У.К. ДЭВИС, стипендиат Баллиол-колледжа, Оксфорд, автор книги *"Карл Великий"* и др.

33. История Англии.

А.Ф. ПОЛЛАРД, профессор английской истории Лондонского университета.

100. Польша.

У. АЛИСОН ФИЛЛИПС, Дублинский университет. История с особым акцентом на польском вопросе современности.

95. Бельгия.

Р.К.К. ЭНСОР, бывший стипендиат Баллиол-колледжа. Географические, лингвистические, исторические, художественные и литературные ассоциации.

3. Французская революция.

Автор HILAIRE BELLOC.

4. Краткая история войны и мира.

Г.Х. ПЕРРИС, автор книги *"Россия в революции"* и др.

20. История нашего времени (1885-1911).

Автор Г.П. Гоуч. *Движущаяся картина* мира с 1885 года.

22. Папство и современность.

Ву REV. УИЛЬЯМ БАППИ, доктор философии, автор книги *"Папская монархия"* и др. История взлета и падения временной власти.

8. Полярные исследования.

Д-р У.С. БРЮС, руководитель экспедиции "Скотия". Подчеркиваются результаты экспедиций.

18. Открытие Африки.

СЭР Х.Х. ДЖОНСТОН. Первый живой авторитет в этой области рассказывает, как и почему "туземные расы" отправились в различные части Африки, подводит итоги ее освоения и колонизации.

19. Цивилизация Китая.

Г.А. ГИЛЕС, профессор китайского языка, Кембридж.

36. Народы и проблемы Индии.

СЭР Т.У. ХОЛДЕРНЕСС. "Лучший небольшой трактат, посвященный кругу тем, на которые указывает его название" - *The Dial*.

7. Современная география.

Д-р Мэрион Ньюбиджин. Показывает связь физических характеристик с живыми существами и некоторыми из главных институтов цивилизации.

51. Мастера-мореплаватели.

ДЖОН Р. СПИРС, автор *"Истории нашего флота"* и др. История морских приключений с древнейших времен.

СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

91. Негр.

У.Э. БУРГХАРДТ ДЮБУА, автор книги *"Души черных людей"* и др. История черного человека в Африке, Америке и других местах, где его присутствие было или есть важным.

77. Совместное партнерство и разделение прибыли.

ЭНЬЮРИН УИЛЬЯМС, председатель исполнительного комитета Международного кооперативного альянса и др. Объясняет различные виды совместного партнерства или разделения прибыли, или и того, и другого, и подробно рассказывает о соглашениях, действующих в настоящее время во многих крупных отраслях промышленности.

98. Политическая мысль: От Герберта Спенсера до наших дней.

Автор: ЭРНЕСТ БАРКЕР, М.А.

99. Политическая мысль: Утилитаристы. От Бентана до Дж. С. Милля.

By WILLIAM L. DAVIDSON.

79. Безработица.

А.К. ПИГОУ, профессор политической экономии в Кембридже. Значение, измерение, распределение и последствия безработицы, ее связь с заработной платой, торговыми колебаниями и спорами, а также некоторые предложения по исправлению или облегчению положения.

80. Здравый смысл в праве.

Социальные и правовые нормы - Юридические права и обязанности - Факты и акты в праве - Законодательство - Обычаи - Судебные прецеденты - Справедливость - Закон природы.

49. Элементы политической экономии.

С.Дж. ЧАПМАН, профессор политической экономии и декан факультета коммерции и администрации Манчестерского университета.

11. Наука о богатстве.

Дж. А. ХОБСОН, автор книги *"Проблемы бедности"*. Исследование структуры и работы современного делового мира.

1. Парламент. Его история, конституция и практика.

СЭР КОРТЕНЕЙ П. ИЛБЕРТ, клерк Палаты общин.

16. Либерализм.

Профессор Л.Т. ХОБХУЗ, автор книги *"Демократия и реакция"*. Мастерский философский и исторический обзор предмета.

5. Биржа.

Ф.У. ХИРСТ, редактор лондонского журнала *"Экономист"*. Раскрывает нефинансовому уму факты об инвестициях, спекуляциях и других терминах, на которые намекает название книги.

10. Социалистическое движение.

Дж. РАМСЭЙ МАКДОНАЛД, председатель Британской рабочей партии.

28. Эволюция промышленности.

Д.Х. МАКГРЕГОР, профессор политической экономии Лидского университета. Очерк недавних изменений, которые привели к нынешним условиям жизни рабочих классов, и связанные с ними принципы.

29. Элементы английского права.

У.М. ГЕЛЬДАРТ, профессор английского права Винериан, Оксфорд. Простое изложение основных принципов английской правовой системы, на которых базируется правовая система Соединенных Штатов.

32. Школа: Введение в изучение образования.

Дж. Дж. Финдлей, профессор образования, Манчестер. Излагает историю, психологические основы и теорию школы с редкой силой обобщения и предложения.

6. Ирландская национальность.

Автор: МРС. J.R. GREEN. Блестящий рассказ о гении и миссии ирландского народа.

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

68. Болезни и их причины.

У.Т. КУНСИЛМАН, доктор медицины, доктор права, профессор патологии Гарвардского университета.

85. Секс.

Дж. АРТУР ТОМПСОН и ПАТРИК ГЕДДЕС, совместные авторы книги *"Эволюция пола"*.

71. Жизнь растений.

Дж. Б. ФАРМЕР, доктор наук, профессор ботаники в Императорском научном колледже. Этот очень полно иллюстрированный том содержит рассказ о важнейших особенностях формы и функций растений.

63. Происхождение и природа жизни.

БЕНДЖАМИН М. МУР, профессор биохимии в Ливерпуле.

90. Химия.

Рафаэль Мельдола, профессор химии, Технический колледж Финсбери. Рассказывает о том, как развивалась эта наука и какой стадии она достигла.

53. Электричество.

ГИСБЕРТ КАПП, профессор электротехники Бирмингемского университета.

54. Создание Земли.

Ву. J.W. GREGORY, профессор геологии, Университет Глазго. 38 карт и рисунков. Описывает происхождение Земли, формирование и изменения ее поверхности и структуры, геологическую историю, первое появление жизни и ее влияние на земной шар.

56. Человек: История человеческого тела.

Автор: А. КЕЙТ, доктор медицины, профессор Хантерианского университета, Королевский колледж хирургов. Показывает, как развивалось человеческое тело.

74. Нервы.

ДАВИД ФРЕЙЗЕР ХАРРИС, доктор медицины, профессор физиологии Университета Далхаузи, Галифакс. Нетехническим языком объясняет место и возможности нервной системы.

21. Введение в науку.

ПРОФ. ДЖ. АРТУР ТОМСОН, научный редактор библиотеки Домашнего университета. Для тех, кто не знаком с научными томами этой серии, это будет отличным введением.

14. Эволюция.

Профессор Дж. АРТУР ТОМСОН и профессор ПАТРИК ГЕДДЕС. Объясняет неспециалисту, что означает это название для научного мира.

23. Астрономия.

Автор А.Р. ХИНКС, главный ассистент Кембриджской обсерватории. "Решительно оригинальная по содержанию, самая читабельная и информативная книга по современной астрономии, которую мы видели за долгое время" - *"Nature"*.

24. Психические исследования.

Профессор У. Ф. БАРРЕТТ, бывший президент Общества психических исследований. Строго научное исследование.

9. Эволюция растений.

By DR. Д.Х. СКОТТОМ, президентом Лондонского Линнеевского общества. История развития цветковых растений, начиная с самых ранних зоологических времен, раскрытая на техническом языке.

43. Материя и энергия.

Ф. СОДДИ, преподаватель физической химии и радиоактивности в Университете Глазго. "Блестящая. Вряд ли ее можно превзойти. Несомненно, привлечет внимание" - *New York Sun*.

41. Психология, изучение поведения.

Уильям Макдоугалл, Оксфорд. Хорошо усвоенное краткое изложение основ этой науки в превосходной литературной форме от ведущего авторитета.

42. Принципы физиологии.

Профессор Дж. Г. Маккендрик. Компактное изложение почетного профессора из Глазго для неподготовленных читателей.

37. Антропология.

Р.Р. МАРЕТТ, читатель социальной антропологии в Оксфорде. Стремится наметить и подытожить общий ряд изменений, телесных и психических, которым подвергся человек в ходе истории. "Превосходно. Так увлеченно, так ясно и остроумно, и так хорошо приспособлено для широкого читателя" - *Книжный список Американской библиотечной ассоциации*.

17. Преступление и безумие.

Д-р К. А. Мерсье, автор книги *"Учебник безумия"* и др.

12. Мир животных.

Профессор Ф.В. Гамбл.

15. Введение в математику.

А.Н. Уайтхид, автор книги *"Универсальная алгебра"*.

ФИЛОСОФИЯ И РЕЛИГИЯ

69. История свободы мысли.

ДЖОН Б. БЬЮРИ, магистр философии, доктор права, профессор современной истории Кембриджского университета. Кратко излагает историю долгой борьбы между авторитетом и разумом и возникновения принципа, согласно которому принуждение к мнению является ошибкой.

55. Миссии: Их возникновение и развитие.

МРС. Мэнделл Крейтон, автор книги *"История Англии"*. Автор стремится доказать, что миссии сделали для цивилизации мира больше, чем любая другая человеческая организация.

52. Этика.

Г.Е. Мур, преподаватель морали в Кембридже. Рассуждает о том, что правильно и что неправильно, а также о том, почему и где.

65. Литература Ветхого Завета.

Джордж Ф. Мур, профессор истории религии Гарвардского университета. "Популярная работа высшего порядка. Будет полезна всем, кто достаточно заботится об изучении Библии, чтобы прочитать серьезную книгу по этому вопросу" - Американский богословский журнал.

50. The Making of the New Testament.

Б.У. Бэкон, профессор критики Нового Завета в Йельском университете. Авторитетное изложение результатов современных критических исследований, касающихся происхождения Нового Завета.

96. A History of Philosophy.

КЛЕМЕНТ К. Дж. УЭББ, Оксфорд.

35. The Problems of Philosophy.

БЕРТРАНД РАССЕЛЛ, лектор и поздний стипендиат Тринити-колледжа, Кембридж.

44. Буддизм.

By MRS. RHYS DAVIDS, Lecturer on Indian Philosophy, Manchester.

46. Английские секты: A History of Nonconformity.

У.Б. Сэлби, директор Манчестерского колледжа, Оксфорд.

60. Сравнительная религия.

Профессор Дж. Эстлин Карпентер.

88. Религиозное развитие между Ветхим и Новым Заветами.

Р.Х. ЧАРЛЬЗ, каноник Вестминстерского университета. Показывает, как развивалась религиозная и этическая мысль в период между 180 г. до н. э. и 100 г. н. э.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

73. Еврипид и его эпоха.

Гилберт Мюррей, профессор греческого языка в Оксфорде.

81. Чосер и его время.

Грейс Э. Хэдоу, лектор Леди Маргарет Холл, Оксфорд; последний читатель, Брин Моур.

70. Древнее искусство и ритуал.

JANE E. HARRISON, LL.D., D.Litt. "Одна из 100 самых важных книг 1913 года" - *New York Times Review*.

61. Викторианская эпоха в литературе.

By G.K. CHESTERTON.

97. Milton.

By JOHN BAILEY.

59. Доктор Джонсон и его окружение.

ДЖОН БЕЙЛИ. Рассматриваются жизнь, характер, произведения и дружеские связи Джонсона, а также примечательная характеристика "Гения Босуэлла".

58. Газета.

Г. Бинни Диббл. Первый полный рассказ изнутри о газетной организации в ее современном виде.

62. Художники и живопись.

Сэр Фредерик Уэдмор. С 16 полутоновыми иллюстрациями.

64. Литература Германии.

Дж. Г. РОБЕРТСОН.

48. Великие писатели Америки.

Авторы У. П. Трент и ДЖОН ЭРСКИН из Колумбийского университета.

87. Ренессанс.

Эдит Сичел, автор книг *"Екатерина Медичи"*, *"Мужчины и женщины французского Возрождения"*.

101. Данте.

ДЖЕФФЕРСОН Б. ФЛЕТЧЕР, Колумбийский университет, толкование Данте и его учения по его произведениям.

93. Очерк русской литературы.

Морис Баринг, автор книги *"Русский народ"* и др. Толстой, Тургенев, Достоевский, Пушкин (отец русской литературы), Салтыков (сатирик), Лесков и многие другие авторы.

40. Английский язык.

Л.П. СМИТ. Краткая история его возникновения и развития.

45. Средневековая английская литература.

У.П. КЕР, профессор английской литературы Университетского колледжа в Лондоне. "Один из самых солидных ученых. Его стиль эффективен, прост, но никогда не бывает сухим" - *The Athenaeum*.

89. Елизаветинская литература.

Дж. М. РОБЕРТСОН, М. П., автор книг *"Монтень и Шекспир, современные гуманисты"*.

27. Современная английская литература.

Г.Х. МЭЙР. От Уайетта и Суррея до Синджа и Йитса. "Одна из лучших книг этой великой серии" - "Чикаго *Ивнинг Пост*".

2. Шекспир.

Бу JOHN MASEFIELD. "Одно из немногих незаменимых дополнений к шекспировской библиотеке" - Boston *Transcript*.

31. Вехи французской литературы.

Г.Л. СТРАХИ, стипендиат Тринити-колледжа, Кембридж. "Трудно представить, как можно дать лучший отчет о французской литературе на 250 страницах" - London *Times*.

38. Архитектура.

Профессор У. Р. Летаби. Введение в историю и теорию строительного искусства.

66. Написание английской прозы.

УИЛЬЯМ Т. БРЕВСТЕР, профессор английского языка Колумбийского университета. "Должна быть помещена в руки каждого человека, который начинает писать, и каждого преподавателя английского языка, у которого достаточно мозгов, чтобы понять смысл" - New York *Sun*.

83. Уильям Моррис: его творчество и влияние.

А. CLUTTON BROCK, автор книги *Shelley: The Man and the Poet*. Уильям Моррис считал, что художник должен трудиться ради любви к своему делу, а не ради выгоды работодателя, и поэтому от создания произведений искусства он перешел к переделке общества.

75. Шелли, Годвин и их окружение.

Автор Г. Н. Брейлсфорд. Влияние Французской революции на Англию.

ДРУГИЕ ТОМА В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ

ГЕНРИ ХОЛТ И КОМПАНИЯ

34 West 33d Street, New York